

Вестник Московского университета

ISSN 2074–6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 22

теория перевода

2/2017

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2017 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Воицкая А.А.* Теория принятия решений в трансдисциплинарной науке о переводе. 3
- Иванов Н.В.* Пять аспектов природы перевода 20

Методология перевода

- Бунятова Ф.Д.* Мафия: проблемы юридического перевода. 49
- Чжу Инли.* Непереводимость в процессе художественного перевода с русского языка на китайский 58

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Соколова Н.В.* Синтагматические аспекты словосочетания в призме функционального стиля 73
- Юсупова С.М.* Ценность свободы во фразеологии 86

Вопросы терминологии

- Важинчик Я., Вежхонь П.* Как революционизировать технологию составления словарей 94
- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* О концептуально-теологических и терминографических критериях отбора терминов в словники богословских словарей. 105
- Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е.* Специфика перевода терминов антропологии 117

Contents

General Translation Theory

<i>Voyutskaya, A.A.</i> Decision-making theory in transdisciplinary translation studies	3
<i>Ivanov, N.V.</i> Five aspects of translation	20

Methodology of Translation

<i>Buniatova, F.D.</i> Mafia: legal translation issues	49
<i>Zhu Ying-li.</i> Untranslatability in Russian-to-Chinese literary translation.	58

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

<i>Sokolova, N.V.</i> Syntagmatic aspects of word collocations considered from the perspective of functional styles	73
<i>Yusupova, S.M.</i> The value of freedom in phraseology	86

Terminology Issues

<i>Wawrzyńczyk, Ja., Wierzchoń, P.</i> How to revolutionize the technology of dictionary-making	94
<i>Kulpina, V.G., Tatarinov, V.A.</i> Conceptual, theological and terminographical criteria for the selection of terms for theological dictionaries.	105
<i>Minyar-Beloroucheva, A.P., Pokrovskaya, M.E.</i> Features of anthropology terms translation	117

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

А.А. Воюцкая, аспирантка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vaniteuse@inbox.ru

ТЕОРИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ НАУКЕ О ПЕРЕВОДЕ

В настоящей статье представлена попытка рассмотрения перевода как деятельности по принятию решений, основанная на изучении понятийно-категориального и методологического аппарата теории принятия решений. В статье представлены результаты эксперимента, что позволило добавить к существующим ранее новые типы переводческих решений и этапы принятия решений и с другой стороны взглянуть на общие для исследований перевода вопросы: переводческой стратегии и единицы перевода.

Ключевые слова: перевод, процесс принятия решений, переводческая стратегия, единица перевода.

Aleksandra A. Voyutskaya, Graduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vaniteuse@inbox.ru

DECISION-MAKING THEORY IN TRANSDISCIPLINARY TRANSLATION STUDIES

This article is an attempt to view translation as a decision-making process based on the concepts, categories and methods of the decision-making theory. The article presents the results of the experiment which made it possible to add new types of translation decisions and steps to existing ones as well as to analyze the notions of translation strategy and translation unit which are considered to be issues common to translation research.

Key words: translation, decision-making process, translation strategy, translation unit.

Введение

Неоспорим тот факт, что перевод как сложное, комплексное явление, действующее на самые разные стороны человеческой деятельности и являющееся проявлением многогранности человеческой природы, составляет предмет столь же сложной и многогранной теории, которая охватывает методологию исследования, понятийно-категориальный аппарат и достижения многочисленных научных дисциплин, иначе говоря, является трансдисциплинарной отраслью научного знания. По мнению Н.К. Гарбовского, «принятие системологической модели науки о переводе и системный подход к исследованию перевода, систематизация научных данных о пере-

воде, получаемых разными научными дисциплинами, могли бы свидетельствовать о выходе этой науки к новой парадигме системной трансдисциплинарности» [Гарбовский, 2015: 19]. Являясь дисциплиной сравнительно молодой, теория перевода тем не менее обладает мощнейшим потенциалом развития в разных, зачастую очень далёких друг от друга направлениях, но в конечном итоге имеет главной целью *совершенствование переводческого процесса и потенциала переводчика*.

Именно с таких позиций ведутся исследования перевода на стыке с психологией и когнитивной наукой, которые формируют отдельную парадигму в переводоведении. Такие исследования направлены на изучение познавательных процессов человеческой психики, а именно памяти, внимания, восприятия, понимания, воображения, мотивации, принятия решений и т.д. и стремятся выявить специфические проблемы в переводческой деятельности и возможные пути их решения, преследуя главную цель – совершенствование переводческого процесса [Baker, 1998: 181].

Немецкий теоретик перевода В. Вильс, внёсший большой вклад в исследование переводческого процесса, утверждает: «*Переводчик не обязан что-либо знать о клетках мозга или о нейрофизиологии, однако если он хочет понимать, что же собственно он делает, когда переводит, ему нужно в определённой степени знать и уметь оценивать процедуры, характерные для процесса перевода*»¹ [Wyls, 1996: 41]. В нашем исследовании мы как раз пытаемся ответить на этот вопрос: как понять, что делает переводчик? В какой мере его действия являются осознанными, а не интуитивными? Как правильно оценить процедуры, применяющиеся переводчиком в процессе перевода, их результаты и возможные последствия?

Отталкиваясь от этой идеи, мы рассматриваем *перевод как деятельность по принятию решений*, т.е. деятельность, при которой переводчик оказывается перед препятствием, для преодоления которого существуют различные пути решения. Это ставит переводчика в ситуацию *выбора*, результатом которого становится принятое решение.

Перевод как процесс принятия решений

Попытки рассматривать процесс перевода как процесс принятия решений имеют целью так или иначе совершенствовать процесс осознанного принятия решений и рационализировать его,

¹ “Translators need not know anything about brain cells or neurophysiology, but if they want to find out what they are actually doing when they translate, they should to some extent be prepared to know and to evaluate the procedures which are typical for translation”.

помогая переводчику избегать произвольных решений. Это предполагает создание некоего единого алгоритма действий переводчика или рекомендаций универсального характера. Однако, во-первых, материалом для исследований процесса принятия решений в большинстве случаев служат вербализованные протоколы переводчиков (англ. “*think aloud protocols*”, “*TAP*”), степень репрезентативности которых нельзя назвать высокой, поскольку само их наличие предполагает искажение процесса [Lauffer, 2002: 59]. Во-вторых, проблемы, с которыми сталкивается переводчик, в основном носят частный, уникальный характер, и чем специфичнее проблема, тем менее применимо её решение для создания универсального алгоритма. В-третьих, как утверждает Вильс, подход к принятию решений у людей редко подчиняется нормативным теориям принятия решений; он зависит от индивидуальной способности и манеры обработки информации. К тому же перевод включает в себя множество факторов, таких как ограниченность объёма памяти и знаний, проблемы с вниманием, рассеянность, явление интерференции и т.п., а также неизвестно, какую роль в принятии решений переводчиком играет ситуационный контекст, социокультурная принадлежность текста и самого переводчика, что ставит вопрос о степени вовлеченности человека в принятие решений и его осознанности [Wilss, 1996: 45].

Все это затрудняет исследование механизмов принятия решений в переводе и ставит под сомнение возможность создания некоего универсального алгоритма, который учитывал бы все факторы, прямо или косвенно влияющих на процесс принятия решений. В связи с этим основная задача подобных исследований, претендующих на получение результата практически применимого и универсального, на наш взгляд, сводится к формулированию рекомендаций, следуя которым, переводчик мог бы принимать решения, носящие более объективный, осознанный и рациональный характер, а также избегать произвольных и ошибочных решений, неверного подхода в условиях ограниченности ресурсов (времени, знаний, опыта, и пр.).

1.2. Теория принятия решений: проблематика, история, терминология

Понятия «выбор» и «решение» формируют основу отдельной научной дисциплины – *теории принятия решений* (далее – ТПР), которая эмпирически начала складываться ещё во времена античности, накапливала теоретическую базу из размышлений выдающихся деятелей Средневековья и Нового времени, занимающихся

вопросами права, этики и экономики. Статус самостоятельной области знаний она приобрела в XX веке с развитием экономических теорий и появлением теории организационного управления. Рассуждения о выборе Платона и Аристотеля располагались в русле политики и этики, использовали абстрактный категориально-понятийный аппарат античной философии и носили скорее эвристический характер. В Новое время фокус исследований процесса принятия решений (далее – ППР) смещается в сторону морали и права. С развитием экономических отношений и, соответственно, с появлением первых экономических теорий исследование процесса принятия решений приобрело более утилитарный характер. Определились основные области, где процесс принятия решений играет доминирующую роль: это прежде всего политика и управление (вопросы голосования, и т.п.), этика (теории морального выбора), экономика и менеджмент (теории управления). В этих областях исследование механизмов выбора не только глубоко теоретизировано, но и находит широкое практическое применение, оптимизируя процесс принятия решений и позволяя глубже и точнее понимать его сущность.

В исследованиях перевода вопрос о необходимости исследования решений, принимаемых переводчиком, также был поставлен: в середине XX века благодаря работам чешского теоретика перевода И. Левого рождается идея о переводе как процессе принятия решений, и вплоть до сегодняшнего дня предпринимается множество попыток моделирования процесса перевода на этой основе [Levý, 2012: 73]. Тем не менее, стадия, на которой в настоящий момент находится решение этой задачи, далека от значительных практических результатов, которые нельзя бы было поставить под сомнение. Для того чтобы адекватно понимать и оценивать наиболее значимые идеи и выводы, представляется необходимым прежде всего обратиться к самой ТПР, её основным положениям, понятиям и методологии.

Главная задача ТПР – совершенствование процесса принятия решений в какой-либо области. Её методология позволяет всесторонне исследовать проблемы, возникающие в процессе принятия решений. Категориально-понятийный аппарат ТПР состоит из следующих терминов: *цель, задача, проблема, принятие решения, выбор, лицо, принимающее решение (ЛПР), альтернативный вариант, оптимальное решение.*

- *Задача* – поиск наилучшего способа действий для достижения некой цели, который определяется как оптимальный.

- Цель – идеальное представление желаемого результата.
- Проблема – несоответствие фактического состояния желаемому. То., сущность задачи ПР заключается в устранении проблемы.
- Субъект решения – лицо, принимающее решение (ЛПР). Им может являться индивидуальный субъект или группа лиц.
- Принятие решения – процесс не одномоментный, поэтому в ТПР существует понятие процесса принятия решений.
- В процессе принятия решений вырабатываются альтернативные варианты. В качестве оценки решений выступает категория *предпочтительности*, которая основывается на объективном анализе ситуации и её субъективной оценке.
- Решение, являющееся результатом ППР, представляет собой *предписание к действию*.
- Ограничения, существующие в организационном управлении, бывают разного характера: ресурсные, юридические, правовые, морально-этические.
- Оптимальное решение представляет собой экстремум критерия выбора.
- Эффективность решения – параметр, вычисляющийся математически: определяется отношением степени достижения цели к затратам на их достижение.

Выбор между альтернативными вариантами обусловлен представлением ЛПР о *вероятностях* возможных исходов и *предпочтениями*, отдаваемым этим исходам. В теории перевода использование категории вероятности также могло бы быть целесообразным: приняв решение, оценить его одномоментно и со стопроцентной точностью вряд ли возможно, поскольку в этой области мы также имеем дело с условиями неопределённости. Принимая решение, переводчик оценивает его вероятные последствия: насколько это решение удовлетворит заказчика? Насколько это решение понравится читателю? И т.п. Учитывая комплексность факторов, влияющих на работу переводчика, мы также можем согласиться с использованием категории предпочтительности, как для переводчика, который в условиях множества неизвестных пытается принять решение, удовлетворяющего всем критериям, но так или иначе отдаёт предпочтение некоторым из них (к примеру, жертвуя какими-либо особенностями ТУ в угоду заказчику), так и для внешних параметров сложной системы переводческой деятельности. Соответственно, если может существовать алгоритм процесса перевода с точки зрения принимаемых решений, то он должен включать в себя как минимум следующие факторы:

2. Эксперимент

2.1. Описание

Нами был проведён пилотный эксперимент с целью выявления общих закономерностей процесса принятия решений в процессе перевода, а именно:

- выделение этапов принятия решения;
- выделение возможных подходов к переводу письменного текста (переводческая стратегия в общем и компоненты, которые её формируют):

- соотношение основополагающих этапов чтения, собственно перевода и редактирования;

- поведение в пределах фазы “перевода”;

- выделение каждым переводчиком *единицы перевода / единицы ориентирования / единицы принятия решения* и связь между ними).

Материалом для исследования послужил перевод одного предложения из предисловия к роману А. Камю «Чума» разными переводчиками. В пилотном эксперименте принимало участие двое *испытуемых*. Их задача заключалась в том, чтобы в ходе перевода осуществлять “протоколы вербализации” – т.е. письменно фиксировать весь ход переводческого процесса, все мысли, релевантные для процесса перевода. Информация в протоколах первого и второго переводчика зафиксирована следующим образом (рис. 1):

Ход исследования:

- 1) основываясь на письменных протоколах переводчиков, разбить “кривую” переводческого процесса на отдельные шаги;

- 2) соотнести эти шаги с основными типами решений;

40 слов, 24 единицы (слово/слово + артикле)	1	2	1
Les désirs des plus jeunes sont violents et brefs, tandis que les vices des plus âgés ne dépassent pas les associations de boules au es, les banquets des amica-les et les cercles où l'on joue gros jeu sur le hasard des cartes.	1	Désirs наслаждения/удовольствия/хобби/занятия/жела- ния 4 Violent – жестоки? 5 Bref – стремительны/преходящи? 13 boulesman – «любитель игры в шары»	Автоматизм: «Желания самых молодых жестоки и коротки, в то время как пороки самых старых не переходят ассоциации...». 13 Смотрю перевод «boulesman» – любитель игры в 14,15 шары; «банкеты дружеских (в дружеском кругу?) 16-24 и круги, где играют в большую игру (играют по- крупному) на случайность карт».
Les désirs (1) des plus (2) jeunes (3) sont (3.1) violents (4) et brefs (5), tandis que (6) les vices (7) des plus (8) âgés (9) ne dépassent pas (10) (11) les associations (12) de boulesmanes (13), les banquets (14) des amica-les (15) et les cercles (16) où (17) l'on (18) joue (19) gros (20) jeu (21) sur (22) le hasard (23) des cartes (24).	1-14	Желания/мечты/... самых молодых неистовы и стремительны, в то время как пороки стариков ограничиваются собраниями любителей игры в шары, дружескими пикниками 2,3 4-5, 6 10,11 12-13, 14-15 -16, -23	Вся фраза натужно получилась, нужно трансформировать. «В ранней молодости... В юности желания жестоки и коротки (быстротечны?!), тогда как (не слишком громоздкий союз) пороки не выходят за грань (ограничиваются?) собраться поиграть в шары... совместной игрой в шары... Дружескими банкетами и (cercles и hasard можно опустить?) карточными играми по-крупному.
	19- 21	Словарь: jouer gros jeu крупно играть peren risquer вести крупную игру	Т Шпифуо: «В юности желания жестоки и быстротечны, а в старости пороки сводятся к совместной игре в шары, дружеским банкетам и карточным играм по-крупному». Как передашь hasard всё-таки? Случайность, риск. Рисковым карточным играм. Ещё вариант "ne se délassent pas" не идут, не заходят дальше... Опечатка. Так: «amicales».
	16	cercles – тоже скорее всего какие-то собрания, собрания. Посиделки?	

Рис. 1

3) основываясь на общей картине, выделить основные этапы принятия решения;

4) выявить подходы разных переводчиков к выделению единицы перевода и найти связь с единицей принятия решения;

5) определить, какие компоненты формируют общую стратегию перевода.

2.2. Предложение

Исследуемое предложение состоит из 40 слов, что составляет 24 смысловые единицы. «Смысловая единица» представляет собой рабочий термин, условно обозначающий минимальную единицу, потенциально имеющую эквивалент в тексте перевода (слово / слово + артикль):

Les désirs (1) des plus (2) jeunes (3) sont violents (4) et brefs (5), tandis que (6) les vices (7) des plus (8) âgés (9) ne dépassent pas (10) (11) les associations (12) de boulomanes (13), les banquets (14) des amicales (15) et les cercles (16) où (17) l'on (18) joue (19) gros (20) jeu (21) sur (22) le hasard (23) des cartes (24).

2.3. Типы решений

При соотношении каждого принятого решения с конкретным типом мы основывались на классификации Юнгерманна, который выделяет 4 типа решений: 1) автоматические; 2) стереотипные; 3) требующие размышлений (проблема структурирована); 4) требующие размышлений (структура проблемы не очевидна).

2.4. Этапы принятия решения

Корбин выделяет 6 этапов принятия решения [Corbin, 1980, цит. по Wilss, 1996]:

1) выявление проблемы (*problem identification*);

2) осмысление и описание проблемы (*problem clarification, description*);

3) сбор информации (*research on background information, collection of data*);

4) размышления о выборе подхода (поведение, предшествующее моменту выбора) (*deliberation on how to proceed*);

5) момент выбора (*moment of choice*);

6) поведение после момента выбора (*post-choice behavior*).

Классификация Корбина не противоречит логике, однако, нам представляется, что последний этап демонстрирует слишком большой уровень обобщения по сравнению с остальными. В этой связи мы сочли необходимым развить данную классификацию, обратив

более пристальное внимание на фазу поведения после момента выбора. Анализ общей картины позволил нам скорректировать данную классификацию и выделить внутри фазы “поведение после момента выбора” конкретные этапы:

- 1) выявление проблемы;
- 2) описание, прояснение структуры проблемы;
- 3) сбор информации;
- 4) размышления о выборе подхода к решению проблемы;
- 5) поиск альтернативных вариантов;
- 6) момент выбора;

поведение после момента выбора:

- 7) поведение после момента выбора: **сомнение**;
- 8) поведение после момента выбора: **отказ от старых альтернатив**;
- 9) поведение после момента выбора: **поиск новых альтернатив**;
- 10) поведение после момента выбора: **возвращение к старому решению**;
- 11) поведение после момента выбора: **принятие нового решения**;
- 12) поведение после момента выбора: **отказ от принятия решения**;
- 13) **решение вернуться к началу, начало нового подхода к предложению**.

В таблице 1 показано разбиение перевода исследуемого предложения на последовательные шаги по протоколам двух переводчиков, определены соответствующие шагам этапы принятия решений, а также определён тип каждого окончательного решения по классификации Юнгерманна с учётом этапов, понадобившихся для принятия решения. К примеру, шаг 1 первого переводчика включает в себя момент выявления проблемы (1) и поиск вариантов перевода (5). Момент выявления проблемы не выделен нами в отдельный шаг, поскольку как таковой в протоколе он не зафиксирован, однако его наличие несомненно в виду того, что окончательное решение в первом шаге не принято. В переводе первого переводчика мы выделили 32 этапа; в переводе второго – 43 этапа:

3. Результаты эксперимента

3.1. Стратегия

В первом случае избранная стратегия представляет собой предварительное *прочтение* текста с остановками в тех местах, которые потенциально могут представить трудность в переводе (слово, основное значение которого или фраза, дословный перевод которой скорее всего потребует изменений) с немедленным предложением поля вариантов перевода (синонимов из головы или списка значений

Таблица 1

1 Описание шага	Этапы принятия решения	Тип решения	2 Описание шага	Этапы принятия решения	Тип реше- ния
1) 1 (подбор вариантов «из головы», 5 вариантов) 2) 4 (буквальное значение) 3) 5 (подбор вариантов «из головы») 4) 13 (консультация со словарём) 5) Попытка начать перевод целой фразы 6) 1 (сокращение поля вариантов до 2) 7) Буквальный перевод 2, 3 8) Ощущение 2 8.1) Автоматическое опущение 3.1 (sont) 9) Выбор иного эквивалента для 4 10) Выбор одного из двух предложенных вариан- тов для 5 11) Автоматический, незапротокольный вы- бор эквивалента для 6 12) Автоматический, незапротокольный вы- бор эквивалента для 7 13) Перевод 8, 9 с автоматическим избранием уже использованной стратегии по аналогии с созна- тельным решением в случае с 2, 3 14) Автоматический, незапротокольный вы- бор эквивалента для 10, 11 с использованием при- ёма антонимического перевода	1,5 6 1,5 1,3 13 8 6 1, 8, 9, 6 6 8, 9, 11 6 6 6 1, 6 6 6 6	1 1 3 1 1 3 3 1 1 1 3 3 1 1 2 2 2 2	1) 1 дословный перевод 2) 2 дословный перевод 3) 3 дословный перевод 4) 3.1 автоматическое опущение «sont» 5) 4 дословный перевод 6) 5 дословный перевод 7) 6 дословный перевод 8) 7 дословный перевод 9) 8 дословный перевод 10) 9 дословный перевод 11) 10 дословный перевод 12) 11 дословный перевод 13) 12 дословный перевод 14) 13 консультация со словарём 15) 14–15, дословный перевод 16) 14–15, предложение альтернативно- го варианта 17) 16 дословный перевод 18) 17–21, дословный перевод 19) 17–21, предложение альтернативно- го варианта 20) 22–24 дословный перевод 21) Решение трансформации черного варианта перевода 22) 2–3 предложение двух вариантов	6 6 6 6 6 6 6 6 6 6 6 6 6 1, 3 6 7, 9 6 6 7, 9 6 13 7, 9, 6	1 1

1 Описание шага	Этапы принятия решения	Тип решения	2 Описание шага	Этапы принятия решения	Тип решения
<p>15) Автоматический, незапротоколированный выбор эквивалента для 12 (возможно, из DUDH: «свобода собраний и ассоциаций»...)</p> <p>16) Принятие варианта, предложенного словарём, для 13, отход от поиска других вариантов</p> <p>17) Автоматический, незапротоколированный выбор эквивалента для 15</p> <p>18) Остановка: поиск эквивалента для 14 ставит проблему, требующую слишком большое число мыслительных операций, чтобы продолжать дальше, не останавливаясь. Переход к проблеме</p> <p>19) Поиск эквивалента для 14; уточнение референта</p> <p>20) Поиск эквивалента для 14: предложение поля вариантов (5)</p> <p>21) Поиск эквивалента для 14: выбор одного варианта из 5</p> <p>22) Возвращение к началу (попытка обзора целого отрезка)</p> <p>23) Для 1 сокращение двух вариантов до одного</p> <p>24) Добавление «здесь» (конкретизация)</p> <p>25) Новое препятствие: 19, 20, 21 – фразеологизм. Референт ясен, достойный эквивалент сразу не найден</p>	<p>6</p> <p>1</p> <p>2</p> <p>5</p> <p>6, 9</p> <p>13</p> <p>6</p> <p>1, 6</p> <p>1, 2, 4</p> <p>3, 5</p>	<p>3</p> <p>2</p> <p>2</p> <p>4</p> <p>3</p> <p>2</p> <p>4</p>	<p>23) 5 предложение альтернативного варианта</p> <p>24) 6, оправдание дословного перевода (словарного значения союза)</p> <p>25) 10, предложение двух вариантов</p> <p>26) 12–13, предложение двух вариантов</p> <p>27) 14–15, дословный перевод</p> <p>28) 16 – выявление проблемы</p> <p>29) 23 – выявление проблемы</p> <p>30) 19–(23)24 – описательный перевод</p> <p>31) Переход к редактированию: «шлифовка»</p> <p>32) 5 выбор одного из двух вариантов</p> <p>33) 6 – предложение нового варианта</p> <p>34) 8 – предложение нового варианта</p> <p>35) 10, предложение нового варианта</p> <p>36) 12–13, предпочтение одного варианта из двух</p> <p>37) 23, возвращение к проблеме</p> <p>38) 23, уточнение референта</p> <p>39) 23, предложение одного варианта</p> <p>40) 10, возвращение к проблеме</p> <p>41) 10, предложение двух вариантов</p> <p>42) Окончательная версия</p>	<p>7, 9</p> <p>2</p> <p>7, 9</p> <p>7, 9</p> <p>11</p> <p>1, 4</p> <p>1, 4</p> <p>11</p> <p>13</p> <p>6</p> <p>8, 11</p> <p>11</p> <p>8, 11</p> <p>6</p> <p>7, 4</p> <p>9</p> <p>11</p> <p>7</p> <p>9</p> <p>13</p>	

Окончание табл. 1

1 Описание шага	Этапы принятия решения	Тип решения	2 Описание шага	Этапы принятия решения	Тип реше- ния
26) Обращение к словарю: предложено 3 варианта 27) Переход к другой проблеме, выбора одного ва- рианта не происходит 28) Новая проблема: уточнение референта для 16 29) Предложение трёх вариантов для 16, выбор од- ного 30) Уточнение референта для 19–24 31) Предложение одного варианта для 19–24 (опи- сательный перевод) 32) Окончательная версия	12 1, 2 5, 6, 7 1, 2 6, 7 13	4	43) 10, предпочтения одного из двух ва- риантов из п. 37 для 10	11	
Количество этапов: 32			Количество этапов: 43		

словаря). Это первое пришедшее в голову (4, 2–3, 14) или взятое из словаря (13, 19–21) значение может фиксироваться, а может отбрасываться интуитивно, сразу заменяясь списком вариантов (1, 5, 16).

Таким образом, выявление наиболее явных проблем происходит на стадии чтения, поиск решений – на всех трёх стадиях чтения, перевода и редактирования с многократным возвращением к проблемам, при этом в отсутствии чёткой последовательности. Окончательная версия составляется из наиболее **оптимальных** частных вариантов.

Процесс перехода от одной единицы к следующей происходит не всегда только после окончательного решения; фазы перевода накладываются друг на друга.

Во втором случае фаза перевода начинается сразу, фаза предпереводческого анализа отсутствует, выявление проблем и поиск решений осуществляется по ходу. Фазы перевода чётко разграничены.

1) Первый этап (1–12) – дословный перевод, первое словарное значение для каждой единицы (1–3, 4–12); для слов с неясным референтом сразу происходит поиск референта – к примеру, значения в словаре (13). В случае с явно тяжёлыми вариантами перевода осуществляются первичные трансформации (15, 19–21).

2) Обзор черного варианта, вывод о необходимости трансформаций.

3) Перевод с соблюдением последовательности единиц; определение проблемных ситуаций с предложением в каждой альтернативного варианта перевода (2–3, 4, 5, 10, 12–13, 14–15, поле вариантов включает в себя не более двух). Выявление новых проблемных ситуаций (16–23), которые остаются нерешёнными.

4) «Шлифовка»: редактирование ТП. Заключается в предпочтении в каждой паре одного из альтернативных вариантов.

5) Обращение к оставшимся нерешёнными проблемам (16, 23) с предложением решения.

6) Окончательная версия представляет собой последовательное соединение принятых решений.

3.2. Единица принятия решения/единица перевода

Каждая смысловая единица была проанализирована с точки зрения: 1) соответствующих этапов принятия решения; 2) количества этапов, потребовавшихся для принятия окончательного решения; 3) типа окончательного решения; 4) интервала между первым и последним шагом.

Таблица 2

№ смысл. единицы	Этапы DM-1	Количество этапов	Тип D-1	Первый шаг	Послед- ний шаг	Интервал между III1 и III2
1	1, 5, 8, 6, 3, 6	6	3	1	23	22
2	6, 1, 8, 9, 11	5	3	7	8	1
3						
4	6	1	1	2	2	0
5	1, 5, 6	3	3	3	10	7
6	6	1	1	11	11	0
7	6	1	1	12	12	0
8	1,6	2	2	13	13	0
9						
10	(1), 6	1(2)	2	14	14	0
11						
12	6	1	2	15	15	0
13	1, 3, 6	3	3	16	16	0
14	1, 2, 5, 6, 9	5	4	18	21	3
15	6	1	1	22	22	0
16	1, 2, 5, 6, 7	5	4	28	29	1
17	6	1	1	32	32	0
18	6	1	1	32	32	0
19	1, 2, 4, 3, 5, 12, 1, 2, 6, 7	10	4	25	31	6
20						
21						
22						
23						
24						

№ смысл. единицы	Этапы DM-1	Количество этапов	Тип D-1	Первый шаг	Последний шаг	Интервал между Ш1 и Ш2
Среднее значение	Кол-во единиц – 16	Этапов для одной единицы – <u>2,93</u> Этапов на один шаг – <u>1,47</u> Макс. – <u>10</u> Мин. – <u>1</u> Подходы к целой фразе – <u>4</u>		1) 37% 2) 19% 3) 25% 4) 19%		Ср. интервал – 2,5 Макс. инт. – 22 Мин. инт. – 0

Из таблицы 2 следует, что окончательное решение может относиться не только к одной смысловой единице, но и объединять несколько смысловых единиц. К примеру, в протоколе первого переводчика таких «групп» выделено 16 (E_2 и E_3 , E_8 и E_9 , E_{10} и E_{11} , а также E_{19} , E_{20} , E_{21} , E_{22} , E_{23} и E_{24} соответственно соответствуют единицам перевода EP_2 , EP_7 , EP_8 , EP_{16}), а в протоколе второго – 15.

В первом случае на одну единицу пришлось 2,93 этапа, на один шаг – 1,47 этапа, минимальное число этапов для одной единицы – 1, максимальное – 10 (EP_{16}). Средний интервал между первым и последним шагом 2,5, минимальный – 0, максимальный – 22 (EP_1). Во втором случае на одну единицу пришлось 3,33 этапа, на один шаг – 1,16 этапа, минимальное число этапов для одной единицы – 1, максимальное – 7 (EP_{15}). Средний интервал между первым и последним шагом 2,5, минимальный – 0, максимальный – 32 (EP_8).

Это привело нас к выводу о том, что 1) этапы принятия решения не последовательны; 2) этапы накладываются друг на друга; 3) одно решение может состоять только из момента выбора (что соответствует автоматическому решению, не вербализованному в протоколе), а может включать в себя большое количество этапов (в данном случае максимальное число – 10); 4) определённое количество отложенных решений (которые могут соответствовать как 4 типу, так и 1), максимальный интервал между Ш₁ и Ш₂ – 32.

Проведённое экспериментальное исследование позволило сделать предположение о выделении единицы, которая состоит из группы смысловых единиц, объединённых общим окончательным решением и формирующих некую минимальную целостность. Это не минимальная единица, имеющая соответствие в тексте перевода (так как в конечном итоге эти единицы в ИТ и ПТ могут совпадать), и не минимальный фрагмент, изначально избираемый переводчиком для перевода. Эта единица, скорее соответствующая еди-

нице принятия решения; она выделяется переводчиком не сразу ($19 - 24 = 1$, $17 - 24 = 2$), а формируется в процессе мыслительной деятельности по принятию решений как её результат. Мы не можем говорить о том, что она соответствует операционной единице, поскольку для одной единицы перевода операционные единицы могут меняться. Поэтому оценивать её следует скорее в категориях не процесса, а результата.

Возникают вопросы: совпадает ли единица перевода с единицей принятия решения? Можем ли мы определить ЕП через ЕПР? Что все-таки такое единица перевода? Если она не совпадает с единицей принятия решения, что это такое? Если мы «рассматриваем процесс перевода как процесс принятия решений», то, может быть, единица перевода и должна быть единицей принятия решения? Можем ли мы считать ли процесс подбора вариантов непосредственно процессом перевода?

Заключение

Первичный анализ вербализованных протоколов и выделенных на их основе этапов позволил прийти к выводу о том, что единица перевода – не только *величина переменная* (как показывает анализ протоколов, она может состоять из одного слова, из знаменательной + служебной части речи, из словосочетания и даже предложения), но и выделяется по-разному у каждого переводчика. Тем не менее она безусловно существует как операционная единица процесса, протекающего у каждого переводчика в индивидуальной манере, но способного в некоторых случаях приводить к сходным результатам.

Список литературы

- Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 1, 2015. С. 3–20.
- Garbovskij, N.K. Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znaniy [Sistemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge]. *Vestnik Mosk. un-ta. Seria. 22. Teoriya perevoda.* No 1, 2015. Pp. 3–20 (in Russian).
- Мендель А.В. Модели принятия решений / А.В. Мендель. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 463 с.
- Mendel', A.V. Modeli prin'atija reshenij [Models of decision-making]. Moscow: UNITY-DANA, 2016. 463 p. (in Russian).
- Baker, M. Encyclopedia of Translation Studies. Mona Baker. London/New York: Routledge, 1998. 654 p.

- Darwish, A.* Optimality in Translation / Ali Darwish // Melbourne: Writescope Publishers, 2008. 318 p.
- Lauffr, S.* The Translation Process: an analysis of observational methodology. Sabine Lauffer. *Cadernos de tradu'cao*, vol. 2, No 10, 2002. Pp. 59–74.
- Lee-Jahnke, H.* New Cognitive Approaches in Process-Oriented Translation Training, Hannelore Lee-Jahnke. *Meta: Translators' Journal*, vol. 50, No 2, 2005. Pp. 359–377.
- Levy, J.* Translation as a decision process. Jiri Levý. *Scientia Traductionis*. No 11, 2012.
- Osimo, B.* Translation Course URL: Bruno Osimo. Logos, 2004. Available at: http://www.logos.it/pls/dictionary/linguistic_resources, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ.
- Wilss, W.* Knowledge and Skills in Translation Behaviour. Wolfram Wills. John Benjamins Publishing, 1996. 259 p.

Н.В. Иванов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО (У) – МИД России; e-mail: e-nickma@mail.ru

ПЯТЬ АСПЕКТОВ ПРИРОДЫ ПЕРЕВОДА

В статье перевод рассматривается как комплексное многоаспектное явление. Автор выделяет пять аспектов природы перевода, трактуя его как структурно-языковую, культурную, семиотическую, смысловую (когнитивную) и коммуникативно-прагматическую реальность. В каждом из аспектов устанавливается то, что отличает перевод от обычной речевой работы языкового знака. Изучение перевода должно быть комплексным с учётом всех аспектов его природы. Все факторы перевода, с одной стороны, взаимосвязаны, с другой, противостоят друг другу. Структурно-языковые и культурные факторы трактуются как основание различий в переводе, смысловые и коммуникативно-прагматические факторы – как основание достижения переводческого тождества. Комплексный подход требует дополнить статический узко сопоставительный текстовый анализ перевода его динамическим рассмотрением как семиотического явления в процессе его становления в речи. Методология динамического рассмотрения опирается на диалектику философских категорий тождеств и различий, покоя и движения (изменения). Содержательную сторону перевода образует оппозиция референции и смысла. На основе данной оппозиции раскрывается интерпретационная сущность перевода. В подтверждение высказываемых теоретических положений автор приводит и анализирует ряд характерных переводческих примеров и области англо-русского и португальско-русского перевода. Статья может быть интересна специалистам в области как общей, так и частной теории перевода.

Ключевые слова: перевод, языковой знак, речевой знак, семиозис перевода, референция, смысл, интерпретация, трансформация.

Nikolai V. Ivanov, Dr. Sc. (Philology), Full Professor of Linguistics, Head of the Department of Romance Languages at Moscow State University of International Relations (MGIMO), Russia; e-mail: e-nickma@mail.ru

FIVE ASPECTS OF TRANSLATION

The article presents a view on translation as a complex and multidimensional phenomenon. Five aspects of the nature of translation are highlighted in regard to the lingual structure, culture, semiotics, sense (cognition) and communicative pragmatics. These aspects constitute different features of translation reality. Dealing with every aspect of translation, the article discriminates between translation and the usual behavior of a language sign in speech. Translation must be studied as a whole while taking into consideration all the aspects of its nature. The abovementioned aspects of translation, on the one hand, are interconnected, but, on the other hand, are opposed to each other. The language-related and cultural factors account for differences in translation, as the sense and communicative pragmatics represent the basis for achieving translation identity. The integrative approach to translation demands enhancing a static comparative text analysis with a dynamic view

of translation as a semiotic phenomenon in the process of its development in speech. Methodologically, a dynamic view rests on the dialectics of philosophical categories of identity and difference, immobility (rest) and mobility (change). The contentive side of translation is formed by the opposition of sense and reference. This opposition accounts for the interpretative nature of translation. To prove the theoretical views, the article presents an analysis of English-to-Russian and Portuguese-to-Russian translation examples. The article may be useful to all those interested in general and specialized translation.

Key words: translation, sign in language, sign in speech, semiosis of translation, reference, sense, interpretation, transformation.

Перевод — объект комплексной, множественной природы. Его можно изучать с различных точек зрения. Мы выделяем в нем по меньшей мере пять онтологических измерений, в каждом из которых нам открывается соответствующая реальность, которой принадлежит перевод. В комплексном понимании перевод реализуется как 1) языковая, 2) культурная, 3) семиотическая (знаковая), 4) содержательная смысловая (когнитивная) и 5) коммуникативная реальность. Все вместе они представляют собой аспекты природы перевода.

Масштаб рассмотрения перевода может быть различным. Исследователь в своём подходе может объединять несколько аспектов, пытаясь выяснить их взаимосвязь, или наоборот ограничиваться лишь одним аспектом на уровне формального анализа примеров. Борьбу мнений о том, что такое перевод, можно видеть в «Толковом переводоведческом словаре» Л.Л. Нелюбина, в котором приводится 32 определения перевода как научного объекта. Из этого списка: 13 определений обращены к языковому аспекту перевода, т.е. трактуют перевод в терминах межъязыкового преобразования, 8 характеризуют перевод как коммуникативное явление, в 6 в качестве центрального фактора берётся критерий смыслового соответствия, 5 определений можно назвать комплексными, в которых обычно делается попытка объединить языковую и коммуникативную или языковую и смысловую трактовки перевода (с привлечением или без привлечения культурного фактора) [Нелюбин, 2009: 137—140].

Как и в любом другом научном объекте, в переводе важно выделять имманентную и вариативную стороны. В противопоставлении этих двух начал, как мы попытаемся показать ниже, перевод практически по всем позициям противостоит языку: имманентное с лингвистических позиций в языковом знаке становится вариативным в переводе. И наоборот: вариативное в языке получает статус имманентного, инвариантного в переводе. Чтобы понять причины такого онтологического «переворота», рассмотрим каждый из аспектов перевода в отдельности, выделив то главное, что отличает перевод от явлений, наблюдаемых нами в жизни языка.

1. Структурно-языковые факторы в переводе

Перевод создаётся не похожестью, а различием языков. Именно в различиях языков мы усматриваем саму необходимость перевода, его устойчивую основу. Поиск похожего в непохожем — так можно было бы назвать технологию работы переводчика с точки зрения структурных принципов языка.

Структурные расхождения между языками весьма многочисленны. В выразительной работе ИЯ и ПЯ эти расхождения представлены семантикой и грамматикой обозначений, т.е. тем ресурсом языка, которым ближайшим образом в масштабе предложения создаётся так называемая «языковая картина мира». Практически все такого рода расхождения подлежат выразительной нейтрализации. Технически этот вопрос решается через применение так называемых переводческих трансформаций.

Нейтрализация системных расхождений носит безвариантный характер, решается единственно возможным способом. Такое возникает в случае категориальных различий, модальных, временных или залоговых несовпадений между языками. Напр.: *Иную позицию заняли Франция и Германия*¹. Перевод этой фразы на английский язык потребует смены активного залога на пассивный (иначе невозможно сохранить ту же смысловую направленность высказывания): *Another stand was taken by France and Germany*. В переводе на португальский смены залога не потребуются: *Outra atitude assumiram a França e a Alemanha*.

Нейтрализация тех расхождений, в которых обнаруживается нормативная специфика языка, понимается скорее как вариативная. Сюда мы относим те случаи, когда формально аналогичный выразительный или семантический ресурс в ПЯ присутствует, но в данном случае он неприменим. Напр. (порт.): (1) *Sendo a China conhecida como um país que utiliza fortes técnicas de ciberespionagem, os membros da delegação britânica* (2) *foram avisados para...* При переводе этого отрезка с португальского на русский язык лучше заменить деепричастный оборот (1) на придаточное причины; кроме того, во второй части перевода лучше заменить пассивный залог (2) на активный. Перевод: (1) *Поскольку Китай известен как страна, где применяются мощные средства электронного шпионажа, членов британской делегации* (2) *предупредили, что...* Вряд ли будет хорошо звучать перевод с сохранением деепричастного оборота (*Будучи Китай известен как страна, где...**).

¹ Пример из: [Бреус, 1998: 23].

Нормативная специфика обнаруживает себя также в сфере лексической сочетаемости. Напр. (англ.): *Fifty years ago, Aldo Leopold's (1) ecological testament... was published. It was (2) a posthumous book, appearing a year and a half after Mr. Leopold died of a heart attack in 1948...* Перевод: 50 лет назад было опубликовано (1) научное завещание (выдающегося американского) эколога Альдо Леопольда. Книга... вышла в свет (2) через полтора года после смерти автора, который скончался в 1948 году от сердечного приступа... Сочетаемостная норма русского языка вряд ли допускает такие сочетания, как экологическое завещание* или посмертная книга*. Переводчик вынужден применить соответствующие трансформации, чтобы не нарушить норму русского языка: (1) научное завещание... эколога; (2) книга вышла в свет после смерти автора. За этим стоит более широкий семантический узус английского языка.

Ещё один пример, где языки сталкиваются как на системном, так и на нормативном уровнях, обнаруживая сочетаемостные и грамматические несовпадения: (англ.) *Violins that (1) were owned and played by Yehudi Menuhin (2) fetched more than \$1.34 million at an auction at Sotheby's in London.* Перевод: Скрипки, (1) которыми владел и на которых играл Иегуди Менухин (2) были проданы на аукционе Сотби в Лондоне за 1,34 млн долларов. В одном случае (1) здесь требуется смена залога и разделение падежей, что связано с системными требованиями ПЯ (нельзя сказать: *Скрипки, которые владелись и игрались Иегуди Менухиным**). В другом случае (2) также происходит смена залога, но уже в связи с нормативными требованиями русского языка. По-русски плохо звучит: *Скрипки (на аукционе) заработали** (*выручили**, *принесли**).

Итак, структурные расхождения между ИЯ и ПЯ, представленные в плане выражения переводческими трансформациями, — это самая первая лежащая на поверхности реальность перевода. Обращая внимание на структурно-языковые различия, теория перевода на начальном этапе своего развития именно в них пыталась увидеть устойчивые признаки перевода, обеспечивающие закономерный характер перехода от ИЯ к ПЯ. Впрочем, любое объяснение на базе одних лишь различий в конечном счёте грешит формализмом. Голые различительные констатации неспособны объяснить перевод.

На структурной основе сближение языков в переводе невозможно. «Насильственное сближение», которое мы отмечаем в так называемом «буквальном» переводе, заканчивается межъязыковой интерференцией — явлением, принципиально чуждым переводу.

Не забудем, что за всеми этими различиями стоит тождество смыслового развития мысли, которое является высшим критерием содержательного соответствия в переводе, определяющим выбор

переводного эквивалента. Именно тождество (а не следующее за тождеством различие) подлежит объяснению и интерпретации в переводе.

II. Феномен культуры в переводе

Языковая реальность – это лишь внешняя сторона перевода. За структурной реальностью, на более глубоком уровне и в ином масштабе рассмотрения, открывается *культурная реальность перевода*. Перевод – это связь, взаимодействие культур.

С подключением к структурно-языковым различиям культурного фактора количество межъязыковых расхождений, несоответствий в переводе увеличивается на порядок. Каждая культура – это особый мир со своими смыслами и своими формами. Каждая культура в своём особенном статусе самодостаточна. Перевод сближает культуры, выводит их из внутренней самоизоляции, открывает одну культуру глаза на другую культуру.

Говоря о культурной специфике языка, мы имеем в виду два её аспекта: с одной стороны, это так называемая языковая картина мира (создаваемая семантическими и грамматическими механизмами отображения реальности), с другой, это сопутствующая языковому выражению культурная окраска. Языковая картина мира – это фактуальная сторона культуры, её характерными представителями являются обозначения реалий, идиоматически связанные выражения, образные и экспрессивные номинации. Другой аспект может быть назван виртуальной стороной культуры. Это – смысловая нагрузка, которая представлена такими коннотациями как стиль, социальная окраска, культурные аллюзии. В масштабе целостного речевого построения важно учитывать также критерии жанровой формы текста, предписывающей определённый порядок развёртывания содержания (напр., форма заявления или форма письма с характерными для них оборотами речи).

В каждом из аспектов культурная реальность языка раскрывает себя *отрицательно*. Мы не осознаем реальность культуры, пока нет виртуально и реально представляемой альтернативы данному языковому выражению. *Хата, валенки, шуба, степь* становятся реалиями не сами по себе, но лишь тогда, когда мы смотрим на них глазами другого языка, другой культуры. Собственно, именно такая внешняя культурно-языковая альтернатива и возникает в переводе.

Относительно строгие очертания эквивалентности, которые мы отмечаем на уровне структурного соотнесения языков в переводе, практически исчезают на уровне их соотнесения в масштабе культуры, т.е. там, где та или иная подлежащая переводу единица ИЯ

осмысливается как культурный феномен с присущими ей коннотациями, окрасками и ассоциациями. Увеличивается глубина переводческой трансформации. Усиливается противостояние между смыслом и референцией. Смысловая дисциплина перевода сопровождается трудно поддающейся контролю референциальной «анархией». При этом возрастает интерпретационная нагрузка перевода, которая стремится к своему максимуму. Понимание культурой культуры возможно не иначе как через интерпретацию.

Рассмотрим на примерах, как раскрывается в переводе смысловая нагрузка реалий, образных и идиоматических выражений при отсутствии семантических совпадений между ИЯ и ПЯ.

(порт.): ...*Cavaco Silva vai anunciar a sua recandidatura a Belém no dia 26. Перевод: Каваку SILVA объявит о выдвижении своей кандидатуры на второй президентский срок 26 числа. Соотносительными элементами здесь являются «Belém» и «второй президентский срок». «Belém» – это название президентского дворца в Лиссабоне. Часто это слово используется как метонимическое обозначение высшей руководящей должности в Португалии (как в русском – *Кремль*, в США – *Белый дом*). Говорить о том, что президент, вынося свою кандидатуру на выборы, претендует на проживание в президентском дворце, по-русски невозможно: метонимический образный перенос от «места резиденции» к высшей государственной должности не возникает. Понятно, речь идёт о выдвижении действующего главы государства на второй срок.*

(англ.) (1a) *Across the political aisle from the President and* (1b) *Pelosi, Republican speaker J. Boehner and House Majority Leader K. McCarthy... swung behind the* (2) *plan. Перевод: (1) Противники президента² и (1b) его сторонников от демократического меньшинства в палате представителей спикер палаты республиканец Дж. Бонер и лидер республиканского большинства К. МакКарти... поддержали (2) предлагаемый президентом план (действий по Сирии).*

В этом примере элемент *aisle* – характерный образ, обозначающий политическое разделение в парламенте, что в данном контексте можно считать реалией. *Across the political aisle* дословно означает: *по другую сторону прохода между рядами*^{*}. По смыслу это значит: *оппозиция (сидящие в другой стороне зала)*. Имеется в виду: *оппозиция президенту Обаме и демократам в палате представителей*. Личное имя *Pelosi* – тоже образное обозначение, которое несёт на себе отпечаток разговорного стиля. Перевести: «*противники президента и Пелоси*»^{*}, вряд ли будет приемлемо по стилю: речь не идёт о личном соперничестве. Да и для полноты понимания просто требуется

² Имеется в виду президент Обама.

знать: кто такая *Пелоси*. Она – лидер демократического меньшинства в палате представителей. Термин *plan* также требует интерпретации: это – *предлагаемый демократами план действий по Сирии*. Переводчик вскрывает все эти скрытые за разговорной окраской образных обозначений детали описываемой ситуации.

Вообще, культурные реалии могут иметь достаточно сложную внутреннюю нарративную семантику, скрываемую за ёмким по смыслу образным обозначением. Напр.: (англ.) *baby-kisser* – политик, заигрывающий с избирателями (досл., «целующий детей»; зарабатывающий популярность на показном чадолубии): *Trump is a businessman, and that's what America needs instead of another baby-kisser*. **Перевод:** *Трамп – бизнесмен, именно такой человек сейчас нужен Америке, а не политик, зарабатывающий популярность, целуя чужих деток на митингах с избирателями.*

Интересны случаи окказиональной образности, когда повторить буквально семантику образа невозможно по стилистическим соображениям. Напр.: (англ.) *Russian President V. Putin believes success of his presidency (1) lies beyond Russian borders. Putin visited almost a (2) dozen countries since he was elected president and next month he will probably (3) put a North Korea sticker on his briefcase*. **Перевод:** *Президент России Владимир Путин, видимо, считает, что наибольшего успеха ему суждено добиться (1) в области внешней политики. С момента избрания на пост президента он уже посетил более (2) десятка стран, и в следующем месяце (3) список этих стран, видимо, пополнит Северная Корея*. Соотносительные эквиваленты ПТ и ИТ обозначены цифрами. Буквальный перевод семантики элементов (1), (2), (3) не подходит по культурно-стилистическим причинам. Буквально повторяющие семантику образных элементов эквиваленты не раскрывают исходной смысловой нагрузки и не адекватны русскоязычному восприятию (ср.: *success... lies beyond Russian borders* – (его) успех лежит за пределами границ России*; *put a North Korea sticker on his briefcase* – приклеит северокорейский стикер на свой дорожный чемоданчик*).

На уровне понимания перевода как формы культурного контакта, – а такое понимание всегда возникает там, где обостряется взаимное культурное неприятие языков, – мы видим усиление «борьбы» ПЯ с «навязываемой» ему со стороны ИЯ интерференцией. ПЯ «защищается», демонстрируя с большей или меньшей гибкостью свои резистентные выразительные ресурсы. В приведённых выше примерах выбранные эквиваленты ПЯ скорее интерпретируют, чем идентифицируют культурно-маркированные элементы оригинального текста. Мы больше видим в них поиск

некоторого смыслового компромисса, опыт культурно-смысловой адаптации, чем прямую попытку воспроизвести элемент чужой культуры с присущей ему семантикой и окраской.

Надо сказать, что не всегда ПЯ справляется с задачей культурной «самозащиты» в процессе перевода, «пропуская» отдельные факты из языковой культуры ИЯ в свою культурную реальность. На этой основе возникают различного рода культурные заимствования в виде кальки (Белый дом (от ам. англ. White House), госсекретарь (от ам. англ. Secretary of State), нравственность (от нем. Sittlichkeit)) или в виде прямых лексических заимствований путём транскрипции или транслитерации (perestroika, glasnost, samovar). Культурная «самозащита» языка не может носить тотального характера. Перевод бывает просто нецелесообразен там, где требуется представить характерные культурные номинации другого языка (напр., названия газет: *Нью-Йорк Таймс*, *Pravda*, *Izvestia*).

III. Перевод как семиотическая реальность

Феномен, который более всего удивляет и вместе с тем привлекает нас в переводе, это – *субституция*. Субституция – семиотический феномен. В переводе мы имеем замену знака/знаков одного языка знаком/знаками другого языка. Субституция характерна не только для перевода. В обычной речевой номинации также нетрудно разглядеть признаки аналогичной семиотической операции. Применительно к феноменам речевой номинации принято говорить о функции знакового замещения, т.е. о субституции реального подлежащего восприятию объекта языковым знаком.

Всякая субституция имеет две стороны – условную и безусловную. За условной стороной стоит различие замещающего и замещаемого, за безусловной – то, что составляет их тождество. Первая – материальная сторона субституции, вторая – её идеальная, содержательная сторона. Имея в виду материальный аспект субституции, мы говорим об эквивалентности перевода³. Содержательный аспект характеризует степень адекватности перевода (как и вообще любого знакового замещения). Эквивалентность – акцидентальная сторона перевода. Адекватность (содержательное соответствие) – его необходимая сторона. Эквивалентность в широком её понимании вариативна, допускает множественность вариантов перевода. Адекватность – единственна. «Во всей полноте

³ Мы определяем эквивалентность как «...условно принимаемое как достаточное в заданных коммуникативных условиях структурное соответствие между ПТ и ИТ или между отдельными составляющими два текста единицами» [Полубоярова, 2009: 75].

содержательного наполнения адекватность ведёт нас к инварианту перевода» [Полубоярова, 2009: 48].

Следует иметь в виду, что семиотическая замена в переводе (замена знака ИТ знаком ПТ) носит тотальный и иерархический характер и раскрывается на всех уровнях текста. Нельзя ограничиваться только языковым уровнем рассмотрения перевода, хотя именно этот уровень нас интересует больше всего, поскольку именно он лежит в основе перевода.

На каждом из уровней текста действуют собственные критерии субституции. Для высших уровней (высказывание и текст) характерен принципиальный *изоморфизм*, т.е. принципиальное внешнее формальное подобие знака замещающего знаку замещаемому: композиция ПТ отвечает композиции ИТ, порядок линейного развёртывания ПТ отвечает порядку линейного развёртывания ИТ в целом и в каждой своей части. Трансляция формы – необходимое условие перевода в масштабе общей композиции текста и в масштабе порядка его линейного развёртывания (т.е. поэтической и риторической форм текста). Формальное подобие становится условием содержательной и функциональной адекватности переводного текста исходному.

На уровне языковой формы текста (на уровне семантики и грамматики отдельных обозначений) действует принцип гомоморфизма⁴. Под этим понимается ситуация, когда друг другу уподобляются, т.е. признаются эквивалентными и функционально равными друг другу, различные по своей семантике и/или грамматике элементы ПЯ и ИЯ в соотносимых исходном и переводном текстах. Гомоморфная эквивалентность – исключительно условный, контекстуальный переводческий феномен. При чисто внешнем, формальном взгляде на перевод нас иногда удивляет эквивалентная соотнесённость знаков ПЯ и ИЯ с различными структурными параметрами, знаков различной семантической и грамматической природы. В объёме применяемых трансформаций переводчик изменяет модель описания мира. Возникает впечатление, будто он обозначает другие объекты, описывает другую реальность, сохраняя при этом необходимое смысловое соответствие между ПТ и ИТ. Рассмотрим примеры:

(исп.): (1) *La OTAN señala, ...que los cazas aliados (2) han realizado 100 intercepciones de aviones rusos en lo que va de año, três veces más que en el 2013. También es cierto que (3) la presencia de aviones de la Alianza en estas regiones es mayor de la habitual.* Перевод: (1) *Командование*

⁴ Изоморфный и гомоморфный типы эквивалентности выделяет М.В. Полубоярова. Первый относится к высшим текстовым структурам. Второй – к низшим формам в тексте: к слову и высказыванию [там же: 116–117].

НАТО отмечает, ...что менее чем за год истребители альянса (2) 100 раз поднимались в воздух для перехвата российских самолётов, что в три раза больше, чем в 2013 году. Очевидно, что (3) активность самолётов альянса в регионе выше обычного.

В данном примере – ситуация эквивалентной замены одних обозначений другими, отличающимися по семантике и по референции, но более подходящими по смыслу. *La OTAN señala* (досл.: *НАТО отмечает**) переводится как Командование НАТО отмечает. *Han realizado 100 intercepciones* (досл.: *осуществили 100 перехватов**) переводится как 100 раз поднимались в воздух для перехвата. Понятно, что никто не осуществлял реальный перехват самолётов: истребители лишь *имитировали* перехват. Наконец, третий эквивалент: *lapresencia* (досл.: *присутствие**) переводится по смыслу как активность. Термин *присутствие* не несёт требуемой смысловой нагрузки. Самолёты здесь не меняли места своей дислокации, они продолжают пребывать на аэродромах постоянного базирования. Меняется количество вылетов, т.е. их боевая *активность*.

(англ.): (1) Specific measures (2) for effective national and collective action against terrorism resulting from initiatives taken in different international for a were supported by all NATO governments. Перевод: Все члены НАТО поддержали (1) необходимость принятия особых мер (2) по консолидации национальных и международных усилий в борьбе с терроризмом на основе документов и инициатив, принимаемых на различных международных форумах.

В этом примере, как и в предыдущих, эквивалентная замена затрагивает не просто семантику, но референцию знака: *specific measures* (*особые меры*) переводится как необходимость принятия особых мер; *action* (*действия*) переводится как усилия. Между референтами очевидна логическая ситуационная связь: любые действия требуют усилий. По-русски можно сказать: *коллективные действия*, но плохо звучит: *национальные действия**. Переводчик собирает однородные определения одним словом: усилия.

(англ.): *In a surprisingly emotional response to Valerie Trierweiler's best-selling memoirs, ...Mr. Hollande said her allegation that he referred to poor people as "the toothless" had caused him great anguish.* (1) The heartfelt comments come as the desperately-unpopular president struggles to regain public trust. Перевод: В своём весьма эмоциональном ответе на ставшую бестселлером книгу Валери Тревельер... Ф. Олланд говорит, что её слова о том, что он якобы называл бедных «беззубыми», глубоко ранили его. (1) Воспоминания Валери вышли как раз в тот момент, когда стремительно теряющий популярность президент делает всё, чтобы вновь завоевать доверие французов.

В этом примере интересен перевод элемента (1) *the heartfelt comments* (досл.: *прочувственный комментарий/ответ*). Речь идёт о комментарии, который даёт Олланд на воспоминания своей бывшей подруги. Однако с точки зрения логики описания по-русски плохо звучит: *он даёт свой комментарий, когда он теряет популярность**. Поэтому переводчик меняет обозначаемый объект, называя вместо следствия (*комментарий*) причину: *воспоминания Валери*. Такую субституцию можно назвать радикальной, поскольку она затрагивает референцию.

Обратим внимание на качество той семиотической замены, которая происходит в переводе. Переводчик ориентирован не на структурный, а на феноменологический аспект работы знака. Адекватной замене подлежит не знак метафизический (языковой), а *знак феноменологический – речевой*, т.е. знак во всей полноте его смыслового наполнения и смысловой обусловленности в речевом узусе. Феноменология знака раскрывается в контексте высказывания, в процессе его смысловой и референциальной актуализации в речи. Именно смысловая феноменология знака становится началом осуществления перевода – как нечто неизменное и подлежащее воспроизведению в ПТ. Напротив, структурная сторона работы знака (в объёме заданных в нем языковых параметров предметного обозначения) вариативна и подлежит изменению в переводе.

Решающим критерием субституции в обычном речевом обозначающем знаке является референция, которая отражает фактуальность отображаемого объекта и является основанием содержательной реальности самого знака. Решающим основанием субституции в переводном знаке (в условиях межзнаковой замены) является смысл. В обычном обозначающем речевом знаке мы имеем потенциальную вариативность смысла при принципиальной инвариантности референции (которая как раз подлежит осмыслению и переосмыслению в аспекте восприятия знака адресатом). В переводном знаке, в условиях межзнаковой субституции, качеством инвариантности обладает смысл, вариативна референция.

Обычный речевой семиозис и *семиозис перевода* развиваются по-разному. Актуализация языкового знака движется от структурной метафизики знака к его смысловой акциденции в речи. Актуализация знака в переводе движется от смысла к форме. Структурная метафизика знака оказывается акцидентальной стороной в переводе. «Метафизическая сторона знака в переводе носит подчинённый характер, мы меняем любые предметные обозначения, сохраняя смысл» [Иванов, 2015: 40].

Перевод осуществляется от феноменологического знака к феноменологическому, от вершины к вершине речевого семиозиса.

Однако вербальная репрезентация смысла проходит через языковой знак, через семантику и структурную работу знака. У каждого языка свой бесконечно специфический путь к вершине речевого семиозиса. Очень часто, анализируя переводческие трансформации, мы обращаем внимание не на общую (безусловную), а на различительную (условную) сторону соотносительных элементов ПТ и ИТ, забывая при этом, что само межъязыковое семантическое и структурное расхождение, которое мы отмечаем внутри трансформации и по которому мы оцениваем её глубину и масштаб, служит одной цели – достижению смыслового тождества.

Условная сторона перевода всегда подчинена безусловной. Переводческая трансформация (как крайний случай эквивалентности) положительно мотивирована заданным смысловым тождеством, которое должно быть соблюдено в условиях эквивалентной замены элемента ИЯ элементом ПЯ при переходе от ИТ к ПТ. Отрицательно она мотивирована системными, нормативными и лингвокультурными расхождениями между языками – когда при видимом соблюдении внешнего структурного или семантического подобия мы рискуем нарушить критерий смыслового тождества, отклониться от требований адекватности.

Требуется рассмотреть, как соотносятся необходимое и случайное, безусловное и условное в переводе на смысловом уровне, почему и как смысл управляет работой феноменологического знака в переводе.

IV. Смысловая динамика перевода

Смысл – интерпретационная составляющая знака. Смысл всегда что-то интерпретирует, расширяя понимание. Всякое понимание, осуществляемое в знаке, имеет два аспекта: идентификацию и интерпретацию [Иванов, 2014: 114]. С одной стороны, мы должны идентифицировать обозначаемую реальность. С другой стороны, мы должны понять её ситуационные связи, возможное дальнейшее развитие, определить посредством слова её тематический статус, контекстную функцию, коммуникативное предназначение, – одним словом, мы должны осмыслить реальность путём её интерпретации. И тому, и другому служит языковой знак, обладающий значением.

Значение в речевом узусе бифункционально: с одной стороны, оно выполняет свою сущностную функцию предметного идентификатора в аспекте референции к объекту; с другой стороны, оно же является носителем смысла – интерпретатором обозначаемого объекта. Этими содержательными функциями значения вполне охва-

тывается пространство семиозиса. Две функции значения связаны неразрывно: в предметном аспекте значения смысл осуществляется, в смысловом аспекте значения предмет получает осмысление. Смысл и предмет не могут *быть* друг без друга. Оба они — необходимые условия бытия друг друга, взаимного осуществления. Значение — своеобразный медиатор, функциональный проводник: от смысла к референции (к объекту) и от референции к смыслу.

Интерпретация органична знаку. И столь же органична она переводу. «Герменевтический поворот» в современном переводоведении — свершившийся факт. Как в специальном, так и в философском подходе к переводу принято отмечать его герменевтическую природу [Мишкур, 2013: 69]. Х.-Г. Гадамер приравнивает герменевтику (интерпретацию) и перевод: «ситуация переводчика, по сути дела, совпадает с ситуацией интерпретатора... Всякий переводчик — интерпретатор» [Гадамер 1988: 450]. При этом он называет перевод «предельным случаем» герменевтики [Гадамер 1988: 448]: «...всякий перевод уже является истолкованием; можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования» [Гадамер, 1988: 447]. Р. Палмер, следуя Гадамеру, называет перевод сердцем герменевтики. Исследователь перевода Э.Н. Мишкур, перефразируя Палмера, характеризует герменевтику как «самое сердце перевода» [Мишкур, 2013: 74]. Впрочем, заметим, эти две формулы не равносильны друг другу. Необходимость перевода для герменевтики далеко не то же самое, что необходимость герменевтики для перевода. Не всякий интерпретатор — переводчик, но всякий переводчик — интерпретатор. На это обращает внимание У. Эко («Интерпретировать не значит переводить» [Эко, 2006: 270]). Соглашаясь в принципиальном плане с Э.Н. Мишкуровым, отметим ряд существенных моментов, характеризующих интерпретацию в переводе.

Многие распространённые сегодня трактовки феномена интерпретации можно назвать односторонними, что в целом препятствует полноценному применению критерия интерпретации при анализе перевода. Интерпретация трактуется в терминах смысловой инаковости: нечто является самим собой, но вместе с тем оно же является другим, открывая в себе некий смысл, получая в нем содержательное продолжение и развитие. Путь интерпретации раскрывается от значения к смыслу. При этом не учитывается обратное отношение: от смысла к значению и к референции.

Учитывая функциональную двойственность значения в его речевом применении, интерпретацию в знаке можно рассматривать как относительный процесс, который развивается от одной функции к другой: либо от референции к смыслу, либо от смысла к референции. И там, и там содержательное развитие строится от устойчивого

момента к переменному, от интерпретируемого к интерпретирующему. В одном случае, идентифицирующая объект предметная семантика полагается как данность, которая получает содержательное расширение и развитие в смысловом аспекте. В другом, наоборот, смысл берётся как данность: дальнейшее варьирование происходит в возможном способе предметной репрезентации смысла, т.е. в референциальном аспекте значения.

Таким образом, по критерию направленности выделяются два вида интерпретации: прямая и обратная. Первая строится от референции к смыслу. Вторая — от смысла к референции. Первый вид интерпретации можно видеть во всяком диалоге. Предъявляемый говорящим знак открыт собеседнику в своём смысловом аспекте. Собеседник может осмыслить и переосмыслить содержание знака. Говорящий в этом отношении зависит от слушающего — от того, как тот поймёт его речь. Как таковая, интерпретация в диалоге до какого-то момента остаётся тайной. Она открывается нам прямо или косвенно в ответной реплике диалога, в коммуникативной реакции собеседника. Интерпретация — важнейшая фаза понимания — лежит в основе ответной речевой реакции собеседника⁵.

Второй вид интерпретации находит повсеместное применение в переводе. Перевод принято характеризовать как *перевыражение* [Виноградов, 2006: 34]. Перифрастическая функция является основополагающей для перевода [Гарбовский, 2007: 8, 356–357]. Переходя от ИЯ к ПЯ, переводчик подыскивает другие оптимальные знаковые носители того же смысла, другие обозначения (видя, что путём прямой межъязыковой структурно-семантической аналогии, т.е. путём буквального копирования, невозможно добиться сохранения смысла). За семантической вариативностью знака/знаков в переводе стоит его/их референциальная вариативность.

Различные референции элементов ИЯ и ПЯ, различные объекты, обозначаемые этими элементами, связываются функцией смыслового тождества. Два референциальных носителя смысла (ИЯ и ПЯ) как бы «конкурируют» друг с другом в сознании переводчика за право смыслового первенства (избегая при этом смыслового конфликта). Какой из них ближе, органичнее смыслу? Тот, который впервые породил данный смысл? Или тот, который стал его перевоплощением в аспекте ПЯ? Большинство переводоведов решает этот вопрос не в пользу оригинального, а в пользу производного знака. «Всякий перевод, всерьёз относящийся к своей задаче, яснее

⁵ Е.В. Сидоров характеризует элементы организации текста в их внутренней иерархии как «знаковую программу управления интерпретацией и пониманием текста реципиентом». Коммуникативная задача высказывания — «управление интерпретацией текста реципиентом» [Сидоров, 2011: 36].

и примитивнее оригинала» [Гадамер, 1988: 449]. Переводческая интерпретация заключается в более ясной и направленной вербализации смысла. Перевод обнажает смысл.

Имея в виду отношение семантики и смысла (обозначаемого и подразумеваемого) в переводе, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне в своей знаменитой книге 1958 г. предложили термин *эксплицитация*. Авторы термина понимали под этим эксплицитное выражение в ПТ того, что в ИТ мыслится лишь имплицитно: «...стилистический приём перевода, который заключается в эксплицитной подаче в ПЯ того, что остаётся имплицитным в ИЯ, но что с очевидностью вытекает из контекста или из ситуации» [Vinay, Darbelnet, 1995: 8]. В качестве контрприёма авторами предлагался также термин *имплицитация* (операция, обратная предыдущей). В последующем эксплицитацию стали трактовать как некую содержательную избыточность перевода в сравнении с оригинальным текстом. Феномен эксплицитации стал объектом корпусных переводоведческих исследований.

Мы видим причину референциальных (и, соответственно, семантических) различий между ПТ и ИТ в стремлении переводчика избежать интерпретационного конфликта между референцией и смыслом, т.е. избежать той ситуации, когда выбираемое переводчиком в ПЯ обозначение не выражает или не вполне выражает требуемый смысл, когда референциальный носитель не оправдывает *смысловых ожиданий*.

Термин «смысловое ожидание» здесь передаёт феноменологическую функцию смысла в его контекстуальной обусловленности. Для понимания важно *упреждающее* качество смысла. Смысл подготавливает *дальнейшее* развитие содержания в контексте, сигнализирует о таком развитии. Понятия смысла и дальнейшего контекстного развития в таком ракурсе их рассмотрения синонимичны⁶. Подбираемый эквивалент должен максимально отразить контекстную функцию соотносительного с ним элемента ИТ, т.е. соответствовать ему по смыслу, по мыслимой перспективе контекстного развития. В.А. Иовенко, предельно широко трактуя функцию интерпретации в переводе, называет ситуацию семантической дифференциации эквивалентных друг другу по смыслу значений ИЯ и ПЯ «семантическим диссонансом», видя основную причину этого явления в переводе в особенностях языкового национально-культурного мировидения [Иовенко 2013: 54–55].

⁶ А.А. Потебня, исследуя речевую феноменологию слова, разграничивает ближайшее и *дальнейшее* значения слова. Ближайшее значение он называет формальным, дальнейшее – «личным», ситуационным [см.: Потебня, 1958: 19–20]. Дальнейшее значение слова и есть его смысл, носителем которого оно становится в контексте.

Эксплицитация может принимать самые различные формы в переводе. Степень референциальных расхождений между соотносимыми по смыслу эквивалентами может варьироваться от полного совпадения до полного несовпадения. При полном совпадении элементы ИЯ и ПЯ именуют один и тот же объект (хотя при этом их семантики могут различаться), при несовпадении они именуют разные объекты. Промежуточная степень – частичное совпадение/несовпадение референций. Рассмотрим примеры:

(англ.): *The security Council last week (1) authorized the sending of 5,500 soldiers to Rwanda, but the UN leader said (2) he had commitments for only 2,200.* **Перевод:** *На прошлой неделе Совет безопасности (1) санкционировал отправку 5500 солдат в Руанду, однако Генеральный секретарь ООН заявил, что (2) исходя из поступивших предложений он может отправить лишь 2200 чел.*

Соотносительные элементы ИТ и ПТ отмечены цифрами. Первый элемент (1) *authorized* заменяется близким по семантике (1) *санкционировал*. Здесь мы видим полное совпадение референций соотносимых элементов ИТ и ПТ, обеспечивающих смысловое тождество номинаций. Возможно использование других синонимичных по смыслу глаголов: *разрешил, одобрил, утвердил* и т.д. (т.е. изменение семантики при сохранении той же референции). Интерпретационное развитие здесь минимально.

Со вторым эквивалентом дело обстоит сложнее. Здесь требуется смена референции. *Commitments* буквально означает *обязательства*. Буквальный перевод звучит неудовлетворительно: *...заявил, что у него есть обязательства на 2200 чел.** *Commitments* – ёмкое по смыслу слово с широкой ситуационной импликацией. В английском слове имплицитруется субъект обязательства (т.е. тот, кто это обязательство будет исполнять). Русское слово *обязательство* не обладает столь широкой импликацией. Требуется интерпретационная компенсация, чтобы понять о каком субъекте идёт речь. Подробный перевод мог бы звучать следующим образом: *на основе тех обязательств, которые взяли на себя страны, готовые предоставить войска...* Переводчик идёт более коротким путём, заменяя *commitments* на *предложения*. Происходит смена референции, именуются разные вещи. Впрочем, между этими вещами существует логическая ситуационная связь: речь идёт о *добровольных* обязательствах, т.е. страны *предлагают* свою помощь. Второе логически выводится из первого. Применяемая замена не нарушает ситуационных смысловых ожиданий.

Референция – не всегда простая и однозначная операция. За словом иногда бывает трудно с точностью распознать очертания именуемой реальности. Именуемая в ИТ реальность может носить

комплексный, абстрактный, не вполне определённый характер. Задача интерпретации, т.е. вербализации смысла (его референциальной верификации в семантике эквивалента) усложняется. В любом случае переводчик стремится более концентрированно, направленно раскрыть смысловую функцию выражения.

(англ.): *Mr. A. Leopold's principal and extraordinary contribution to our world was to articulate the (1) idea of a land ethic. The human relation to (1) land, he wrote, "is still strictly economic, entailing (2) privileges but not (3) obligations".* **Перевод:** *Основной научной заслугой А. Леопольда следует считать впервые сформулированную им мысль об (1) этических принципах отношения человека к природе. Отношение человека к (1) природе, писал американский эколог, "все ещё определяется узким экономическим интересом, в основе которого лежит (2) принцип потребления, а не (3) принцип ответственности".*

В этом примере мы видим большое количество переводческих интерпретаций в силу образного характера ряда обозначений в английском тексте. Слово *land* (дословно: земля, участок земли) переводится как *природа* и, соответственно, *land ethic* – как *этические принципы отношения к природе*. Сейчас *land ethic* больше принято переводить как *этика земли*. Думается, впрочем, что А. Леопольд шире понимал значение вводимого им термина. Трудность представляет перевод терминов (2) *privileges* и (3) *obligations*. Дословный перевод вряд ли будет понятен: *привилегии, а не обязательства** (вряд ли правильно будет говорить о привилегиях или обязательствах по отношению к земле, к природе). Переводчик идёт по пути смыслового обобщения, расширяя область референции эквивалентов, трактуя *privileges* как *потребление*, а *obligations* – как *ответственность*. Выбираемые русские эквиваленты гораздо ближе к смыслу того этического противопоставления, которое хотел представить автор.

(порт.): (1) *O médio argentino terá recusado fazer um teste de álcool na manhã de segunda-feira, ... depois de ter sido mandado parar pela polícia...* (2) *O Las Palmas já reagiu (3) às notícias, em comunicado divulgado no site oficial...* **Перевод:** *Утром в понедельник (1) аргентинец, играющий полузащитником в (испанском клубе), когда его машину остановила полиция..., отказался проходить тест на алкоголь...* (2) *Руководство клуба Лас Пальмас уже прореагировало на (3) инцидент, опубликовав информацию на официальном сайте клуба...*

Элемент (1) *o médio argentino* буквально означает *аргентинский полузащитник**. При поверхностном понимании можно подумать, что этот человек – игрок аргентинской команды. Однако при более глубоком рассмотрении с учётом ситуационных связей и отношений становится ясно, что этот человек играет полузащитником

не в Аргентине, а в испанском клубе. Прилагательное *argentino* здесь указывает лишь на то, что он — выходец из Аргентины. Смысловая функция элемента *argentino* поддерживается дальнейшим контекстным развитием данного сюжета, где он получает косвенную интерпретационную поддержку через элемент *o Las Palmas* (клуб Лас Пальмас). В переводе элемент *argentino* требует интерпретационного расширения, чтобы повторить во всех деталях по смыслу ту же референцию с учётом ситуационных импликаций. Похожая ситуация возникает и с переводом элемента (2) *O Las Palmas*. Понятно, что это не город Лас Пальмас, это — одноименный футбольный клуб. При этом, семантика элемента в переводе требует интерпретационного развития: не клуб в целом, а *руководство* клуба отвечает за футболиста. Таким образом, область референции переводного эквивалента уточняется: ситуационная импликация получает вербальное обозначение. При переводе третьего элемента происходит смена референта: (3) *àsnoticias* (буквально: *новость, сообщение, информация* и т.д.) заменяется эквивалентом (3) *инцидент*. Переводчик осуществляет такую замену, потому что в русском языке любая ответная реакция обычно направлена на содержательную сторону сообщения, а не на само сообщение. Именно содержательная сторона рассматривается как факт. Факт самого сообщения во внимание не принимается. В принципе можно перевести и по-другому, напр.: *руководство клуба прореагировало на сообщение об инциденте*. Но переводчик «сокращает дистанцию», убирая избыточный элемент: *сообщение* (*noticias*), как часть описываемой ситуации, уходит в импликацию (понятно, что руководству клуба кто-то *сообщил* об инциденте). В этом случае интересно то, что эксплицитация при полной смене референта сопровождается имплицитацией, т.е. уходом ранее явно обозначенного элемента ситуации в импликацию.

Итак, мы увидели, как работает смысл в переводе. Он ищет «точку опоры» и находит её в предмете осмысления, в референции (собственно, ни в чем другим он и не может её найти). Таким путём смысл связывает себя с реальностью и сам становится реальностью в знаке, обретая предметный носитель. Любая предметная опора для смысла является относительной, т.е. потенциально заменимой, вариативной. Главное при подборе эквивалента — сохранить принципиальные параметры смысловой перспективы понимания, т.е. смысловые условия дальнейшего содержательного развития в контексте.

Важно отметить также, что переводческая интерпретация (развивающаяся от смысла к референции) становится органичной внутренней составляющей всякого приёма перевода и, прежде всего, переводческой трансформации. Всякая трансформация в переводе

опирается на функцию интерпретации. Интерпретация — необходимое условие трансформации. Трансформация же не является необходимой частью интерпретации. Собственно, это и есть вывод, к которому мы приходим в своих рассуждениях об интерпретационной природе перевода вслед за У. Эко и Э.Н. Мишкуровым. При любых условиях не референция, а смысл оказывается основой тождества в переводе.

V. Коммуникативные основания перевода

Занимаясь лингвистикой или культурой перевода, нельзя забывать о том деятельностном пространстве, в котором осуществляется перевод. В деятельностном рассмотрении нам открывается *коммуникативная реальность перевода*. Коммуникация — высшее предназначение перевода и важнейший аспект его природы.

Коммуникативная функция дифференцирует смысловую сторону выражения по критерию целенаправленности. Коммуникация, как целенаправленный фактор выражения, противостоит языковой семантике, а также стилю и культурной окраске, как нецеленаправленным факторам. Если последние являются факторами всевозможных расхождений в переводе между ИЯ и ПЯ, то коммуникация — это необходимое условие и важнейший критерий достижения содержательного тождества. По В.Н. Комиссарову, цель коммуникации стоит на первом месте, определяя как дискурсивную, так и номинативную стратегию перевода, подчиняя всё в ПТ решению общей смысловой задачи. Идея принципиального подчинения перевода смыслу подробно обосновывается В.Н. Комиссаровым и иллюстрируется на примерах [см.: Комиссаров: 1973: 152–156].

Коммуникативная функция, коммуникативное предназначение определяет порядок осмысления обозначаемой реальности в знаке, в тексте, становится критерием такого осмысления. Смысловая конфигурация высказывания выстраивается в соответствии с его коммуникативной направленностью: все внутренние смыслы суть функция внешнего коммуникативного предназначения высказывания. Интенция — источник и организующее начало смысла в высказывании. «Смысл конституируется в intersubъективном употреблении естественного языка» [Павиленис 1983: 26].

Цель коммуникации, как центральный смысловой фактор, становится основанием *интерпретации* и решающим критерием эквивалентного приравнивания в переводе — как на уровне отдельных элементов (предметных обозначений), так и на уровне целостных структур. Любые расхождения между ИЯ и ПЯ — в семантике, в грамматической структуре выражения, в окраске — уравниваются,

нейтрализуются относительно этого критерия. В динамике речевого выражения цель коммуникации ближайшим образом раскрывается через предикативную функцию высказывания (функцию ремы), выражающую его интенциональную направленность. Отдельные смыслы производны от общей смысловой задачи высказывания и логически подчинены ей.

Коммуникативное предназначение — относительная смысловая вершина, своеобразный водораздел между референцией и высшими смысловыми окрасками культурно-символического уровня. Важно видеть два аспекта работы обусловленного коммуникативной интенцией прагматического смыслового фактора в переводе: первый — относительно предметной семантики и грамматики языковых обозначений (т.е. в аспекте собственно языковой формы выражения), второй — относительно культурной окраски и возможной образной функции языковых обозначений. В первом аспекте мы говорим о компенсирующей, объединяющей функции смысла: смысл связывает соотносимые способы обозначения ИЯ и ПЯ, становится основой эквивалентного приравнивания отличающихся друг от друга семантически и референциально элементов в переводе. Во втором аспекте мы говорим о дифференцирующей и редуцирующей функции смысла, — когда переводчик отсекает ту культурно-смысловую, стилистическую или образную окраску, которая сопровождает исходное высказывание, но по причинам нормативного порядка не может быть воспроизведена средствами ПЯ, т.е. избавляется от непереводаемого в переводе. При этом и в том, и в другом случае смысл ведёт себя как интерпретатор.

В связи с отмеченным выше двойственным разделением роли коммуникативной прагматики в переводе по-новому встаёт проблема переводимости: положительно, как необходимость по отношению к референции и, напротив, отрицательно, как случайность по отношению к высшим иррациональным (стилистическим, социокультурным и образным) окраскам. Смысловая достаточность в одном аспекте оборачивается смысловой недостаточностью в другом.

В аспекте референциальной фактуализации знака в переводе ПТ подчинён ИТ, в аспекте смысловой фактуализации ИТ подчиняется ПТ. В одном случае переводом управляет ИТ (который доминирует в аспекте функции обозначения), в другом — ПТ (который доминирует в аспекте интерпретации). Направленность языковой адаптации носит двойственный характер. В одном случае она развивается в сторону ИЯ, который служит критерием верификации предметной стороны перевода (мы должны обозначить в переводе то, что обозначено в ИТ), в другом — в сторону ПЯ, который становится критерием смысловой верификации текста (интерпретация в аспекте

ПТ более точно, ближе раскрывает смысл). Перевод референциально подчинён исходному языку и исходному тексту, интерпретационно он подчинён переводному языку и переводному тексту.

Как бы то ни было, коммуникативная прагматика занимает центральное место и становится своеобразным фильтром содержательного сопряжения смысла и референции. В контекстных условиях функция коммуникативной прагматики проявляет себя в виде *смысловой границы понимания* единицы или элемента речи в тексте. В переводе смысловую границу понимания отчётливее всего выявляют референциальные различия соотносимых по смыслу эквивалентов ПЯ и ИЯ: разные семантики эквивалентов с разных сторон показывают один и тот же смысл.

Рассмотрим примеры прагматической смысловой интерпретации компенсирующего и редуцирующего типа.

(англ.) *Nearly everything about Bethlehem these days... (1) suggests (2) the urgency of the looming (3) millennial deadline.* Перевод: *Почти всё в Вифлееме в эти дни... (1) напоминает о (2) приближающемся (3) начале нового тысячелетия.* Соотносительные элементы ПТ и ИТ отмечены цифрами. Элемент *suggests* (букв.: *подсказывает, наводит на мысль*) переводится через ближайшее по своим семантическим характеристикам значение: *напоминает*. Можно подобрать и другие синонимы: *указывает на, говорит о*. Здесь не возникает интерпретационного конфликта между смыслом и референцией (т.е. не возникает ситуации, когда референция требует одной семантики, а смысл – другой).

Элементы *urgency* и *looming* в ИТ обладают образной функцией. *Urgency* содержит сему *неизбежности, неминуемости*. *Looming* означает нечто появляющееся из тени, из мрака, нарастающее издали. Функцию этих элементов в ПТ передаёт элемент *приближающемся*. Этот эквивалент отсекает присущую элементам *urgency* и *looming* образную окраску, упрощая понимание. Предметное осмысление в переводе доминирует над символическими образными смысловыми окрасками. Смысл переводного эквивалента (*приближающемся*), с одной стороны, синтезирует семантику этих двух обозначений, с другой, он же игнорирует их потенциальную образную функцию. Рациональная (прагматическая) сторона смысла доминирует над его иррациональной (образной) стороной.

Сложность представляет перевод элемента *millennial deadline*. В данном контексте этот элемент также несёт определённую образность. *Deadline* – слово со сложной семантикой, не имеющее буквального аналога в русском языке. *Deadline* означает истечение какого-то срока, невозможность продолжения чего-то сверх каких-то лимитов. Прямой семантический перевод с попыткой буквально сохра-

нить ту же референцию не подходит, потому что не даёт точного понимания происходящего: *тысячелетний рубеж**, *срок тысячелетия**. Требуется изменение референции с опорой на смысловую функцию. *Millennial deadline*, скорее, означает конец тысячелетия. Однако за одним тысячелетием наступает другое, одно логически вытекает из другого. Переводчик идёт по более «оптимистичному» варианту перевода, выбирая в качестве эквивалента: *начало тысячелетия*. В целом, в данном примере, скажем, переводчику важнее идентифицировать реальность, чем образно охарактеризовать её.

(англ.): *My point here is that, in matters of the heart, males have the brains of a walnut*. Перевод: *Что я хочу сказать, так это то, что в вопросах личных сердечных отношений ума у мужчины не больше, чем у кролика* (варианты: *у маленького глупого ёжика, у морской свинки, у пони, у дрессированной обезьянки и т.п.*). В этом примере сложность представляет выбор образного эквивалента для перевода английской метафоры *walnut*. Буквальный перевод вряд ли возможен: сравнение мозга с величиной грецкого ореха в русском не создаёт той же уничижительной окраски, которая дана в английском (ср.: *объем мозга у мужчины не превышает величины грецкого ореха*, мозг мужчины уменьшается до величины грецкого ореха**). Очевидно, что требуется замена образа на какой-то другой, обладающий аналогичной окраской, вызывающий похожие ассоциации. Обращает на себя внимание относительная свобода переводчика в выборе образного эквивалента, что показывают стоящие рядом в скобках варианты перевода. Переводчик совершенно не обязан опираться на то же значение и, значит, на тот же семантический нарратив, которые стоят за английским словом *walnut*. У русских словесных образов – своя семантика и свои ассоциативные нарративы. Объединяющим эквивалентным критерием для всех этих образов является не их структура, а их подчинение общей коммуникативной функции – выражению уничижительной оценки по условиям контекстного развёртывания высказывания. Здесь мы также видим: иррациональная сторона смысла подчиняется его рациональной стороне.

С точки зрения решаемой коммуникативной задачи высказывания можно говорить о факультативности образа: переводчик не имеет столь же строгих обязательств по отношению к образу, какие он имеет по отношению к референциальной стороне обозначения. Образ – несобственное, неподлинное наименование. Он всегда «дублёр» собственного имени объекта. Его задача – как можно ярче вскрыть отношение говорящего к обозначаемому объекту, отразить субъективный порядок осмысления предметного означаемого. Образ – усилитель функции коммуникативного воздействия,

но не «главное действующее лицо». Он не может быть самоцелью выражения. Не имея опоры на рациональной компонент, представляющий собой неразрывную связку референциальной идентификации объекта и его коммуникативно-прагматического осмысления, образ умирает. Задача переводчика – либо отбросить образ как таковой и назвать объект его прямым именем, либо, по возможности, воспроизвести ту же силу образа через его непрямой аналог, отличающийся от оригинального образа по семантике, по нарративным и культурным ассоциациям, но в той же мере раскрывающий смысловую функцию воздействия. Прямым референциальным аналогом образа в приведённом выше примере может быть выражение: *...в вопросах личных сердечных отношений мужчины не отличаются большим умом*. Рассмотрим похожие примеры.

(порт.): *Lula evocou em grande parte do discurso a própria origem humilde para se diferenciar do actual governo... Só eu comecei a fazer aquilo porque de todos que passaram pela presidência da República, só eu (1) carreguei um pote na cabeça. Só eu, com sete anos de idade, sei o que é (2) pegar a água e (3) separar caramujo*. **Перевод:** *В значительной части выступления Лула говорил о своём пролетарском происхождении, противопоставляя себя тем самым членам нынешнего кабинета. ...Из всех, кто становился президентом страны, только я начал делать это (социальные реформы. – Н.И.), потому что только я с семи лет знаю, что такое (1) тяжёлый физический труд, только я знаю, что значит (2) тащить воду и (3) перебирать улов в порту.*

В этом примере автор использует образные разговорные выражения, которые, кроме всего прочего, вызывают характерные культурные ассоциации: (1) *carregar um pote na cabeça* (досл.: *носить горшок на голове*) (2), *pegar a água* (досл.: *тащить воду*), (3) *separar caramujo* (досл.: *перебирать ракушки*). Это – устойчивые обороты, используемые в речи бедных людей, зарабатывающих на жизнь физическим трудом. Само употребление этих выражений привносит соответствующую стилистическую окраску в речь говорящего, характеризует его как представителя простого народа. Понятно, что буквальное воспроизведение этих образов в переводе на русский язык непродуктивно: в России никогда не практиковался способ переноса тяжестей на голове, вид ракушек *caramujo*⁷ также ничего означает для носителя русского языка. Переводчик обращается к коммуникативной прагматической функции этих элементов, которая мотивирует их употребление в данном контексте. Переводчик, подыскивая подходящий эквивалент, ориентирован непосредственно на прагматику выражения, игнорируя его образное усиление.

⁷ Этот вид моллюска по-русски обозначается как *береговичок, литорина*.

Поэтому *carregar um pote na cabeça* превращается в *тяжёлый физический труд*. Метонимическая функция выражений *pegar a água* и *separar caramujo* в основном сохраняется, эти выражения переводятся, соответственно, как: *тащить воду* и *перебирать улов в порту* (предполагается, что русскоязычный адресат перевода поймёт, что это – виды тяжёлого физического труда). Это – тот смысловой минимум, которого переводчик может достичь в переводе. Собственная семантика образов не раскрывается. Образы либо редуцируются, либо преобразуются.

Образ (образная смысловая надстройка) – наиболее уязвимое место в переводе, если иметь в виду радикальность тех решений, которые может принять переводчик для эквивалентного воспроизведения образа в ПТ: от радикального изменения семантики образа (т.е. подмены одного образа другим) до полного игнорирования этой семантики. Однако каким бы ни было решение переводчика, оно подчиняется одному принципу: рациональному порядку прагматического осмысления предметного означаемого (производимой в знаке референции). Прагматика речи неразрывно связана с коммуникацией, мотивирована коммуникативной направленностью выражения.

В переводе прагматика подчиняет себе референцию (в порядке смыслового приравнивания различных референтов). Она же управляет образной функцией выражения. Переводчик ориентирован на цель речевого сообщения, которая управляет порядком осмысления предметного означаемого и становится критерием точности перевода.

VI. Перевод в динамике комплексного рассмотрения

Итак, выше были рассмотрены пять аспектов природы перевода: структурно-языковой, культурный, семиотический, смысловой и коммуникативный. Мы стремились по возможности представить каждый из них отдельно, независимо от других, но вряд ли нам это в полной мере удалось, ввиду того что все они глубоко и органично взаимосвязаны, переходят друг в друга. Перевод – комплексное явление, и его полноценное изучение и обоснование возможны не иначе как с учётом всех аспектов его природы. Обособление каждого из аспектов может быть лишь относительным.

Важно понимать динамику взаимного сопряжения между всеми этими аспектами. Все они по-разному работают в переводе. Какие-то из них разрывают перевод, делают его невозможным, доводя до максимума принцип взаимного несогласия между языками. Какие-то, наоборот, работают на сближение двух языков в переводе, стано-

вятся основой их согласия. К первым относятся структурные и культурные факторы ИЯ и ПЯ: в переходе от структурных к культурным факторам расширяется и углубляется область межъязыкового несогласия в переводе. Ко вторым относятся факторы общесмыслового и коммуникативно-смыслового сопряжения в переводе. К общесмысловым мы относим всю совокупность смыслов, открывающихся в процессе осмысления предметного означаемого в высказывании, в тексте, — логические смыслы, эмоцию, оценку, стиль, социокультурные окраски, образные ассоциации, — не дифференцируя их по их статусу, по их функции в содержании знака. Смысл здесь берётся как некий единый комплекс понимания и интерпретации. В переходе от общесмыслового уровня понимания к коммуникативно-смысловому происходит концентрация понимания на основе его внутренней смысловой дифференциации. Центральным фактором понимания и интерпретации оказываются коммуникативно-прагматические смыслы (логика, эмоция, оценка), которые являются решающим критерием достижения содержательного тождества в переводе, критерием эквивалентного приравнивания различных форм ИЯ и ПЯ. Структурная и культурная специфика ИЯ и ПЯ ослабляет, в то время как смысловые факторы (в процессе их концентрации при переходе от социокультурных окрасок к смысловой прагматике) усиливают эквивалентное тождество в переводе. Связь двух групп факторов следует понимать, как процесс, борьбу, где неизменно победу одерживают интеграционные факторы перевода.

VII. Диалектика перевода: философские и лингвистические корреляции

Эквивалентное приравнивание различных форм ИЯ и ПЯ в переводе — это семиотический феномен, в котором присутствуют все признаки речевого семиозиса. В этом приравнивании мы, прежде всего, обращаем внимание не на языковое, а на речевое качество знака, в котором ведущую роль играет смысловая феноменология, т.е. не «врождённые», а «благоприобретённые» качества знака. Перевод осуществляется от речевого знака к речевому, от вершины к вершине речевого семиозиса.

В переводе, как семиотическом феномене, работают две пары диалектических категорий: тождества и различия, покоя и движения (изменения)⁸. Характер взаимосвязи этих категорий в переводе отличается от характера их взаимосвязи в языке.

⁸ Эти две пары категорий, как необходимые аспекты, составляющие философскую методологию комплексного диалектического рассмотрения объекта, мы выделяем вслед за А.Ф. Лосевым [см.: Лосев, 1990].

Как и во всяком объекте комплексного рассмотрения, в переводе, прежде всего, следует выделять оппозицию тождеств и различий, соотносительную с той, которая лежит в основе научного изучения языка. В рамках данной оппозиции перевод диаметрально противостоит языку. В языке основу тождества составляют структурные параметры знака, различия раскрываются в аспекте смысловых и контекстуальных акциденций знака в речи. В переводе основу тождества составляет смысловая и контекстуальная феноменология знака в речи, в то время как различия выделяются в аспекте структурно-языковых несоответствий ИЯ и ПЯ. Переводчик отталкивается от смысловой стороны выражения и ищет приемлемый вариант её структурного предъявления в ПТ средствами ПЯ. Теория перевода и лингвистика ориентируются на разные объекты. Объектом лингвистического рассмотрения является знак метафизический (языковой). Объектом теории перевода служит знак феноменологический (речевой).

Вслед за первой оппозицией в комплексном научном подходе к переводу выделяется вторая — оппозиция покоя и движения (устойчивого и изменчивого). Здесь знак рассматривается в динамике его становления в речи — в процессе семиозиса. Соотносительными вершинами семиозиса являются референция и смысл. Связь двух вершин характеризует связь двух функций речевого знака: функции обозначения и функции осмысления, которые не могут быть друг без друга: мы не можем обозначать, не осмысливая, и не можем осмысливать, не обозначая. Каждая из функций — необходимая альтернатива другой, противоположной. Две функциональные стороны речевого знака — смысл и референция — не могут пребывать вместе в одном и том же состоянии: в состоянии покоя или в состоянии изменения. Если одна сторона мыслится как покоящаяся, то другая мыслится как изменяющаяся.

Семиозис языкового знака в обычных условиях его употребления развивается от референции к смыслу. Референция мыслится как нечто первичное и устойчивое, смысл — как нечто вторичное, как подвижная, развивающаяся сторона знака: смысл интерпретирует референцию. Семиозис перевода, наоборот, развивается от смысла к референции (в порядке перехода от ИЯ к ПЯ). Смысл берётся как устойчивая, относительно неизменная сторона знака, референция — как акцидентальная сторона. Референция интерпретирует смысл. Переводчик меняет референцию, меняет порядок обозначения реальности, сохраняя смысл — заданный в знаке порядок осмысления предметного означаемого.

Теория перевода всё больше переходит от статического сопоставительного к динамическому интерпретационному рассмотрению

своего объекта в процессе его смыслового развития, коммуникативного становления. Основу такого рассмотрения должна составлять семиотика речевого знака во взаимосвязи двух его функций – референции и смысла, двух вершин речевого семиозиса.

В переводе возможны любые обусловленные межъязыковыми расхождениями несовпадения – в аспекте референции, в аспекте социокультурных окрасок и образных ассоциаций. Неизменным должен оставаться порядок осмысления предметного означаемого.

Список литературы

- Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. М.: изд. УРАО, 1998. 208 с.
- Breus, E.V.* Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliyskiy: Uchebnoye posobiye [Theoretical and Practical Basics of Translation from Russian into English. Teaching Book]. Moscow: izd. URAO, 1998. 208 p. (in Russian).
- Виноградов В.С.* Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. 3-е изд. М.: КДУ, 2006. 240 с.
- Vinogradov, V.S.* Perevod: Obshnye i leksicheskiye voprosy: Uchebnoye posobiye [Translation: General and Lexical Aspects: Teaching Book]. 3rd ed. Moscow: KDU, 2006. 240 p. (in Russian).
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Gadamer, H.-G.* Istina i Method: Osnovy filosofskoy germeneytiki [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988. 704 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. 2-е изд. / Н.К. Гарбовский. М.: Издательство. МГУ, 2007. 544 с.
- Garbovskiy, N.K.* Teoriya perevoda: Uchebnik [Theory of Translation: Manual]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2007. 544 p. (in Russian).
- Иванов Н.В.* Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 4. 2015. С. 34–64.
- Ivanov, N.V.* Dichotomiyi perevoda (k onthologicheskim osnovaniyam opredeleniya nauchnogo ob'ekta perevodovedeniya) [Dichotomies in Translation: Ontological Definition of Scientific Object in Translation Studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No 4, 2015. Pp. 34–64 (in Russian).
- Иванов Н.В.* Антиномии интерпретации: начала анализа // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Материалы VIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва 27 июня 2014 г.). М.: ИД «Международные отношения», 2014. С. 110–135.
- Ivanov, N.V.* Antinomiya interpretatsii: nachala analiza. Yazyk kak sistemnaya realnost' v sotsiokulturnom i kommunikativnom izmereniyah [Antinomies of

- Interpretation: Principles of Analysis. Language as a Systemic Reality in its Socio-cultural and Communicative Dimensions]. *Materialy VIII Mejdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktualnym problemam yazyka I kommunikatsii* (Moskva, 27.2014). Moscow: ID “Mejdunarodnye otnosheniya”, 2014. Pp. 110–135 (in Russian).
- Иовенко В.А.* Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография. М.: МГИМО-университет, 2013. 219 с.
- Iovenko, V.A.* Natsional’no-kulturnoye mirovideniye v perevodcheskom izmeneniyi: monografiya [National-cultural Mundiision in Translational Dimension: Monograph]. Moscow: MGIMO-universitet, 2013. 219 p. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе (очерк лингвистического учения о переводе). М.: Изд. «Международные отношения», 1973. 215 с.
- Komissarov, V.N.* Slovo o perevode (ocherk lingvisticheskogo ucheniya o perevode) [A Word on Translation (an Essay of a Linguistic Study of Translation)]. Moscow: izd. “Mejdunarodniye otnosheniya”, 1973. 215 p. (in Russian).
- Лосев А.Ф.* Философия имени. М.: Изд. Московского университета, 1990. 280 с.
- Losev, A.F.* Filosofiya imeni [Philosophy of Noun]. Moscow: izd. Moskovskogo universiteta, 1990. 280 p. (in Russian).
- Мишкuroв Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 69–91.
- Mishkurov, E.N.* O “germenevticheskom povorote” v sovremennoy teorii metodologii perevoda (tchast’ I) [Hermeneutical Turnin Contemporary Theoryand Methology of Translation (Part II)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No 2, 2013. Pp. 69–91 (in Russian).
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 320 с.
- Neliubin, L.L.* Tolkoviy perevodovedcheskiy slovar’ [Explanatory Dictionary of Terms of Translation]. 6th ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 320 p. (in Russian).
- Павлѐнис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983, 286 с.
- Pavilyonis, R.I.* Problema smysla: sovremenniy logiko-filosofskiy analis yazika [Problem of Sense: Modern Logical-Philosophical Analysis of Language]. Moscow: Mysl’, 1982. 286 p. (in Russian).
- Полубоярова М.В.* Структурные уровни эквивалентности в специальном переводе (на материале англо-русского публицистического перевода) / М.В. Полубоярова. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 179 с.
- Poluboyarova, M.V.* Strukturniye evrovi ekvivalentnosti v spetsial’nom perevode (na materiale anglo-russkogo publitsisticheskogo perevoda) [Structural levels of Equivalence in Special Translation (based on examples of English-Russian translation of newspaper articles)]. Candidate’s thesis philologicheskikh nauk. Moscow, 2009, 179 p. (in Russian).
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I, II. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. 536 с.
- Potebnya, A.A.* Iz zapisok po russkoy grammatike [Scientific Proceedings on Russian Grammar]. Т. I, II. Moscow: Gos. uch.-ped. izdatel’stvo Ministerstva prosvesheniya RSFSR, 1958. 536 p. (in Russian).

- Сидоров Е.В.* Порядок текста. М.: изд. РГСУ, 2011. 208 с.
- Sidorov, E.V.* Poryadok teksta [Order of Text]. Moscow: izd. RGSU, 2011. 208 p. (in Russian).
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Symposium, 2006. 574 с.
- Eco, U.* Skazat' pochti to je samoye. Opyty o perevode [Saying almost the Same. An Essay on Translation]. Saint-Petersburg: Symposium, 2006. 574 p. (in Russian).
- Vinay, J.-P., Darbelnet, J.* Comparative Stylistics of French and English, trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1995. 342 p.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Ф.Д. Бунятова, кандидат юридических наук, преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: faridabouniatova@hotmail.com

МАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

«Мафия» является заимствованным словом, как в русском, так и в английском языках. При этом надо учитывать, что итальянский термин «мафия» имеет глубокие культурные и исторические корни. В статье рассматривается терминология мафии и способы её перевода на русский и на английский языки. По мнению автора, одним из наиболее эффективных способов является приём форенизации. Таким образом, представляется возможным сохранить слово на языке оригинала, при этом, однако, сопровождая его соответствующим пояснением на языке перевода. В качестве примера анализируется термин «омерта» и предлагаются варианты его перевода.

Ключевые слова: мафия; терминология мафии; форенизация; омерта; закон молчания.

Farida D. Bunyatova, Cand. Sc. (Law), Lecturer at Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: faridabouniatova@hotmail.com

MAFIA: LEGAL TRANSLATION ISSUES

Mafia is used as a loan word in English and Russian alike. However, Italian mafia is a much more complex term with deep historical and cultural roots. The article discusses mafia-related terminology and ways to translate it into English and Russian. One of the best options is to use the so-called foreignization strategy, i.e. to retain the term in the source language while providing an appropriate explanation in the target language. To illustrate this point, the author defines the term *omerta* and suggests ways to translate it.

Key words: mafia; mafia-related terminology; foreignization; omerta; code of silence.

Итальянский термин «мафия» используется во многих языках для обозначения организованной преступной группы и является примером юридического термина, не требующего перевода [Franchis, 1996: 951]. Безусловно, своей широкой известностью термин «мафия» обязан популярной культуре, в частности голливудскому кино и, в немаловажной степени, легендарному фильму 1972 года «Крестный отец», снятому по одноименному роману Марио Пьюзо¹ и вошедшему в золотой фонд мирового кинематографа. За этим фильмом последовало два сиквела, после чего на протяжении трёх десятилетий мировые кинокомпании снимали фильмы и сериалы

¹ Пьюзо М. Крестный отец. М.: Эксмо, 2016.

о мафии. В результате образ *мафиози* твёрдо укрепился в сознании зрителя.

Надо заметить, что большинство кинофильмов и сериалов о мафии, как о типично итальянском социальном, культурном и правовом феномене, создавалось на английском языке и было переведено на многие другие. Таким образом, можно предположить, что изначально не представляется возможным передать аутентичность и оригинальность диалогов, а, следовательно, и соответствующую атмосферу, так как итальянский мафиози говорит на местном диалекте, а не на стандартном итальянском языке.

Кроме этого, сквозь призму американского кинематографа образ итальянской мафии далёк от той реальности, в которой существовала сицилийская мафия и похожие организации. Безусловно, определённые черты, присущие членам преступных кланов, голливудское кино передаёт вполне правдиво. Героям подобных фильмов свойственны безжалостность, преданность семье и друзьям, но при этом, гораздо большее число черт, приписываемых Голливудом членам мафии, прямо противоположны действительности.

В голливудском кино *мафиози* изображается как достаточно дерзкий и смелый человек, имеющий власть и деньги, и жестоко подавляющий своих соперников и врагов.

В действительности же типичный глава мафии², как правило, ведёт скромный образ жизни и использует куда более ловкие и неочевидные методы в отношениях со своими конкурентами. Яркой иллюстрацией может служить книга Андреа Камиллери [Camilleri, 2007: 157], в которой описывается инцидент, произошедший с главой мафии Бернардо Провенцано, арестованным в 2006 году. По словам лиц, окружавших Провенцано, «босс всех боссов» смеялся лишь раз в жизни, когда ему напомнили о просмотре фильма «Крестный отец».

Учитывая все вышесказанное, переводчику при переводе соответствующих текстов, прежде всего, следует абстрагироваться от типичного представления о мафии, навязываемого американским кинематографом. Кроме этого, необходимо знать различия, которые существуют между мафией и иными организованными преступными группами.

Основной характерной чертой мафии является её проникновение в общественную и политическую жизнь, вмешательство в дела полиции и судебных органов³.

² Реалистичный образ мафии воссоздан в итальянском сериале 2017 года *Capo di capi*, посвящённом главе мафии Тото Рино.

³ См.: *René Seindal*. Mafia. Money and Politics in Sicily 1950–1997. University of Copenhagen: 1998; Sicilian tragedy, world problem: First Falcone, now Borsellino. Two leading judges have been murdered, and Mafia crime is spreading across the globe. The

Кроме этого, помимо извлечения материальной выгоды, что свойственно всем преступным группам, мафия заинтересована в активном участии и завоевании влияния в политической и социальной жизни общества. Это утверждение приведено в докладе Европола, посвящённом организованной преступности в Италии⁴:

“Economic power is of paramount relevance to Mafia-type organisations, but it is by no means the only form of power they seek, and possibly not even the most important”⁵.

Надо отметить, что усилия по унификации и гармонизации законодательства, направленного на борьбу с мафией, предпринимаются на европейском и на международном уровнях. В связи с этим возникает необходимость грамотного перевода соответствующих текстов, что довольно непросто, учитывая культурную специфику такой организации, как мафия. Представляется очевидным, что факт наличия в каждой стране особых правовых категорий, неизвестных другим государствам, ведёт к существованию безэквивалентной терминологии, что осложняет работу переводчика и накладывает на него ещё большую ответственность.

За прошедшие годы итальянские власти множество раз направляли в другие страны требования об экстрадиции лиц, подозреваемых или обвиняемых в членстве в мафии или в организации объединений мафиозного типа (*associazione di tipo mafioso*). Часто требования адресованы государствам, принадлежащим к англо-американской правовой системе или правовой системе смешанного типа [Varrica, Alfano, 2012: 223–228], как, например, Англия, Шотландия, Южная Африка, Канада и Австралия. Нередко итальянские власти получают отказ в силу того, что соответствующее преступление не предусмотрено уголовным законодательством запрашиваемых стран, и, таким образом, должен быть применён принцип двойной криминализации деяния⁶. В ряде случаев запрашиваемое государство

state must fight back, rather than leaving it to individuals. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/sicilian-tragedy-world-problem-first-falcone-now-borsellino-two-leading-judges-have-been-murdered-1534567.html>; Italy Aide Accused of Mafia Ties Found Dead. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com/1992/12/04/world/italy-aide-accused-of-mafia-ties-found-dead.html>

⁴ Europol. Threat Assessment: Italian Organised Crime. [Электронный ресурс]. URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/publications/italian_organised_crime_threat_assessment_0.pdf

⁵ «Обладание экономической мощью чрезвычайно важно для преступных объединений мафиозного типа; однако это далеко не единственная и, возможно, не самая главная их цель» (перевод мой. — Ф.Б.).

⁶ Принцип двойной криминализации деяния или принцип двойного вменения не допускает экстрадиции лица, чьё деяние не признается преступлением по уголовному законодательству государства, у которого запрашивают экстрадицию. — I.A. Shearer. Extradition in International Law. Oceana Publications, 1971. P. 37.

всё же осуществляло экстрадицию, но только после предоставления необходимых разъяснений с итальянской стороны. Очевидно, что в подобных процессах переводчик играет немаловажную роль.

Отметим, что в 2004 году был принят Европейский ордер на арест⁷, который в значительной степени упростил процедуру экстрадиции лиц на территории Европейского союза, исключив действие принципа двойного вменения.

В Рамочном решении Совета о европейском ордере на арест⁸ перечислены виды преступлений, на которые Европейский ордер на арест распространяет своё действие. Первым преступлением в перечне является участие в организованной преступной группе⁹.

Обратим внимание на то, что инкорпорируя Рамочное решение в национальное законодательство, Соединённое Королевство сохранило вариант обозначения данного преступления, предложенный Решением, в то время как итальянское законодательство, с учётом местной специфики, приняло иную формулировку, а именно — *partecipare ad una associazione di tre o più persone finalizzata alla commissione di più delitti*¹⁰.

Таким образом, английский и итальянский законодатели пошли разными путями — один предпочёл выбрать нейтральную терминологию права ЕС, другой же решил придерживаться формулировки, предусмотренной в статье 416 Уголовного кодекса Италии¹¹. Какую из двух стратегий считать более верной — достаточно спорный вопрос. Однако представляется, что в данном случае желательно избрать единый вариант для всех стран-членов, чтобы обеспечить единообразное толкование, а следовательно, более упорядоченную и слаженную процедуру экстрадиции запрашиваемых лиц.

Конечно же, в подобных ситуациях вопрос о выборе переводческой стратегии встаёт довольно часто. Проблема доместикации и форенизации¹² имеет особое значение при переводе юридических

⁷European Arrest Warrant. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/justice/criminal/recognition-decision/european-arrest-warrant/index_en.htm

⁸ Council Framework Decision of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States. [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:32002F0584>

⁹ В английском варианте — participation in a criminal organisation; в итальянском — partecipazione aun'organizzazione criminale.

¹⁰ Участие в организованной преступной группе трёх и более лиц, объединившихся с целью совершения более одного преступления (перевод мой — Ф.Б.).

¹¹ Codice Penale Italiano con le modifiche apportate, dall'art. 103, dalla L. 14 luglio 2017, n. 110 ed alla L. 23 giugno 2017, n. 103. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altalex.com/documents/codici-altalex/2014/10/30/codice-penale>

¹² См. Lawrence Venuti. *The Translator's Invisibility: a history of translation*. London: 1995.

текстов, так как переводчик должен, прежде всего, придерживаться буквы закона и в точности следовать оригинальному тексту¹³, при этом учитывая культурную специфику и особенности правовой системы той или иной страны.

Представляется, что при переводе юридического текста невозможно использовать то многообразие приёмов [Гарбовский, 2004: 486], что, например, при художественном переводе, так как любое опущение или попытка поиска соответствующего эквивалента в своей культуре, могут привести к нежелательным правовым последствиям.

Если говорить о переводе текстов, связанных с мафией, на наш взгляд, желательно использовать стратегию форенизации, сохраняя оригинальный термин, при этом сопровождая его соответствующим пояснением на языке перевода. Следует, однако, учитывать, что объяснение не должно быть слишком сложным и долгим, чтобы не вводить читателя в заблуждение.

Термин *мафия* определён в статье 416-bis Уголовного кодекса Италии. Здесь перечислены характеристики, при наличии которых преступная группа квалифицируется как объединение мафиозного типа. Из положений статьи можно сделать вывод о том, что мафия это не только сицилийская Коза Ностра, но и другие объединения. Так, в статье приведён неисчерпывающий перечень организаций, подпадающих под действие УК, таких как неаполитанская Каморра и калабрийская Ндрангета.

Заметим, что данная статья была введена в УК в 1982 году, однако толкование и применение её представлялось достаточно сложным [Scotti, 2002: 159]. Статья стала эффективно применяться с 1992 года, после того как Высший кассационный суд Италии подтвердил большинство приговоров, вынесенных в отношении 474 мафиози во время громкого судебного процесса в Палермо. Интересно, что это был первый раз, когда итальянский суд официально признал существование мафии как устойчивой организации со своей структурой и устоявшимися правилами.

Учитывая то, что даже суду довольно непросто давать толкование терминологии, связанной с мафией, перед переводчиком встаёт сложная задача по передаче точного её смысла.

Один из терминов, используемых объединениями мафиозного типа и представляющих проблему для переводчика, является *omerta*. В научной литературе на русском языке, помимо случаев воспроизведения термина на языке оригинала (приём форенизации), мы

¹³ Существует и противоположная точка зрения (см. Sirglinde Pommer. “No Creativity in Legal Translation?” Babel. Vol. 54. 4 (2008), pp. 355–368).

часто встречаем такие варианты перевода, как “закон молчания”¹⁴ или “кодекс молчания”¹⁵.

Если говорить о переводе термина на английский язык, то в законодательной резолюции Европейского парламента в отношении рамочного решения Европейского совета о борьбе с организованной преступностью¹⁶ значится формулировка “code of silence”.

Надо заметить, что упомянутые нами варианты перевода как на русский язык, так и на английский, указывают на непосредственное отношение термина *omerta* к мафии, как своеобразного внутреннего правила организации, соблюдаемого мафиози.

Однако при этом не принимается во внимание тот факт, что термин *omerta* обладает более широким смыслом. Проанализировав определения, содержащиеся в ряде толковых словарей¹⁷, можно заключить, что *omerta* — это отказ граждан сотрудничать с государством или друг с другом из-за чувства недоверия и страха. Таким образом, даже тот факт, что при дорожно-транспортном происшествии никто из присутствовавших не хочет официально выступать свидетелем, можно считать омертой.

В резолюции Европейского парламента 2011/2154¹⁸ используется формулировка “criminal silence”, т.е. “преступное молчание” (перевод мой. — Ф.Б.). Как видим, акценты здесь расставлены так,

¹⁴ См. *Грачев А.В.* Санкции как экономический инструмент противодействия теневому сектору хозяйства страны / Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2 (46). С. 113–121; *Латов Ю.В.* Функции теневой экономики как институциональной подсистемы // *Terra Economicus*. 2006. Том 4. № 1. С. 61–83; *Мартыанов В.С.* Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 230–248; *О.Е. Сапарин.* Психологическая борьба с преступностью и проблемы всеобщей безопасности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1999. № 1 (9). С. 5–10.

¹⁵ См. *Федотова Д.В.* Особый порядок судебного разбирательства как одна из форм упрощенного судопроизводства: сравнительная характеристика российского и зарубежного законодательства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 3 (21). С. 32–37.

¹⁶ European Parliament legislative resolution on the proposal for a Council framework decision on the fight against organised crime. [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52005AP0405>

¹⁷ Macmillan Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/omerta>; Collins Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/omerta>. При этом ряд источников подчеркивает лишь один из элементов смысла, а именно прямую связь *omertac* мафией: Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/omertà>; Энциклопедия Britannica. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/omerta-Mafia-code-of-honor>

¹⁸ European Parliament resolution of 10 May 2012 on the protection of the European Union’s financial interests – Fight against fraud – Annual Report 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P7-TA-2012-196>

что факт молчания не является результатом преступного запугивания и устрашения граждан; наоборот — молчание является преступным.

Специальный комитет Европейского парламента по борьбе с организованной преступностью, коррупцией и отмыванием денег¹⁹ в своих документах предпочитает сохранять термин *omerta*, сопровождая его пояснением — *code of silence*. Как мы указывали выше, в этом случае теряется существенный элемент смысла, и значение термина сводится непосредственно к мафии.

Европол²⁰ применяет стратегию форенизации и не раскрывает суть термина, таким образом подразумевая, что читатель а priori знает значение слова *omerta*. Мы высказывались ранее в пользу приёма форенизации, однако, конечно же, переводчику необходимо предусмотреть соответствующее пояснение или комментарий, иначе смысл всего текста может остаться непонятным читателю.

В одной из своих работ судья Верховного суда Италии Джулиано Туроне [Turone, 2007: 51] помимо использования распространённого варианта *code of silence*, предлагает и иной вариант — *attitude of silence and refusal*. Представляется, что на русском языке мы можем передать это как *принцип молчания и невмешательства* (перевод мой. — Ф.Б.).

Таким образом, если перед переводчиком стоит задача по переводу текста, посвящённого мафии, необходимо чётко уяснить смысл термина и перевести его с использованием приёма форенизации, сопроводив кратким и ёмким, но предельно точным пояснением.

В данной статье в качестве примера мы рассмотрели варианты перевода термина *omerta* и пришли к следующим выводам:

— распространённый вариант перевода данного термина, как *закон молчания* или *кодекс молчания* является лишь частичным эквивалентом и не в полной мере отражает смысл термина;

— при переводе термина *omerta* в качестве пояснения желательно использовать формулировку *принцип молчания и невмешательства*, что лучше отражает смысл термина как социального феномена, имеющего глубокие исторические корни.

Если говорить о переводе терминологии мафии в целом, представляется, что переводчику, помимо знания языка, необходимо разбираться в особенностях правовой системы и культуры Италии для того, чтобы находить наиболее адекватные переводческие решения.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

¹⁹ The European Parliament Special committee on organised crime, corruption and money laundering. Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/ep-live/en/committees/video?event=20121128-1500-COMMITTEE-CRIM>

²⁰ Europol — the European Union's law enforcement agency. URL: <https://www.europol.europa.eu/about-europol>

- Garbovskij, N.K.* Teoriya perevoda [Theory of translation], Moscow: Izd-vo MGU, 2004. 544 p. (in Russian).
- Грачев А.В.* Санкции как экономический инструмент противодействия теневому сектору хозяйства страны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2 (46). С. 113–121.
- Grachev, A.V.* Sanktsii kak ekonomicheskij instrument protivodejstvija tenevomu sektoru hoz'ajstva strani [Sanctions as an economic tool to counter shadow sector of state economy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2010. No 2 (46). Pp. 113–121 (in Russian).
- Латов Ю.В.* Функции теневой экономики как институциональной подсистемы // TerraEconomicus. 2006. Том 4. № 1. С. 61–83.
- Latov, Ju.V.* Funktsii tenevoj ekonomiki kak institutsionalnoj podsystemi [Functions of shadow economy as an institutional subsystem]. *Terra Economicus*. 2006. Vol. 4. No 1. Pp. 61–83 (in Russian).
- Мартьянов В.С.* Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 230–248.
- Martjanov, V.S.* Gosudarstvo i geterarxija: subjekti i faktori obschestvennix izmeneniy [State and heterarchy: actors and factors of social change]. *Nauchnij jezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*. 2009. Issue 9. Pp. 230–248 (in Russian).
- Пьюзо М.* Крестный отец. М.: Эксмо, 2016. 544 с.
- Piuzo, M.* Krestniy otets [The Godfather]. Moscow: Eksmo, 2016. 544 p. (in Russian).
- Сапарин О.Е.* Психологическая борьба с преступностью и проблемы всеобщей безопасности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1999. № 1 (9). С. 5–10.
- Saparin, O.Je.* Psixologicheskaja bor'ba s prestupnostju i problemi vseobschej bezopasnosti [Psychological fight against crime and global security issues]. *Psixopedagoghika v pravookhranitel'nix organax*. 1999. No 1 (9). Pp. 5–10 (in Russian).
- Федотова Д.В.* Особый порядок судебного разбирательства как одна из форм упрощённого судопроизводства: сравнительная характеристика российского и зарубежного законодательства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 3 (21). С. 32–37.
- Fedotova, D.V.* Osobij por'adok sudebnogo razbiratelstva kak odna izform uproshchennogo sudoproizvodstva: sravnitel'naja karakteristika rossijskogo i zaru-bezhnogo zakonodatelstva [Special trial as a form of summary procedure: comparing Russian and foreign legislations]. *Vestnik Krasnodarskogo univer-siteta MVD Rossii*. 2013. No 3 (21). Pp. 32–37 (in Russian).
- Adriano Varrica, Sonia Alfano.* Per un Contrasto Europeo al Crimine Organizzato e alle Mafie. Angeli, 2012. 340 p.
- Andrea Camilleri.* Voi non sapete: gli amici, i nemici, la mafia, il mondo nei piz-zini di Bernardo Provenzano. Milan: Mondadori, 2007. 212 p.
- Benjamin Scotti.* “Rico vs. 416-bis: A Comparison of U.S. and Italian Anti-Organized Crime Legislation”, 25 *Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review*, 143 (2002). Pp.143–164.
- Codice Penale Italiano con le modifiche apportate, da ultimo, dalla L. 3 luglio 2017, n. 105, dalla L. 14 luglio 2017, n. 110 e dalla L. 23 giugno 2017, n. 103.

- URL: <http://www.altalex.com/documents/codici-altalex/2014/10/30/codice-penale>
- Council Framework Decision of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:32002F0584>
- European Arrest Warrant. URL: http://ec.europa.eu/justice/criminal/recognition-decision/european-arrest-warrant/index_en.htm
- European Parliament legislative resolution on the proposal for a Council framework decision on the fight against organised crime. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52005AP0405>
- European Parliament resolution of 10 May 2012 on the protection of the European Union's financial interests – Fight against fraud – Annual Report 2010. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P7-TA-2012-196>
- Europol. Threat Assessment: Italian Organised Crime. URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/publications/italian_organised_crime_threat_assessment_0.pdf
- F. de Franchis. *Dizionario Giuridico*. Vol. 2. Giuffrè, 1996. 1468 p.
- Giuliano Turone. “Legal Frameworks and Investigative Tools for Combating Organized Transnational Crime in the Italian Experience”. 2007. Pp. 48–64. URL: http://www.unafei.or.jp/english/pdf/RS_No73/No73_10VE_Turone.pdf
- I.A. Shearer. *Extradition in International Law*. Oceana Publications, 1971. 283 p.
- Italy Aide Accused of Mafia Ties Found Dead. URL: <http://www.nytimes.com/1992/12/04/world/italy-aide-accused-of-mafia-ties-found-dead.html>
- Lawrence Venuti*. *The Translator's Invisibility: a history of translation*. London, 1995. 336 p.
- René Seindal*. *Mafia. Money and Politics in Sicily 1950–1997*. University of Copenhagen, 1998. 183 p.
- Sicilian tragedy, world problem: First Falcone, now Borsellino. Two leading judges have been murdered, and Mafia crime is spreading across the globe. The state must fight back, rather than leaving it to individuals.]. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/sicilian-tragedy-world-problem-first-falcone-now-borsellino-two-leading-judges-have-been-murdered-1534567.html>
- Sirginde Pommer*. “No Creativity in Legal Translation?” *Babel*. Vol. 54:4, 2008.
- The European Parliament Special committee on organised crime, corruption and money laundering. URL: <http://www.europarl.europa.eu/ep-live/en/committees/video?event=20121128-1500-COMMITTEE-CRIM>

Ресурсы удалённого доступа (INTERNET)

- Энциклопедия Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/omerta-Mafia-code-of-honor>
- Eupol – the European Union's law enforcement agency. URL: <https://www.europol.europa.eu/about-europol>
- Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/omerta>
- Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/omerta>
- Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/omerta>

Чжу Инли, старший преподаватель Цзилиньского института иностранных языков Хуацяо, кандидат наук Хэйлунцзянского университета; e-mail: zhuyingli_0624@126.com

НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ

Понятие непереводимости не означает тупиковых случаев в переводе. За ним стоят многочисленные решения по передаче выражений с национально-культурной спецификой в процессе перевода произведений художественной литературы. В статье рассматриваются приёмы преодоления непереводимости в художественном переводе, а именно доместикация, форенизация, интерпретация и др.

Материалом для исследования послужили переводы на китайский язык произведений русской литературы.

Ключевые слова: непереводимость; доместикация; форенизация; интерпретация.

Zhu Ying-li, Senior lecturer at the University of Heilongjiang and Jilin HuaQiao University of Foreign Languages, China; e-mail: zhuyingli_0624@126.com

UNTRANSLATABILITY IN RUSSIAN-TO-CHINESE LITERARY TRANSLATION

Untranslatable does not imply dead-ends in the process of translation. In fact, there are many translation strategies that can solve the problem. Non-equivalent words, idioms and special cultural expressions are often neglected in the field of translation. In this paper, we focus on the countermeasure for untranslatability in Russian-to-Chinese literary translation through the domestication, foreignization, interpretation and other translation strategies.

Key words: untranslatability, domestication, foreignization, interpretation.

Художественные произведения русских писателей оказывают влияние на китайских читателей со времён Второй мировой войны и по сегодняшний день. Их самобытность и глубина привлекают китайских читателей. И помимо этого они играют важную роль во взаимоотношениях между Китаем и Россией. Китайские читатели поняли мощь и величие русской литературы уже в XIX веке, после появления прекрасного перевода «Капитанской дочки» А.С. Пушкина.

Позднее колоссальное влияние на новое поколение китайцев стали оказывать такие замечательные русские писатели, как И.С. Тургенев, М.Ф. Достоевский, А.П. Чехов, А.М. Горький и др. Идеи, заложенные ими, вызывают настоящий восторг и душевный отклик у читателей и по сей день.

Русские художественные произведения выделяются тонким пониманием человеческой морали и глубоким проникновением в душу

человека, оставляя там отпечаток. Это – общая, объединяющая, изюминка всех русских писателей. Возможность передачи этой изюминки иноязычному читателю зависит от перевода. Хорошее, проникающее в душу переводное произведение есть следствие хорошего перевода.

Следует отметить, что у каждого народа есть собственные средства выражения национальных и культурных признаков, которыми пользуются писатели. Сходство данных средств способно упростить выполнение перевода, а их различие создаёт определённые трудности. Художественный перевод является не только результатом диалога культур, но и явлением межкультурных противоречий, противостояний [Яковлева, 2012: 157]. «Именно переводчик в условиях многообразия культур и отсутствия единого мирового языка оказывается перед необходимостью освоить «чужое» для принимающей культуры и привести в единую систему *универсальное, своё и чужое*» [Гарбовский, 2010: 5].

В нашей статье трудность перевода, межкультурные противоречия и противостояния рассматриваются как *непереводимость*. Мы проанализируем, какие существуют возможные способы преодоления непереводимости в художественном переводе с русского языка на китайский. По мнению Р.К. Миньяра-Белоручева, «проблема переводимости представляет собой одну из старейших теоретических проблем перевода» [Миньяр-Белоручев, 1980: 31].

Для начала, нужно определить понятие непереводимости. Данное определение не означает тупиковых случаев в переводе.

Как отмечает Н.К. Гарбовский, «Взгляд на перевод как на целостную систему позволяет, таким образом, дать решение одной из наиболее важных и дискуссионных проблем теории перевода, а именно проблеме принципиальной **переводимости**» [Гарбовский, 2007: 225].

Основоположник советской теории перевода А.В. Федоров, основываясь на подобном взгляде на перевод, справедливо настаивал на возможности полноценного перевода: «То, что невозможно в отношении отдельного элемента, возможно в отношении сложного целого – на основе выявления и передачи смысловых и художественных функций отдельных единиц, не поддающихся узкоформальному воспроизведению» [Федоров, 1983: 122].

Конечно, наличие выражений, существующих в одном языке и отсутствие соответствующих эквивалентов в другом языке, не облегчает процесс перевода. При этом перед переводчиком встаёт задача найти правильную стратегию перевода, позволяющую конкретно совершить необходимую трансформацию. Здесь мы должны помнить, что «случаи непереводимости, располагаясь на перевод-

ческой периферии, утверждают количественное превосходство категории переводимости — об этом убедительно свидетельствует опыт перевода» [Бойко, 2010: 3]. Следовательно, переводимость и непереводимость не могут противопоставляться. Переводимость является основной особенностью, свойственной художественным текстам. А непереводимость представлена лишь отдельными фрагментами или элементами тех или иных исходных текстов.

В отличие, например, от научно-технического языка, где допустима клишированность, язык художественной литературы не терпит использование клише и богат национально-специфическими реалиями. Часто к таким элементам относят средства, традиционно составляющие предмет риторики и стилистики — палиндромы, каламбуры, звуковую символику, реалии, сложные слова, игру слов, аллюзии и другие, а также национально-культурные различия значений отдельных грамматических категорий. К экстралингвистическим факторам непереводимого можно отнести, в частности, так называемые «тёмные» места текста, неясные по содержанию или смыслу. Непереводимость как фрагмент реальности переводческой практики подтверждает то, что любой перевод, в принципе, это только некое приближение к оригиналу, но в нём никогда не передаются полностью все аспекты содержания и формы оригинала. «Частичность воссоздания системы смыслов оригинала — объективное свойство перевода. Оно обусловлено неизбежной асимметрией любой пары языковых систем, оказывающихся в контакте в переводе, асимметрией языковых картин мира», — отмечает Н.К. Гарбовский [Гарбовский, 2007: 212].

Преодоление непереводимости в переводческой практике — это случаи, когда текст перевода в смысловом отношении максимально отличается от текста оригинала. Их можно рассматривать как проявление динамического характера переводимости. Непереводимость может трансформироваться в переводимость. Это имеет место, когда переводчик не желает мириться с фактом непереводимости. Таким образом, категория непереводимости/переводимости имеет бинарный характер. Язык не развивается сам по себе, он совершенствуется людьми, безэквивалентное обретает эквиваленты, взаимодействие культур является следствием совершенствования лексических средств определённых языков.

Переводчик художественных текстов прежде всего должен замечать эти элементы непереводимости, в том числе намёки и импликации, находящиеся глубоко в тексте, понимать внеязыковую реальность, описанную автором в оригинале, и выйти на соответствующие стратегии преодоления непереводимости, чтобы читатель смог ощутить аналогичную гамму чувств и получить эмоциональный

отклик в душе. «Компоненты непереводаемости – это фрагменты ИТ, вызывающие объективные трудности перевода, то есть их не удаётся компенсировать в полной мере в рамках ПТ, что вызывает потери (или добавления) в процессе перевода и ведёт к неполноте передачи всего ИТ, изменению его содержания, формы» [Букреева, 1998: 164]. Г.В. Шатков отмечает: «В состав БЭЛ включают имена собственные, реалии, слова с национально-специфической экспрессивной окраской, слова с суффиксами субъективной оценки, слова с переносным значением, диалектизмы, архаизмы, звукоподражания, каламбуры» [Шатков, 1952: 57–58].

В данной статье будут показаны примеры непереводаемости в процессе перевода художественного произведения с русского языка на китайский и возможности их решения. Сперва рассмотрим элементы непереводаемости, вызванные трудностями перевода безэквивалентной лексики. Здесь складываются асимметрические отношения между исходным языком и языком перевода. Лексическая безэквивалентность проявляется в наличии в ИЯ целого набора лексических единиц, которые не имеют полных равнозначных соответствий в ПЯ. Единицы ИЯ, не имеющие единиц с аналогичным языковым статусом в словарях ПЯ, называют безэквивалентными. В процессе перевода переводчик прежде всего должен понимать смысл выражения в контексте определённого текста и попытаться найти наилучший способ перевода.

В качестве иллюстрации этих приёмов рассмотрим некоторые фрагменты из перевода русских художественных произведений на китайский язык. «Силы небесные, никак Юрочка? Ну как же! Так и есть, он, **соколик!**» (Пастернак, «Доктор Живаго»). Соколик – это ласковое название юноши, мужчины, часто употребляется при обращении к кому-то в народной словесности. А в китайском языке не существует аналогичного обращения. Как в данном случае перевести такое выражение? В двух переводах переводчики пользовались разными способами перевода – доместикацией и форенизацией. В переводном тексте Гу Ялин и Бэй Чуньжэня смысл выражения «соколик» был сохранён путём форенизации, переведён как 小雄鹰. То есть при переводе была принята стратегия сохранения особенностей иной (страны автора оригинального текста) этнокультурной идентичности, которая сложна для понимания не знакомым с ней. Такой метод перевода – насилие над читателем. Здесь нарушается языковая концепция, узус. Это превосходит то «насилие», которое может идти со стороны автора, и которому подвергаются читатели оригинала. Но одновременно этот метод полезен при распространении иностранной культуры. А в переводе Лигана и Цигана «соколик» был переведён как «молодец» 好样的,

путём приёма демистификации, то есть они пытались создать такие переводы, которые ценой отклонения от норм литературного оригинального языка передают значение данного слова.

«Перевод представляет собой лингвокультурную трансляцию, которая детерминируется, в первую очередь, языком, а затем — культурой. Элементы национальной культуры и культурного опыта могут проявляться в тексте на видимом уровне — в качестве конкретных языковых и речевых моделей. Однако наибольшую трудность при переводе вызывают не языковые различия, а те элементы культуры, которые находятся выше уровня элементарного языкового общения. Они представляют собой внеязыковую реальность, связанную не с внешними проявлениями культуры (язык, жесты, поведение, нравы, обычаи, артефакты), а с внутренними (идеи, верования, ценности)» [см.: Тимко. 2010: 61–66]. В связи с этим переводчик как посредник между двумя языками должен думать о том, как заметить национальные культурные выражения, в том числе намёки и импликации, находящиеся в глубоком аспекте, как их переводить, чтобы их будут принимать читатели.

Нижеследующий пример связан с культурным различием: «Закинув голову, он долго следил за **журавлями**. Вот уж они рябят чёрными точками, вот уж и точки растаяли в голубой дали, а в воздухе все ещё стоит тоскливое, прощальное “курлы”...» В Китае с древних времён журавль символизирует бдительность, долголетие, мудрость, преданность. А тоску по родным местам символизируют парящие в небе дикие гуси. В тексте оригинала образ журавля как раз соответствует образу дикого гуся в концепции китайского народа. В связи с этим переводчик заменяет «журавль» на «дикий гусь». Так замена в переводе является примером культурной доместикации в широком понимании.

Доместикация — результирующий текст, созданный в условиях принимающей культуры. Перевод при таком методе читается так же легко, как оригинальное произведение, созданное на языке перевода. Иначе происходит при форенизации, когда переводчик сознательно нарушает лингвистические и культурные нормы языка перевода с целью сохранить «чужость» оригинала. Но нам трудно точно сказать, какая стратегия лучше решает проблему непереводимости.

Многие переводчики и филологи утверждали, что эквивалентность национально-специфических выражений, фиксируемых в словах, словосочетаниях, а также в народных пословицах и поговорках ограничена. Когда переводчики сталкиваются с необычными словосочетаниями, они не должны переводить их буквально.

Например, в стихотворении «Жди меня» К. Симонова 1941 года, словосочетание «жёлтые дожди» не имеет аналогов в китайском. Поэтому, если бы выражение «жёлтые дожди» было переведено на китайский язык буквально – 黄色的雨 (жёлтый дождь), – то перевод оказался бы не очень понятен читателю. Переводчик должен понимать метафоры автора, её семантическую составляющую. По контексту мы видим: «время кажется бесконечным, зиму сменяет лето, метель – жару». И грусть наводят осенние жёлтые листья, опадающие с деревьев, и издали выглядящие как дожди. Нью-марк отметил, – «...следствием употреблённой метафоры может быть то, что реципиент заметит сходство между образом и объектом, но это, как было сказано, лишь «след», который оставляет после себя метафора, а не её первостепенная задача» [цит. по: Нестеренко, 2012: 5–11]. В связи с этим переводчик должен выявить причину употребления метафоры, передать несущую её окраску, понимая коннотативное и денотативное значение. В двух переводах на китайский язык, переводчики пользовались объяснением, принадлежащим к доместикации, т.е жёлтые дожди перевели как «скорбные осенние дожди» 淒涼的秋雨 и как «печальные пасмурные дожди» 愁煞人的陰雨.

Элементы непереводаемости также существуют в простых выражениях, содержащих национально-культурную специфику. Это доставляет другие трудности переводчикам. Для создания полноценной культурной замены оригинала переводчику приходится учитывать внеязычные факторы, например: расхождение языков и культур, расхождение фоновых знаний и познавательных возможностей получателей исходного и переводного текстов и т.п. Эти факторы составляют ситуацию перевода, когда исходный и переводной тексты адресованы различным получателям. Если словесно трансформировать выражения, т.е использовать дословный перевод, культурные импликации будут потеряны. Чтобы замечать такие нюансы, переводчикам необходимо хорошо знать русский народ, его национальные особенности, даже религиозную культуру, одновременно интерпретировать культурные импликации в глубоком закрытом аспекте.

Рассмотрим трансформацию предложения с национально-культурными спецификами в процессе перевода: «А кто бросит камень? – сказал Алексей Александрович, очевидно довольный своей ролью» (Л. Толстой, «Анна Каренина»). «А кто бросит камень?» – это предложение из Библии. В Евангелии от Иоанна (гл. 8, ст. 7) приводятся слова Иисуса. В этом эпизоде фарисеи приводят в Храм женщину, которая совершила измену. Согласно трактованию Ветхого Завета, грешницу необходимо забить камнями. Желая поймать

Иисуса на противоречии существующим законам, они спрашивают его, как им следует поступить. На что он отвечает ставшей знаменитой фразой: «Пусть тот, кто без греха, первым возьмёт камень и бросит в неё».

Каренин использовал такое выражение при ответе, потому что он хотел намекнуть на измену жены.

В трёх переводах на китайском языке переводчики использовали разные методы перевода. Чжоу Ян и Се Сутай добавили при переводе свою интерпретацию в двух строках, и упомянули источник этого предложения. Переводчик Цао Ин применил демистификацию. Образ «камня» он ассоциировал с китайской идиомой 落井下石 (послать камень вслед человеку, упавшему в колодезь), и заменил выражение «кто бросит камень?» этой идиомой. Эти переводы были сформированы на основе своей культурной ситуации. Но в обоих случаях они проявили свою культурно-национальную специфику. Ли Ган переводил методом непрямого переключения, сохранял только смысл, не учитывая все культурные элементы. Очевидно, что в таком случае образ Карениной не может быть в полной мере передан.

Непереводимость, принесённая культурой, называется «ловушкой перевода». В ходе взаимодействия культур, освоение всё больших культурных реалий является одной из главных задач в транснациональной коммуникации. Воспринимаемая информация связана с культурным контекстом деятельности человека и его опытом. Отношения между исходным и переводным текстами — это не только межъязыковые отношения, но и отношения между исходной и переводной культурами. Культура генерирует смыслы, которые должны транслироваться в переводе для обеспечения полноценной межкультурной коммуникации и расширения объёма познания действительности [Евтеев, 2014: 329].

В языке принимающей культуры благодаря переводу постоянно расширяется лексический и фразеологический фонд, именующий этнические реалии культуры исходного языка. Перевод фразеологизмов как компонентов непереводимости, представляющий собой типичные случаи межъязыковой асимметрии, несёт трудности переводчику. В связи с этим способы перевода фразеологизмов, включающие метод перевода с учётом смысла и формы, требуют анализа. Непереводимость фразеологизмов отражается в языке, который сформировался под влиянием исторического развития культуры его народа и общего восприятия окружающего мира носителями этой культуры.

Не все фразеологические единицы (ФЕ) имеют характер непереводимости. Существуют фразеологизмы, имеющие интернациональный характер, или похожие друг на друга. Путём замены на-

ционального образа осуществляется трансформация ФЕ. В данной статье под непереводаемостью ФЕ подразумевается непереводаемость ФЕ с специально-культурным образом, которые не имеют соответствия в ПО.

Рассмотрим пример в произведении А.Н. Островского: «Как женился я на вашей матери да взял вот этот домишко в приданое, так думал, что богаче да лучше меня и людей нет, **фертом ходил!**» (А. Островский. «Шутники»). Буква «ф» носила название «ферт». Народ подметил забавное сходство между рисунком этой буквы и осанкой подбоченившегося человека. Сначала слово «ферт» стало значить «руки в боки», «подбочась»; затем выражение «ходить фертом» приобрело и более общее значение. В переносном смысле оно означает: быть самодовольным щёголем, держаться с показным ухарством и молодечеством. В этом фразеологизме «ферт» является элементом непереводаемости, отражающий историческую и культурную специфику своей нации, принадлежащий только одному языку, одной языковой системе, и не имеющим аналогов в китайской системе. Поэтому переводчик должен применить определённый способ перевода для осуществления передачи смысла. Калькирование обычно используется в тех случаях, когда фразеологическим переводом нельзя передать в достаточно полной степени смысл и образ ФЕ. Главным его достоинством является сохранение национальной окраски ФЕ и её образности. Но приведённый выше пример выглядит более сложным. Трудно найти соответствующий образ в китайском языке. Переводчику придётся оставить образ и применить интерпретацию перевода, чтобы передать смысл выражения. «Фертом ходил» переведено дословно как «у меня руки в бока, поведение изменилось».

Интерпретация как стратегия перевода широко употребляется в случае непереводаемости фразеологизма. Фразеологизмы имеют богатое культурное содержание, поэтому путём стратегии интерпретации нельзя достигнуть полной оригинальной эквивалентности, зато смысл и намерение, выраженные в оригинале, открываются в нём при переводе интерпретации через аппликацию. Интерпретация осложняется при двуязычной коммуникации, когда между источником и рецептором появляется переводчик. Возникают четыре этапа интерпретации содержания: I — при его порождении источником; II — при его восприятии переводчиком; III — при его перевыражении переводчиком; IV — при восприятии адресатом. К содержанию на уровне интерпретатора относятся также некоторые аллюзии — фигуры стиля, представляющие собой намёки на известное историческое событие, литературные сюжеты, героев, пословицу [Алексеева, 2004: 137].

Не только языковые различия обуславливают неперебиваемость в процессе перевода, но и религиозно-культурные элементы, находящиеся в глубоком единении с аспектами языкового общения, связанные с идеями, верованиями и ценностями, являются наибольшей трудностью. Проанализируем выражение с национально-культурной спецификой в произведении «Детство» М. Горького: «Царские двери отворить надо...». По контексту мы узнали, что это высказывание бабушки героя Алеши связано с ситуацией трудных родов его тётки. Если это выражение будет дословно переведено на китайский язык, то появится нарушение связности между предложениями, читатели также не смогут понять смысл этого выражения. «Царские двери отворить надо...» – это российское народное поверье, имеющее религиозную импликацию. В двух переводах на китайский язык переводчики добавили комментарии, интерпретировав его культурное содержание: «Это народное поверье. Для облегчения трудных родов надо было просить священника открыть в церковь царские врата».

В целом интерпретация является одной из стратегий для преодоления неперебиваемости. Она в разных формах употребляется в практике перевода, например, как в приведённых выше случаях, интерпретировать слова, словосочетания или предложения в форме примечаний в тексте или сносок. Но интерпретация не является способом передачи абсолютной адекватности. «Абсолютно адекватное понимание текста невозможно, что и порождает как следствие бесконечное множество его истолкований. Текст содержит некое (вряд ли ограниченное) потенциальное множество смыслов, которые постигаются людьми, вносящими в эти смыслы своё собственное «Я», признаки собственной культуры» [Миронов, 2008: 13–27]. Согласно Х.Г. Гадамеру, перевод «удваивает герменевтический процесс разговора. <...> Он превращается в разговор переводчика со вторым участником и в наш собственный разговор с переводчиком» [Гадамер, 1988: 448]. Это удвоение навязывает переводчику одновременно две роли.

Помимо интерпретации содержания предложений, эстетика интерпретации также выступает как средство преодоления литературной неперебиваемости в художественном произведении. «Эстетические проблемы интерпретации должны стать объектом пристального изучения, подвергнуты практическому испытанию, стать общественным институтом по воспроизводству этических и эстетических преобразований необходимых человеку для его дальнейшего пребывания на Земле» [Кильдюшова, 2014: 220].

Литературность имеет характер неперебиваемости, являясь фокусом трансформации художественного перевода. Это связывается

с критерием эстетики разных наций. Поэтому передача эстетики в произведении часто зависит от способности переводчика строить пространственную координацию эстетики между оригиналом и переводом. Следуя герменевтике Гадамера, автор – это всего лишь первый интерпретатор. Поэтому переводчик не должен пытаться понять, что хотел сказать автор, а напрямую обратиться к смыслу произведения. Перро Д’Абланкур сформулировал переводческое кредо, определявшее его переводческую стратегию: «Средство достичь славы оригинала не в том, чтобы следовать ему шаг за шагом, а в том, чтобы отыскивать красоты в своём языке подобно тому, как автор оригинала отыскивал их в своём. Одним словом, следует смотреть не столько на то, что он сказал, как на то, что нужно сказать, и иметь в виду более его цель, нежели его слова» [Гарбовский, 2007: 127].

С целью анализа непереводаемости и разницы эстетики рассмотрим пример на материале перевода романа «Тревожный месяц вересень»:

<p>«Небо было в длинных белых полосах. Как будто и туда ветер донёс осеннюю паутину. Тёплое марево подхватило меня и понесло, словно течение. Сознание замутилось на миг – не так, как от хлороформа, а по-хорошему замутилось, по-лёгкому»</p>	<p>Перевод 1: 天空好像缠绕白色的长带子。风仿佛把秋天的游丝吹到了天上。热气像水流一样托着我前行。意识瞬间模糊，不像是麻醉剂的原因，而是一种轻松、美好的幻觉。</p>	<p>Перевод 2: ...天上，白云悠悠，一缕缕，一片片，仿佛秋风把游丝吹上了苍穹。天清，云淡。我摊开双臂，一股暖烘烘的热气，把我托了起来，像潮水一样，卷着我向前飘去。刹那间，我感到恍恍惚惚，但又不像闻到麻醉剂那样昏昏沉沉，而是一种甜滋滋的轻松感觉。</p>
---	---	---

Сравнивая перевод 1 с переводом 2, мы заметили, что перевод 1 выполнен дословно, поэтому не передаёт эстетику оригинала, а в переводе 2 полностью изменены структура предложений и лексические средства по сравнению с оригиналом. По целостному восприятию видно, что переводчик создал эстетику в языке перевода, добавив эстетические средства. Можно сказать, условия перевода превращают переводчика как средника в творца. «Каждый художник в своём творчестве, если оно значительно и серьёзно, – пишет Бахтин, – является как бы первым художником, ему непосредственно приходится занимать эстетическую позицию по отношению к внеэстетической действительности познания и поступка» [Бахтин, 1975: 36].

Эти макростратегии адаптации базируются на изменениях, связанных с пространственными координатами текстов оригинала и

перевода, изменяя стилистическую картину мира благодаря применению остранения от языка перевода. Впервые «остранение» как приём искусства был рассмотрен В. Шкловским: «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не узнавание; приёмом искусства является приём «остранения» вещей и приём затруднённой формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия» [Шкловский, 1990: 63].

В переводоведении «остранение» рассматривается как разновидность языковой игры, переводческая стратегия. Первоначально понятие остранения в переводе связывалось со стратегией форенизации. Данную стратегию, посредством которой переводчик «заставляет читателя воспринимать описываемый предмет в непривычном ракурсе, в новом свете, чтобы понять этот предмет лучше, чем у него получалось до сих пор» [Эко, 2006: 206]. Одновременно путём данного приёма переводчик может приблизить восприятие читателей переводного текста к реакции на этот же текст читателей оригинального текста. Однако последние исследования художественного перевода доказывают совместимость остранения как с вектором форенизации, так и с вектором доместикации. На основе вышеуказанных примеров мы тоже рассмотрели применение переводчиком комбинации стратегий форенизации, доместикации и остранения. Однако эти стратегии адаптации и остранения текста базируются на изменениях, связанных с пространственными координатами текстов оригинала и перевода, делают текст перевода поликодовым, поликультурным и порождают новые смыслы в процессе интерпретации переводчика. «Переводчик, по причине своего посреднического положения, пользуется преимуществом «избытка видения», которое позволяет ему возвыситься даже замаскированный под диалог монолог на уровень «подлинного» диалога «по последним вопросам». Эта трансгредивная (внеаходимая) позиция переводчика обеспечивает эстетическую объективацию вербализованного события бытия» [Бондарев. 2011: 8].

Следует отметить, что проблема перевода художественного произведения тесно связана с проблемой сохранения литературности или эстетики самого художественного произведения. Такие переводческие акты не достигают цели перевода, если использованные автором эстетические приёмы оказывают эмоциональное воздействие только на читателя оригинала, а переведённый текст не воздействует на иностранного читателя. Это означает трудность решения непереводаемости в процессе художественного перевода. Переводчик передаёт на переводном языке для читателей иноязычной культуры созданные автором в исходном тексте эстетические

эффекты, обеспечивая ассимиляцию промежуточной коммуникации и обогащая реципиента новыми знаниями. В этом случае переводчик выступает как промежуточное звено между автором и читателем текста в процессе перевода. Его задачей является декодирование компонентов непереводаемости оригинала, их понимание и интерпретация для получателей в другом языке и культуре. Одновременно переводчик выступает и как автор переводного текста, и создаёт новую эстетику, которая соответствует критерию мира получателей в переводной культуре. В связи с этим задачей переводчика является не только трансформация, но и создание эстетики по координации двуязычных текстов. «Основной задачей художественного перевода будет порождение произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие. Хороший перевод воспринимается читателем не как перевод, а почти как текст на родном языке» [Беркнер, 2003: 71].

Любая культура, любой язык не предполагают полной изоляции, а способствуют преодолению межкультурного различия и языковой непереводаемости, что потребует больше или меньше использовать переводные стратегии для разъяснений лингвокультурологических лагун и непереводаемости. Одновременно перевод как межъязыковое и межкультурное посредничество, ориентируется, с одной стороны, на оригинал, а с другой стороны, на получателей переводного текста на другом языке и в другой культуре. Идеальный перевод не только эквивалент оригиналу, но и обеспечивает в соответствии с ожиданиями автора исходного текста эстетическое воздействие на получателя перевода. Задачей переводчика является создание консонанса между оригинальным и переводным текстами. Но непереводаемость нарушает этот консонанс. Непереводаемость как языковой и культурный феномен несомненно существует межкультурной коммуникации, особенно в трансформации между неродными языками. Чтобы преодолеть непереводаемость, необходимо хорошо знать русскую культуру, русский народ, его национальные особенности, и соответственно применять не только вышеприведённые стратегии перевода, но и другие переводческие методы, такие как метод калькирования, описательный перевод, контекстуальный и выборочный перевод. Выбор стратегий зависит от конкретных ситуаций коммуникации и критериев перевода.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
- Alekseeva, I.S.* Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to translation studies]. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. 352 p. (in Russian).

- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Bahtin, M.M.* Voprosy literatury i ehstetiki [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Hudozhestvennaja literature, 1975. 504 p. (in Russian).
- Беркнер С.С., Вошина О.Е.* Проблема сохранения индивидуального стиля автора и стиля произведения в художественном переводе (на примере произведений С. Моэтома) // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003. № 1. С. 71–73.
- Berkner, S.S., Voshina, O.E.* Problema sohraneniya individual'nogo stilya avtorai stilya proizvedeniya v hudozhestvennom perevode (na primere proizvedenij S. Moehtoma) [The problem of preservation of individual style of the author and the style of the work in literary translation]. *Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhhkul'turnaja kommunikacija*, 2003. No 1. Pp. 71–73 (in Russian).
- Бондарев А.П.* Эстетика перевода: перевод и диалог в свете теории познания // Вестник МГЛУ. 2011. № 9. С. 7–14.
- Bondarev, A.P.* Estetika perevoda: perevod i dialog v svete teorii poznaniya [The aesthetics of translation: translation and dialogue in the light of epistemology]. *Vestnik MGLU*, 2011. No 9. Pp. 7–14 (in Russian).
- Бойко Б.Л.* Проблемы непереводаемости // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 3–15.
- Bojko B.L.* Problemy neperevodimosti [The problem of untranslatability]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 22, Teoriya perevoda*, 2010. No 1. Pp. 3–15 (in Russian).
- Букреева Л.Л.* Лингвостилистические основания адекватной передачи художественного образа в стихотворных переводах: Дисс. ... канд. филол. наук. 1998. 248 с.
- Bukreyeva, L.L.* Lingvostilicheskiye osnovaniya adekvatnoy peredachi khudozhestvennogo obraza v stikhotvornykh perevodakh [Formal grounds the appropriate transfer of the artistic image in a poetic translation]. Candidate's thesis filol. nauk, 1998. 248 p. (in Russian).
- Гадамер Г.Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
- Gadamer, G.G.* Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevтики [Truth and Method], Moscow: Progress, 1988. 700 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Перевод как художественное творчество // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 3. С. 4–16.
- Garbovskij, N.K.* Perevod kak hudojestvennoe tvorchestvo [Translation as artistic creation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22, Teoriya perevoda*, 2010. No 3. Pp. 4–16 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2007. 544 с.
- Garbovskij, N.K.* Teoriya perevoda [Theory of Translation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007. 544 p. (in Russian).
- Евтеев С.В.* Лингвокультурологическая модель перевода // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. 329–331 с.

- Evteyev, C.V.* Lingvokulturologicheskaya model perevoda [Lingvocultural model of translation]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014. No 2. Pp. 329–331 (in Russian).
- Кильдюшова Л.В.* Эстетика интерпретации как инструмент познания бытия личности в культуре // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Искусствоведение. 2014. № 2. С. 217–220.
- Kil'dyushova, L.V.* Estetika interpretatsii kak instrument poznaniya bytiya lichnosti v kul'ture [Aesthetics of interpretation as a tool of knowledge of being a person of culture]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossyskoy akademii nauk, Iskuststvovedeniye*, 2014. No 2. Pp. 217–220 (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. М. Воениздат. 1980. 237 с.
- Minyar-Beloruhev, R.K.* Obshchaya teoriya perevoda i ustnyi perevod [General Theory of Interpretation and Translation, and Interpretation], Moscow: Voensizdat, 1980. 237 p. (in Russian).
- Миронов В.В.* Интерпретация как выражение гуманитарной сущности философии // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2008. № 1. С. 13–27.
- Mironov, V.V.* Interpretatsiya kak vyrazheniye gumanitarnoy sushchnosti filosofii [Interpretation as an expression of humanitarian essence of the philosophy]. *Vestnik Moscovskogo universiteta. Ser. 22, Teoriya perevoda*, 2008. No 1. Pp. 13–27 (in Russian).
- Нестеренко О.В.* Феномен «Насильственного перевода» (На материале англоязычных переводов поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2. С. 5–11.
- Nesterenko O.V.* Fenomen «Nasilstvennogo perevoda» (Na materiale angloyazychnykh perevodov poemy N.V. Gogolya «Myortvye dushi») [The phenomenon of the forced transfer]. *Tekst. Kniga. Knigoizdaniye*. 2012. No 2. Pp. 5–11 (in Russian).
- Тимко Н.В.* К вопросу о передаче культурной специфики текста в переводе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Лингвистические вопросы перевода. 2010. № 1. 61–66 с.
- Timko, N.V.* K voprosu o peredache kul'turnoj spetsifiki teksta v perevode [Translating the culture-bound specifics of a text]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, Lingvisticheskiye voprosy perevoda*, 2010. No 1. Pp. 61–66 (in Russian).
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Издательский дом «Филология ТРИ», 1983. 303 с.
- Fedorov, A.V.* Osnovy obshchey teorii perevoda [Foundations of General translation theory]. Moscow: Izdatelsky dom «Filologiya TRI», 1983. 303 p. (in Russian).
- Шатков Г.В.* Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык: Дисс. ... канд. филол. наук. М. 1952, 245 с.
- Shatkov, G.V.* Perevod russkoy bezektivivalentnoy leksiki na norvezhskiy yazyk [Translation of Russian non-equivalent vocabulary in the Norwegian language]. Candidate's thesis filol. nauk. Moscow, 1952, 245 p. (in Russian).

Шкловский В.Б. Искусство как приём // Шкловский В.Б. Гамбургский счёт. М.: Советский писатель, 1990. С. 58–72.

Shklovsky, V.B. Iskusstvo kak priyem [Art as a method]. Shklovsky V.B. Gamburgsky schyot. Moscow: Sovetsky pisatel', 1990. Pp. 58–72 (in Russian).

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.

Eco, U. Skazat pochti to zhe samoye [Tosayalmost the same thing]. Opyty o perevode, Sint-Petersburg: Simpozium, 2006. 574 p.

Яковлева В.Д. «Клятва демона» М.Ю. Лермонтова в переводе А.Е. Кулаковского: особенности переводческих интерпретаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 20. С. 157–160.

Yakovleva, V.D. “Klyatva demona” M.Yu. Lermontova v perevode A.E. Kulakovskogo: osobennosti pererevodcheskikh interpretatsy [“The oath of the demon” by Mikhail Lermontov translated by A.E. Kulakovsky: features of translation of interpretations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012. No 20. Pp. 157–160 (in Russian).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Н.В. Соколова, кандидат филологических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; e-mail: ntlk0@mail.ru

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ПРИЗМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ

В статье рассматривается понятие «словосочетание» как синтагматический признак, типичный для того или иного функционального стиля. Результаты изучения обозначений министерств и министров Великобритании и США в виде словосочетаний на материале медиатекстов, справочно-информационных текстов, а также художественных произведений показали, что синтагматическая форма таких словосочетаний может меняться в зависимости от функционального стиля.

Ключевые слова: словосочетание, синтагматика, нестойкое сложное слово, функциональный стиль, медиатексты, справочные тексты, художественные произведения.

Natalia V. Sokolova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at Perm National Research Polytechnic University, Russia; e-mail: ntlk0@mail.ru

SYNTAGMATIC ASPECTS OF WORD COLLOCATIONS CONSIDERED FROM THE PERSPECTIVE OF FUNCTIONAL STYLES

This article deals with the concept of *word collocation* as a syntagmatic characteristic typical of various functional styles. The results of the author's analysis of designations of UK and US ministries and ministers functioning in the form of word collocations in media texts, reference texts, and fiction have revealed that the syntagmatic form of such word collocations can change depending on a particular functional style.

Key words: word collocation, syntagmatics, unstable compound, functional style, media texts, reference texts, fiction.

Вопросы синтагматики функциональных стилей были скрупулёзно изучены в работах представителей школы лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова [Маренкова, 1976; Тер-Минасова, 1980; Тер-Минасова, 1981; Alexandrova, Ter-Minasova, 1987]. Проблема соотношения типов синтагматических соединений и функциональных стилей имеет два аспекта: с одной стороны, определённые синтагматические сочетания типичны для конкретных функциональных стилей; с другой стороны,

функциональный стиль может быть выделен на основе синтагматики [Тер-Минасова, 1980].

Словосочетание при этом понимается как «соединение двух и более знаменательных основ» [Ахманова, 1969: 426], категоризация словосочетания построена на основе различения метасемиотического и семантического уровней с учётом следующих факторов:

1) реализуют ли сочетания элементов функцию воздействия или функцию сообщения;

2) коллигационной (морфо-синтаксической) и коллокационной (лексико-фразеологической) основы сочетания;

3) понятийной и социологической обусловленности словосочетаний, выделенной с учётом экстралингвистических факторов [Тер-Минасова, 1980, 1981].

Мы изучили синтагматические особенности обозначений министерств и министров Великобритании и США на материале медиатекстов, справочных текстов, а также художественных произведений. Что касается структуры синтагматических соединений, характерных для английского языка, то особый интерес для нас представляют следующие способы выражения атрибутивного отношения: синтаксические соединения типа «прилагательное + существительное», т.е. **собственно словосочетания** (здесь и далее жирный шрифт мой. — *Н.С.*); лексические соединения «существительное + существительное», или так называемые **«нестойкие сложные слова»** либо «конденсированные» атрибутивные словосочетания [Маренкова, 1976: 13]; словосочетания со смешанной синтагматикой [Тер-Минасова, 1986: 87; Смирницкий, 1998: 135; Маренкова, 1976: 4].

Здесь следует уделить отдельное внимание понятию «нестойкое сложное слово». Отличаясь прозрачностью и «конденсированностью» смысловой структуры, они могут рассматриваться как признак функционального стиля: с возрастанием в тексте роли функции сообщения увеличивается и количество нестойких сложных слов, которые также реализуют функцию сообщения в наиболее «конденсированной» форме [Тер-Минасова, 1980: 235; Тер-Минасова, 1986: 88].

Однако даже в рамках текстов с доминирующей функцией общения преобладающий синтагматический тип словосочетания может быть разным. Так, изучив синтагматические особенности научных текстов, Е.А. Маренкова пришла к выводу, что для теоретического текста более характерны собственно синтаксические соединения, а для технического — лексические, т.е. нестойкие сложные слова [Маренкова, 1976: 14].

Что касается медиатекстов, то в них — по причине своей способности реализовывать функцию сообщения в максимально сжатом виде — также преобладают нестойкие сложные слова. Для медиа-

текстов характерны в том числе и атрибутивные словосочетания смешанного типа, в которых прилагательное определяет нестойкое сложное слово в целом [Добросклонская, 2000: 100].

Очевиден тот факт, что медиатексты содержат большое количество словосочетаний, называющих объекты и явления из жизни определённого культурного сообщества, а отсюда неизбежен вывод о том, что важную роль в медиатекстах играет категория социолингвистической обусловленности словосочетания. Согласно взглядам Т.Г. Добросклонской, такие сочетания обладают свойством «**культуроспецифичности**», т.е. обозначают предметы и явления, специфичные именно для данной культуры, а значит требующие наличия у реципиента фонового знания для их понимания. На этой основе Т.Г. Добросклонская выделяет категорию культуроспецифичности, которая близка к категории социолингвистической обусловленности: она также основывается на соотносённости словосочетания с фактами из жизни определённого лингвокультурного коллектива [Добросклонская, 2000: 114–116], однако термин «культуроспецифичность» определённо наилучшим образом подчёркивает доминирование роли культуры в становлении общества.

Культуроспецифичными являются также и обозначения министерств и министров Великобритании и США. Проведённый нами анализ справочно-информационных и примарно-когнитивных медиатекстов с доминирующей функцией сообщения показал, что для обозначения одного и того же министерства Великобритании или США или одной и той же должности министра этих стран существует несколько культуроспецифичных обозначающих, которые могут использоваться в виде сочетаний со смешанной синтагматикой, словосочетаний синтаксического типа (собственно словосочетаний), а также словосочетаний лексического типа (нестойких сложных слов) в зависимости от типа текста, что, в свою очередь, также может трактоваться как синтагматический признак определённого типа текста.

В нижеследующей таблице (с. 76–78) представлены культуроспецифичные обозначения министерств и министров Великобритании и США, преимущественно используемые в справочно-информационных текстах и примарно-когнитивных медиатекстах соответственно согласно данным проведённого нами анализа.

Доминирующая функция справочно-информационных текстов и примарно-когнитивных медиатекстов одна – это функция сообщения, однако Таблица 1 наглядно демонстрирует тот факт, что для справочно-информационных текстов более характерны словосочетания со смешанной синтагматикой, например, *BrE Secretary of State for Transport* – *министр транспорта Великобритании*, в то

Обозначения министерств и министров Великобритании		Обозначения министерств и министров США		
	справочно-информационные	первично-когнитивные медиатексты	справочно-информационные	первично-когнитивные медиатексты
Министерство	Foreign and Commonwealth Office министерство иностранных дел и по делам Содружества (здесь и далее в таблице перевод мой. – Н.С.)	<i>Foreign Office</i> (здесь и далее курсив мой. – Н.С.), Foreign and Commonwealth Office дел, министерство иностранных дел и по делам Содружества	Department of State государственный департамент	<i>State Department</i> , Department of State государственный департамент
Министр	Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs министр иностранных дел и по делам Содружества	<i>Foreign Secretary</i> министр иностранных дел	Secretary of State государственный секретарь	<i>State Secretary</i> , Secretary of State Государственный секретарь
Министр	Home Office министерство внутренних дел	Home Office министерство внутренних дел	Department of Homeland Security Министерство национальной (внутренней) безопасности	<i>Homeland Security Department</i> , Department of Homeland Security Министерство национальной (внутренней) безопасности
Министр	Secretary of State for the Home Department министр внутренних дел	Home Secretary министр внутренних дел	Secretary of Homeland Security министр национальной безопасности	<i>Homeland Security Secretary</i> , Secretary of Homeland Security министр национальной (внутренней) безопасности

Обозначения министерств и министров Великобритании		Обозначения министерств и министров США	
справочно-информационные	первично-когнитивные медиатексты	справочно-информационные	первично-когнитивные медиатексты
Министерство	Ministry of Defence министерство обороны	Department of Defense министерство обороны	<i>Defense Department</i> , Department of Defense министерство обороны
Министр	Secretary of State for Defence министр обороны	<i>Defence Secretary</i> министр обороны	<i>Defence Secretary</i> , Secretary of Defense министр обороны
Министерство	Department for Transport министерство транспорта	<i>Transport Department</i> министерство транспорта	<i>Transportation Department</i> , Department of Transportation министерство транспорта
Министр	Secretary of State for Transport министр транспорта	<i>Transport Secretary</i> министр транспорта	<i>Transportation Secretary</i> , Secretary of Transportation министр транспорта
Министерство	Department of Health министерство здравоохранения	<i>Health Department</i> министерство здравоохранения	<i>Health and Human Services Department</i> , Department of Health and Human Services министерство здравоохранения и социальных служб

Окончание табл. 1

	Обозначения министерств и министров Великобритании		Обозначения министерств и министров США	
	справочно-информационные	примарно-когнитивные медиатексты	справочно-информационные	примарно-когнитивные медиатексты
Министерство	HM Treasury министерство финансов	<i>Treasury Department, Treasurer, Exchequer</i> министерство финансов	Department of Treasury министерство финансов	<i>Treasury Department</i> , Department of Treasury министерство финансов
Министр	Chancellor of the Exchequer министр финансов	<i>Chancellor</i> министр финансов	Secretary of the Treasury министр финансов	<i>Treasury Secretary</i> , Secretary of the Treasury министр финансов

время как для примарно-когнитивных медиатекстов типичен переход к более конденсированной форме словосочетания: курсивом в таблице выделены обозначения министерств и министров Великобритании и США в виде собственно словосочетаний и – что крайне важно – нестойких сложных слов, типичных для примарно-когнитивных медиатекстов, например, *BrE Transport Secretary* – *министр транспорта Великобритании*.

Заметим, что это не исключает возможности употребления предложных сочетаний в примарно-когнитивных медиатекстах: речь идёт только о преобладающей тенденции использования нестойких сложных слов в этом типе текстов. Это также подтверждается данными анализа употребления обозначений министров и министерств США, представленными в третьем и четвёртом столбцах таблицы 1.

Приведём ряд примеров использования обозначений министерств и министров Великобритании и США в справочно-информационных текстах, а также примарно-когнитивных медиатекстах¹.

Далее следуют два примера с культуроспецифичными обозначениями министра и министерства обороны Великобритании, синтагматика которых типична для справочно-информационных текстов:

The *Secretary of State for Defence* (здесь и далее курсив мой. – *H.C.*) is the cabinet minister charged with making defence policy and providing the means by which it is conducted [UK 2005, 2005: 98]. – *Министр обороны* является членом кабинета министров, определяющим оборонную политику, а также обеспечивающим средства её реализации (перевод мой. – *H.C.*).

The Veterans Agency is part of the *Ministry of Defence (MoD)* [UK 2005, 2005: 98]. – Агентство по делам ветеранов входит в состав *министерства обороны* (перевод мой. – *H.C.*).

Отметим, что обозначение министерства обороны Великобритании также сопровождается культуроспецифичной аббревиатурой *MoD*.

В следующей выдержке из примарно-когнитивного медиатекста – статьи газеты *Independent* – присутствует обозначение министра обороны Великобритании уже в виде нестойкого сложного слова *Defence Secretary*:

Defence secretary Michael Fallon said, “We will keep a close eye on the Admiral Kuznetsov..” [Mitchell, 2017]. – *Министр обороны Вели-*

¹ Особенности перевода таких словосочетаний на русский язык рассмотрены в следующей статье: Соколова Н.В. Перевод лексико-семантических аналогов британского и американского вариантов английского языка: функционально-стилистический и транслатологический аспекты / Н.В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64), ч. 2. С. 152–154.

кобритании Майкл Фэллон заявил: «Мы будем пристально следить за «Адмиралом Кузнецовым»...» (перевод InoPressa.ru) [Митчелл, 2017].

Что касается культуроспецифичного обозначения министерства обороны Великобритании в виде of-phrase – *Ministry of Defence* (*MoD*), то оно используется и в медиатекстах, наряду с аббревиатурой, что говорит о доминирующей роли категории культуроспецифичности по отношению к функциональному стилю:

MoD deems that disused Brompton Road Tube station is no longer an operational necessity [Пеck, 2013]. – *Министерство обороны Великобритании* решило избавиться от законсервированной станции метро «Бромптон-Роуд» (перевод InoPressa.ru) [Пек, 2013].

Здесь следует отметить, что для обозначения министерств и министров обороны *других стран в примарно-когнитивных медиатекстах британских и американских СМИ* могут использоваться нестойкие сложные слова – *BrE Defence Ministry, AmE Defense Ministry* и *BrE Defence Minister, AmE Defense Minister*. Они не являются культуроспецифичными, а в оригинале сопровождаются указанием на страну (часто в форме прилагательного или существительного в притяжательном падеже), что мы и наблюдаем в примере, взятом из британского издания *The Times*:

Russia's defence ministry said that the Mi-8 helicopter and its crew were returning to the air base in Latakia after delivering humanitarian aid to the city of Aleppo, a claim that was met with some criticism [Philp, Parfitt, Coghlan, 2016]. – *Российское министерство обороны* заявило, что вертолёт Ми-8 с экипажем возвращался на авиабазу в Латакии, доставив гуманитарную помощь в город Алеппо. Эти заявления были восприняты с долей скепсиса (перевод InoPressa.ru) [Филп, Парфитт, Коглэн, 2016].

В следующей выдержке из американского издания *The New York Times* используется нестойкое сложное слово *AmE Defense Minister* с указанием на страну Германию:

The announcement of the plan also comes against the backdrop of a wider public debate over the use of drones, after *Germany's Defense Ministry* decided to halt a major project to build its own military drone [Eddy, 2013]. – Сообщение об этих планах поступило на фоне более широкого общественного обсуждения использования беспилотников после того, как *министерство обороны Германии* решило приостановить масштабный проект по созданию собственного военного беспилотника (перевод InoPressa.ru) [Эдди, 2013].

Аналогичный переход от словосочетаний of-phrase в справочно-информационных текстах к нестойким сложным словам в примарно-когнитивных медиатекстах мы наблюдаем и в случае с обозначениями американских министерств и министров, например,

обороны: *Department of Defense* [World Almanac, 2002] – *Defense Department* [Schmitt, 2012]; *Secretary of Defense* [World Almanac, 2002] – *Defense Secretary* [Schmitt, 2012].

Функционально-стилистически обусловленные синтагматические расхождения сочетаний of-phrase типа *Secretary of Defense* и нестойких сложных слов, к примеру, *Defense Secretary* в справочно-информационных и примарно-когнитивных медиатекстах соответственно не находят отражения при переводе ввиду синтагматических особенностей русского языка.

Примечательно, что для обозначения министров и министерств других стран в английском языке используются преимущественно синтагматические соединения типа «прилагательное + существительное», которые не являются культуроспецифичными и требуют указания на страну. Далее представлен перечень таких обозначений²: *Foreign Ministry* – министерство обороны, *Foreign Minister* – министр обороны; *Interior Ministry* – министерство внутренних дел, *Interior Minister* – министр внутренних дел; *Defense Ministry* – министерство обороны, *Defense Minister* – министр обороны и т.д.

Категория культуроспецифичности значима и при переводе с русского языка на английский³: министерство иностранных дел Великобритании, к примеру, переводится с помощью культуроспецифичного словосочетания *Foreign Office*, а министерство иностранных дел России – с помощью словосочетания *Russian Foreign Ministry* и т.д. Если не учитывать влияние этой категории, переводческие ошибки неизбежны.

Доминирующая функция художественных текстов – функция воздействия. В художественных произведениях обозначения министерств, министров Великобритании, США, а также других стран могут вводиться для создания местного колорита, а это значит, что они несут не столько когнитивную, сколько эстетическую информацию. И то, в какой синтагматической форме будет использоваться словосочетание, определяется лишь функцией воздействия, заложенной автором.

Так, в следующей выдержке – перечне действующих лиц романа Ф. Форсайта «Посредник» – мы наблюдаем официальные обозначения министров и министерств Великобритании и США в виде

² Для сравнения с культуроспецифичными обозначениями министерств и министров Великобритании и США смотрите таблицу 1.

³ Роль категории культуроспецифичности при переводе таких словосочетаний с английского языка на русский рассмотрена в следующей статье: Соколова Н.В. Социолингвистическая обусловленность как транслатологически значимый фактор / Н.В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67), ч. 2. С. 181–184.

of-phrase, а также нестойкого сложного слова, что объясняется намерением автора представить героев своего произведения:

CAST LIST

The Americans

James Donaldson, Secretary of State

Morton Stannard, Secretary of Defense

The British

Sir Harry Marriott, Home Secretary [Forsyth, 1990: 7–8]. –

Действующие лица

США

Джеймс Доналдсон – государственный секретарь

Мортон Станнард – министр обороны

Великобритания

Сэр Гарри Марриот – министр внутренних дел (*перевод с англ. И.Г. Русецкого, С.Л. Сухарева*) [Форсайт, 1992: 6].

Для создания местного колорита автор использует и обозначения министерств и министров других стран, к примеру, *Interior Ministry* для указания на министерство внутренних дел СССР, наряду с аббревиатурой *MVD*:

Drawn up in front of the podium was an honour guard of the Militia, the civil police from *the Interior Ministry, the MVD* [Forsyth, 1990: 23]. – Под прямым углом к помосту разместились почётные караулы, в которых стояли милиционеры, относящиеся к ведомству *МВД* (*перевод с англ. И.Г. Русецкого, С.Л. Сухарева*) [Форсайт, 1992: 17].

Таким образом, доминирующая функция текста является определяющей в отношении того, какая синтагматическая форма словосочетания используется для обозначения министерств и министров Великобритании и США: для англоязычных примарно-когнитивных медиатекстов с функцией сообщения типично преобладание культуроспецифичных обозначений министерств и министров Великобритании и США в виде нестойких сложных слов и собственно словосочетаний в противовес словосочетаниям со смешанной синтагматикой, используемым в справочно-информационных текстах. Что касается художественных текстов, то здесь могут использоваться самые различные синтагматические формы обозначений министерств и министров Великобритании и США в зависимости от функции воздействия, определяемой автором художественного произведения.

Список литературы

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. Изд. второе, стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

- Ahmanova, O.S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov [The glossary of linguistic terms]. O.S. Ahmanova. Izd. vtoroje, stereotip. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya, 1969. 608 p. (in Russian).
- Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиа текстов: Опыт исследования современной английской медиа речи / Т.Г. Добросклонская. М.: МАКС Пресс, 2000. 228 с.
- Dobrosklonskaja, T.G.* Voprosy izuchenija media tekstov: Opyt issledovanija sovremennoj anglijskoj media rechi [The issues of analyzing media texts: The study of the contemporary English media speech]. T.G. Dobrosklonsaja. Moscow: MAKS Press, 2000. 228 p. (in Russian).
- Маренкова Е.А.* Синтагматическая конденсация речевых последовательностей в научном тексте (на материале современного английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1976. 17 с.
- Dobrosklonskaja, T.G.* Voprosy izuchenija media tekstov: Opyt issledovanija sovremennoj anglijskoj media rechi [The issues of analyzing media texts: The study of the contemporary English media speech]. T.G. Dobrosklonsaja. Moscow: MAKS Press, 2000. 228 p. (in Russian).
- Митчелл Б.* Российский авианосец «Адмирал Кузнецов» проходит Ла-Манш [Электронный ресурс] / Б. Митчелл // InoPressa. 2017. 26 января. URL: <https://www.inopressa.ru/article/26Jan2017/independent/kuznetsov.html> (дата обращения: 07.07.2017).
- Mitchell, B.* Rossijskij avianosec "Admiral Kuznetsov" prohodit La-Mansh [Russian aircraft carrier Admiral Kuznetsov travels through English Channel]. B. Mitchell. InoPressa. 2017.26 yanvarya. Available at: <https://www.inopressa.ru/article/26Jan2017/independent/kuznetsov.html> (July 07.2017) (in Russian).
- Пек Т.* В Лондоне продаётся просторный бункер военных времён, транспортная доступность отличная [Электронный ресурс] / Т. Пек // InoPressa. 2013. 31 июля. URL: <https://www.inopressa.ru/search?search=%22%EC%E8%ED%E8%F1%F2%E5%F0%F1%F2%E2%EE+%EE%E1%EE%F0%EE%ED%FB+%C2%E5%EB%E8%EA%EE%E1%F0%E8%F2%E0%ED%E8%E8%22&x=0&y=0> (дата обращения: 07.07.2017).
- Peck, T.* V Londone prodajotsja prostornyj bunker voennykh vremjon, transportnaja dostupnost' otlichnaja [For sale: Spacious wartime bunker, good transport links]. T. Peck. InoPressa. 2013.31ijulja. Available at: <https://www.inopressa.ru/search?search=%22%EC%E8%ED%E8%F1%F2%E5%F0%F1%F2%E2%EE+%EE%E1%EE%F0%EE%ED%FB+%C2%E5%EB%E8%EA%EE%E1%F0%E8%F2%E0%ED%E8%E8%22&x=0&y=0> (July 07.2017) (in Russian).
- Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 260 с.
- Dobrosklonskaja, T.G.* Voprosy izuchenija media tekstov: Opyt issledovanija sovremennoj anglijskoj media rechi [The issues of analyzing media texts: The study of the contemporary English media speech]. T.G. Dobrosklonsaja. Moscow: MAKS Press, 2000. 228 p. (in Russian).
- Соколова Н.В.* Перевод лексико-семантических аналогов британского и американского вариантов английского языка: функционально-стили-

- стический и транслатологический аспекты / Н.В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64), ч. 2. С. 152–154.
- Sokolova, N.V.* Perevod leksiko-semantičeskikh analogov britanskogo i amerikanskogo variantov anglijskogo jazyka: funkcional'no-stilističeskij i translatoLOGičeskij aspekty [Translation of lexical-semantic analogues of British and American English: Functional-stylistic and translational aspects]. N.V. Sokolova. Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2016. No. 10 (64), part 2. Pp. 152–154 (in Russian).
- Соколова Н.В.* Социолингвистическая обусловленность как транслатологически значимый фактор / Н. В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67), ч. 2. С. 181–184.
- Sokolova, N.V.* Perevod leksiko-semantičeskikh analogov britanskogo i amerikanskogo variantov anglijskogo jazyka: funkcional'no-stilističeskij i translatoLOGičeskij aspekty [Translation of lexical-semantic analogues of British and American English: Functional-stylistic and translational aspects]. N.V. Sokolova. Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2016. No. 10 (64), part 2. Pp. 152–154 (in Russian).
- Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика функциональных стилей (на материале современного английского языка): Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / С.Г. Тер-Минасова. М., 1980. 328 с.
- Ter-Minasova, S.G.* Sintagmatika funkcional'nykh stilej (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka) [The syntagmatics of functional styles (based on the modern English language)]. Dissertation of the doctor of philological sciences: 10.02.04. Moscow, 1980. 328 p. (in Russian).
- Тер-Минасова С.Г.* Слово сочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах: Учеб. пособие для пед. ин-тов и филол. фак-тов ун-тов / С.Г. Тер-Минасова. М.: Высш. шк., 1981. 144 с.
- Ter-Minasova, S.G.* Slovosochetanie v nauchno-lingvističeskom i didaktičeskom aspektakh: Učeb. posobie dlja ped. in-tov i filol. fak-tov un-tov [The word collocation from the linguistic and didactical perspective: Textbook for pedagogical colleges and philological departments of universities]. S.G. Ter-Minasova. Moscow: Vyssh. shk., 1981. 144 p.
- Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков / С.Г. Тер-Минасова. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 152 с.
- Ter-Minasova, S.G.* Sintagmatika funkcional'nykh stilej i optimizacija prepodavanija inostrannykh jazykov [The syntagmatics of functional styles and optimization of teaching foreign languages]. S.G. Ter-Minasova. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1986. 152 p. (in Russian).
- Филп К., Парфитт Т., Коглэн Т.* Россия несет крупнейшие потери за время сирийской войны [Электронный ресурс] / К. Филп, Т. Парфитт, Т. Коглэн // InoPressa. 2016. 2 августа. URL: <https://www.inopressa.ru/article/02Aug2016/times/syria3.html> (дата обращения: 10.07.2017).
- Philp, C., Parfitt, T., Coghlan, T.* Rossija neset krupnejšie poteri za vremja sirijskoj vojny [Russia suffers its biggest loss of life in Syrian war]. C. Philp, T. Parfitt, T. Coghlan. The Times. 2016. 2 avgusta. Available at: <https://www>

- thetimes.co.uk/article/russia-suffers-its-biggest-loss-of-life-in-syrian-war-qp2dwr7bs (July 07.2017) (in Russian).
- Форсайт Ф.* Посредник: Роман / Пер. с англ. И.Г. Русецкого, С.Л. Сухарева / Сост. и послесл. С.И. Бэлзы. М. Прогресс, 1992. С. 3–456.
- Forsajt, F.* Posrednik. Moscow: Progress, 1992. Pp. 3–456. (in Russian).
- Эдди М.* Немцы выступают против использования беспилотников для борьбы с граффити [Электронный ресурс] / М. Эдди // InoPressa. 2013. 28 мая. URL: <https://www.inopressa.ru/article/29May2013/nytimes/graffiti.html> (дата обращения 11.07.2017).
- Eddy, M.* Nemcy vystupajut protiv ispol'zovanija bespilotnikov dlja bor'by s graffiti [Some Germans balk at plan to use drones to fight graffiti]. M. Eddy. InoPressa. 2013. 28 maja. Available at: <https://www.inopressa.ru/article/29May2013/nytimes/graffiti.html> (July 11.2017). (in Russian).
- Alexandrova, O., Ter-Minasova, S.* English syntax (Collocation, colligation and discourse). O. Alexandrova, S. Ter-Minasova. Moscow: Izd-vo MGU, 1987. 188 p.
- Eddy, M.* Some Germans balk at plan to use drones to fight graffiti. M. Eddy. The New York Times. 2013. 28 maja. Available at: http://www.nytimes.com/2013/05/29/world/europe/in-germany-unease-at-plan-to-use-drones-to-fight-graffiti.html?ref=world&_r=0 (July 11.2017).
- Forsyth, F.* The Negotiator / F. Forsyth. London: Corgi Books, 1990. 510 p.
- Philp, C., Parfitt, T., Coghlan, T.* Russia suffers its biggest loss of life in Syrian war. C. Philp, T. Parfitt, T. Coghlan. The Times. 2016. 2 avgusta. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/russia-suffers-its-biggest-loss-of-life-in-syrian-war-qp2dwr7bs> (July 10.2017).
- Mitchell, B.* Russian aircraft carrier Admiral Kuznetsov travels through English Channel. B. Mitchell. Independent. 2017. 25 janvarja. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/russian-aircraft-carrier-english-channel-admiral-kuznetsov-travels-back-russia-navy-nato-vladimir-a7545826.html> (July 07. 2017).
- Peck, T.* For sale: Spacious wartime bunker, good transport links. T. Peck. Independent. 2013. 30 ijulja. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/for-sale-spacious-wartime-bunker-good-transport-links-8738572.html> (July 07.2017).
- UK 2005.* The official yearbook of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. London, 2005. 529 p. Available at: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20151014074347/http://www.ons.gov.uk/ons/rel/social-trends-rd/the-official-yearbook-of-the-united-kingdom/2005-edition/index.html> (July 07.2017).
- Schmitt, E.* Defense department plans new intelligence gathering service. E. Schmitt. The New York Times. 2012. 23 aprelja. Available at: <http://www.nytimes.com/2012/04/24/world/asia/defense-department-plans-new-spy-service.html> (July 10.2017).
- World Almanac and Book of Facts 2002, the.* // William A. McGeeveran Jr., ed. New York: World Almanac Books, 2002. 888 p.

С.М. Юсупова, кандидат филологических наук, Грозненский государственный нефтяной технический университет, Грозный; e-mail: mase2003@mail.ru

ЦЕННОСТЬ СВОБОДЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматривается ценность свободы во фразеологии английского, немецкого и русского языков, проводится семантический, корпусный анализ. Ценности являются значимой категорией в разных языках и культурах, регулирующей восприятие человеком окружающей действительности, поведение в обществе. Исследование ценности свободы на материале идиом позволяет раскрыть способы концептуализации данного понятия в разных языках, определить роль и влияние культур на специфику семантического поля «политические ценности», выявить особенности семантики идиом. В статье проводится анализ идиом, репрезентирующих свободу слова и выбора. Свобода слова представлена как возможность открыто высказывать своё мнение, а также как призыв к справедливости. Это отражено во внутренней форме и в лексическом составе идиом. Корпусный подход показал, что под влиянием внутренней формы синонимичные идиомы в контекстах обнаруживают значимые различия; выявляется регулярная сочетаемость с теми или иными лексемами, многие идиомы также приобретают дополнительные значения. Свобода выбора нашла отражение в языковых выражениях, описывающих реформы, политику, направленную на поддержку страны, проявление патриотизма.

Ключевые слова: ценность свободы, идиомы, когнитивный, семантический, корпусный анализ.

Seda M. Yusupova, Cand. Sc. (Philology), Grozny State Oil Technical University, Russia; e-mail: mase2003@mail.ru

THE VALUE OF FREEDOM IN PHRASEOLOGY

The article considers the value of freedom in phraseology of the English, German and Russian languages, as well as deals with the semantic and corpus analysis. Values are a significant category in languages and cultures regulating a person's perception of the surrounding reality and social behavior. Research into the value of freedom through analyzing idioms makes it possible to reveal the ways of conceptualization of this notion in different languages, to define the role and influence of cultures on the specificity of the semantic field "political values," as well as to find peculiarities of idioms' semantics. The article is an analysis of idioms representing the freedom of speech and choice. The freedom of speech is shown as an opportunity to openly express one's opinions as well as an appeal to fairness. It is reflected in the inner form and in the lexical structure of idioms. The corpus approach has shown that under the influence of the inner form synonymous idioms turn out to be significantly different to one another in various contexts; regular compatibility with different lexemes is revealed, many idioms also acquire additional meanings. The freedom of choice is reflected in expressions describing reforms, manifestations of patriotism and policies aimed at supporting the country.

Key words: the value of freedom, idioms, cognitive, semantic, corpus analysis.

Ценности определяются как значимость, а политические ценности как представления о значимости тех или иных явлений политической жизни.

Статья посвящена изучению семантики английских, немецких и русских идиом, репрезентирующих «политические ценности». Актуальность изучения политических ценностей в идиоматике обусловлена тем, что ценности являются универсальным значимым звеном разных культур и обществ. Изучение политических ценностей на материале идиом позволит выявить сходства и различия в их семантике, характерные особенности разных политических культур, роль ценностей в конструировании демократических институтов.

Политическая культура отражает политическую организацию стран, политические ценности, социальные и исторические факты, определившие характер её становления. К базовым политическим ценностям относятся: свобода, справедливость, равенство, права человека, совесть, демократия, толерантность, патриотизм и т.д. [Крайтерман, 2007].

В данной работе будет рассмотрена ценность свободы слова и выбора во фразеологии английского, немецкого и русского языков. Концепт свобода анализируется в контексте политических ценностей.

Материалом исследования послужили идиомы, а также контексты их употребления, собранные из Британского национального корпуса, Корпуса института немецкого языка в Мангейме, а также Национального корпуса русского языка.

Методы исследования — сопоставительный, семантический, когнитивный, корпусный анализы.

Исследование семантики идиом, а также современных контекстов их употребления раскрывает специфику западных политических культур, выявляет сходства и различия в концептуализации ценностей. Анализ словарных толкований идиом позволил составить их идеографическую классификацию, включившую такие таксоны, как: свобода (слова), ограничение (свободы), закон (нарушение закона), совесть и мораль, право на что-то, ценность долга, обязательств, конфликт, оправдание, правила, нормы, наказание, поведение (хорошее, плохое), доверие, несправедливость, партии.

Свобода как возможность проявления своей воли в тех или иных ситуациях, высокая степень осознанности человека, является многогранным понятием. Одним из элементов свободы в праве выступает способность открыто выражать своё мнение в соответствии с правовыми нормами и законом.

Изучение контекстов также позволило сопоставить соответствие семантики идиом и концептуального наполнения понятия свободы слова и выбора. Корпусный анализ выявил специфику функционирования идиом в современных контекстах, частоту употребительности идиом, семантические особенности, не зафиксированные в словарях. Так, в следующих примерах представлены идиомы, обозначающие свободу слова – право на свободное выражение мысли.

Свобода слова

1. *kein Blatt vor den Mund nehmen* – «открыто высказывать мнение». Фрейм ‘не прикрывать рот листом’ и фрейм ‘открыто выражать мнение’ имеют общий слот «отсутствие помехи, преграды». Было найдено 334 контекста употребления, имеет значение «не бояться, не сдерживать, не скрывать мнение, а открыто заявлять о нём».

a. „Ja, ich bewundere alle selbständigen Denker, die *kein Blatt vor den Mund nehmen*... (подчёркнуто мной, курсив мой. – С.М.) (Weltwoche, 08.05.2014) [IDS]. «Да, я восхищаюсь всеми самостоятельными мыслителями, которые *открыто высказывают своё мнение*» (Перевод мой. – С.М., последующие переводы мои. – С.М.).

b. Jörg Haider hat Österreich nachhaltig beeinflusst und war einer jener wenigen Politiker, die sich *kein Blatt vor den Mund nehmen* (Niederösterreichische Nachrichten, 13.10.2008) [IDS]. Йорг Хайдер постоянно оказывал влияние на Австрию и был одним из немногих политиков, *которые открыто выражают своё мнение*.

2. *Farbe bekennen* (букв. «показывать цвет») – «открыто высказывать своё мнение», 7 тысяч 319 контекстов, «открыто излагать свое отношение, видение ситуации, проблемы». Этимология идиомы восходит к карточным играм «ходить в масть, раскрыть свои карты».

Spätestens bei der Debatte um die nächste Armee reform werden auch jene *Farbe bekennen* müssen (Neue Zürcher Zeitung, 19.05.2014) [IDS]. Позднее в дискуссии о следующей армейской реформе каждый также должен будет *открыто изложить своё видение*.

3. *mit jmdm. Fraktur reden* – «высказывать мнение», 51 контекст употребления, кому-то чётко, ясно, неприкрашено выражать свою позицию, мнение. Фрактура – вид готического шрифта, считалась показателем серьёзности и основательности, говорить с кем-либо посредством фрактуры ассоциируется с ясностью и прямоотой.

Bis zum 28. März...will er mit den Stiftern *Fraktur reden* (FOCUS, 12.03.2001) [IDS]. До 28 марта... он хочет *высказать своё мнение* учредителю.

4. *jmdm. den / einen Maulkorb anlegen / verpassen* (букв. «надеть намордник») – «мешать кому-либо высказывать мнение». С компонентом *verpassen* было найдено 272 контекста, с *anlegen* 84.

a. Der Nationalrat will den ausserparlamentarischen Kommissionen *einen Maulkorb verpassen* (Neue Zürcher Zeitung, 03.06.2014) [IDS]. Национальный совет хочет *помешать* непарламентским комиссиям *высказывать свою точку зрения*.

b. Straathof wollte uns *einen Maulkorb verpassen*. Für unsere Zeitung war klar: Das kommt nicht in Frage! (Nordkurier, 08.05.2013) [IDS]. Штратхоф хотел *помешать* нам *выражать наше мнение*. Для нашей газеты было очевидно: об этом не может быть и речи!

Таким образом, контексты идиом акцентируют право на высказывание мнения, образы прозрачны, специфика образов близких по значению идиом в свою очередь отражается на актуальном значении в контекстах.

В образных основах и актуальном значении следующих идиом запечатлелась ценность призыва к свободе и справедливости.

Zum Himmel schreien – «по степени несправедливости вызывать негодование». В контекстах субъектами выступают различные понятия (нужда, несправедливость, низкая зарплата), которые вызывают к справедливости и норме.

Armut und Elend würden aus allen Ritzen kriechen, die Kultur verdämmern, die Infrastruktur endgültig verfallen, die soziale Not zum Himmel schreien (Mannheimer Morgen, 04.09.2008) [IDS]. Бедность и нищета выползли бы изо всех щелей, затенив культуру, окончательно разрушив инфраструктуру, с социальной нуждой, *вопиющей к небу*.

Wieder frei atmen können – «не чувствовать себя угнетённым, вздохнуть с облегчением». В контекстах встречается с неодушевлёнными понятиями в роле субъекта действия, например, музыка, тем самым образуя метафору.

...die Musik kann *wieder frei atmen* – das Publikum strahlt (Weltwoche, 08.08.2013) [IDS]. Музыка может снова *возродиться* – публика в восторге.

Русская идиома *вздохнуть свободно* – «испытать, почувствовать облегчение, освободившись от забот, обязанностей», 54 контекста. В приведённом контексте речь идёт о свободе в связи с системой контроля места проживания.

Надеюсь, когда-нибудь прописку отменят и тогда я смогу *вздохнуть свободно* [НКРЯ].

Английская идиома *have your say* – «высказывать своё мнение о чём-либо», во внутренней форме отображается возможность словесного высказывания, 35 контекстов употребления.

We have a lot of people voting. You have about three minutes *to have your say* in tonight's live votes (SPOK: FOX ON THE RECORD WITH GRETA VAN SUSTEREN 10:00 PM EST, 2008) [BNC]. У нас есть много голосующих людей. У вас есть приблизительно три минуты, чтобы *высказаться* в сегодняшних живых голосах.

...it's going to be cool to actually be able to be involved with the next election and *have your say* (SPOK: NPR_ATC, 2007) [BNC]. Будет здорово на самом деле быть в состоянии принять участие в следующих выборах и *высказаться*.

Свобода слова – «право граждан свободно выражать мысли, убеждения в устной и письменной форме».

Распространение современных информационных технологий, которому мы будем всячески содействовать, даёт беспрецедентные возможности для реализации таких фундаментальных политических свобод, как *свобода слова* и собраний (Россия, вперёд! 2009) [НКРЯ].

Во всех идиомах прослеживается метафорическая модель «свобода слова – открытость». Актуальное значение также вытекает из лексического состава, связанного с речевой деятельностью.

Свобода выбора, политической активности

Свобода выбора затрагивает такие аспекты, как выбор поведения, решений. Следующие идиомы отражают политику управления, ценность реформ.

Идиома *an Haupt und Gliedern* – «во всех отношениях, на всех уровнях», 619 контекстов, в большинстве случаев речь идёт о реформе.

Politologe Waldemar Ritter, langjähriger Verantwortlicher für die in-nerdeutsche Kulturpolitik, verlangte in einem Interview kulturpolitische “*Strukturen an Haupt und Gliedern*” (Rhein-Zeitung, 25.01.2002) [IDS]. Политолог Вальдемар Риттер, являющийся много лет ответственным по внутренней немецкой политике в области культурного строительства, потребовал в одном из интервью культурно-политические структурные *реформы на всех уровнях*.

Идиома *eine Politik der offenen Tür* – «открытость во всех политических направлениях» встретилась в 200 контекстах, в ряде примеров используются определения-уточнения – *die jordanische Politik, der offenen Tür* («иорданская политика открытых дверей»), *britische Politik der offenen Tür* («британская политика открытых дверей»).

Der Aufstieg der USA zur Weltmacht ist nicht denkbar ohne *eine “Politik der offenen Tür”* (Salzburger Nachrichten, 25.07.1998) [IDS].

Подъём США к мировой державе немислим без «*политики открытых дверей*».

Open-door policy — «1) политика, позволяющая людям и товарам свободно прибывать в страну, 2) решение тех, кто у власти, быть доступными в любое время всем, кто хочет с ними поговорить», 118 контекстов употребления.

The Hungarian leader blamed Germany for the crisis, saying that its *open-door policy* toward Syrian asylum-seekers was propelling a wave of migrants to undertake dangerous journeys toward Europe's heart (NEWS: Washington Post, 2015) [BNC]. Венгерский лидер обвинил Германию в кризисе, заявив, что её *политика открытых дверей* по отношению к сирийским просителям убежища подталкивает волну мигрантов предпринимать опасные поездки к сердцу Европы.

Политика открытых дверей — 3 контекста в корпусе русского языка.

Несложно просчитать, к каким макроэкономическим последствиям приведёт эта «*политика открытых дверей*», если можно её так назвать (Не вспугните капитал! // «Итоги», 2003.03.11) [НКРЯ].

Выражение «*Политика открытых дверей*» восходит к американской политике, проведённой в Китае в отношении рынка. В современных контекстах ассоциации связаны со свободой передвижения, в немецких контекстах также с идеей осуществления замыслов, использования фантазии в деле.

Die Hände schmutzig machen — «совершать аморальные, нелегальные действия», 1000 контекстов. Идиома в контексте имеет также значение «проводить работу, приняться за работу». Фрейм 'запачкать руки' и фрейм 'совершить нелегальное действие' имеют общий слот «грязь, пятно», что также может быть показателем вовлечённости в труд.

Es ist verständlich, wenn die SPD verlangt, die Kanzlerin solle sich stärker in die Innenpolitik begeben, auf gut deutsch: *Sich bei der Reformarbeit selbst die Hände schmutzig machen* (Braunschweiger Zeitung, 27.02.2006) [IDS]. Понятно, что, если СДПГ потребует, канцлер должна сильнее погрузиться во внутреннюю политику, на хорошем немецком: самостоятельно *приняться за работу с реформами*.

Английская идиома *show / fly / wave the flag* — «показывать поддержку своей стране, организации или идеи, чтобы вдохновить или убедить других делать также». Идиома выражает идею патриотизма. 30 контекстов с *fly, show* — 24, *wave* — 18. Фрейм 'показать флаг' и фрейм 'показывать поддержку' стране связаны общим слотом «показать национальной символ, обозначающий принадлежность к стране».

In the 2004 elections, “the Republicans had no trouble asserting their own patriotism; it was automatic that they were patriotic,” says Professor Nunberg. “So they didn’t really have to defend themselves against charges of being unpatriotic” the way the Democrats did. Democrats need to push a mission. Today, Nunberg says, the answer for Democrats is not to *fly the flag* more ostentatiously”. They have to reclaim patriotism in a new sense of American mission, “he says (News: Christian Science Monitor, 20060705) [BNC]. На выборах 2004 года, «республиканцы не испытывали никаких затруднений при утверждении их собственного патриотизма; они автоматически были патриотичны», говорит профессор Нунберг. «Таким образом, им не нужно было на самом деле защищать себя от обвинений в не патриотичности», как это делали демократы. Демократы должны выдвинуть миссию. Сегодня, Нунберг говорит, ответ для демократов – *не для вида заявлять о своей преданности стране*. «Они должны провозгласить патриотизм в новом смысле американской миссии», – говорит он.

Play hardball – «способ поведения, особенно в политике, который показывает, что человек намерен получить то, что хочет», «играть жестоко, агрессивно», 95 контекстов. Метафора пришла из игры в бейсбол, в которой жёстким мячом играют профессионалы.

“There’s not a judge in town who’d issue you an arrest warrant. Or a prosecutor who’d take the case.” “You want *to play hardball*? I can do that too. I have enough to go on to reopen the file. I can take Chomby in for questioning, break him down. Break down the so-called witnesses who gave him his alibi” (Analog Science Fiction & Fact, 2011) [BNC]. Нет судьи в городе, который выдал бы вам ордер на арест. Или обвинитель, который взял бы дело. Вы хотите *играть жёстко*? Я тоже так могу. У меня достаточно всего, чтобы вновь открыть файл. Я могу вызвать Чомбли на допрос, сломать его. Сломать так называемых свидетелей, которые предоставили ему алиби.

The grass roots – «простые люди в организации, например, политическая партия или профсоюз, не чиновники, должностные лица», 248 контекстов. Корни травы сравниваются с народом, простыми людьми.

And you have, *at the grass roots*, where the people actually matter, in other words, where people actually vote, hundreds of parties this weekend Ready for Hillary (SPOK: ABC, 2015 (150208)) [BNC]. И у вас есть *в широких массах*, где люди на самом деле имеют значение, другими словами, где люди на самом деле голосуют, сотни партий в эти выходные готовы поддержать Хиллари.

В контекстах употребления идиом были выявлены семантические свойства идиом: приобретение дополнительных значений,

регулярная сочетаемость идиом с теми или иными лексемами в контекстах. Синонимичные идиомы в контекстах обнаруживают значимые различия, обусловленные внутренней формой.

Таким образом, специфика политической культуры опосредованно отразилась в семантическом поле, описывающем политические ценности, запечатлев целый ряд идиом, обозначающих свободу слова, ценность закона, соблюдения норм и правил. Корпусный анализ при этом показывает современное восприятие тех же ценностей в контекстах, как и особенности употребления идиом. Свобода слова представлена как свободное выражение мнения, отношения к делу, как заявление о своей позиции в каком-либо вопросе, как возможность устного выступления, призыва к справедливости. Свобода выбора и политической активности акцентированы на проведении реформ, форм поведения в политической жизни, в которых также высвечивается ценность патриотизма и поддержки.

Список литературы

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Baranov, A.N., Dobrovolskij, D.O.* Aspekti teorii frazeologii [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak, 2008. 656 p. (in Russian).
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. и с посл. А.И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2006. 524 с.
- Frazeologicheskij slovar russkogo jazika [Phraseological dictionary of the Russian language]. Pod red. i s posl. A.I. Molotkova. 7-e izd., ispr. Moscow: AST: Astrel, 2006. 524 p. (in Russian).
- Dobrovolskij, D., Piirainen, E.* Cognitive theory of metaphor and idiom analysis. Jezikoslovlje 6.1 (2005). Pp. 7–35.
- Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik 3, überarbeitete und aktualisierte Auflage. (Duden Band 11). Mannheim etc.: Dudenverlag, 2008.
- Oxford Idioms Dictionary for learners of English. Oxford: Oxford University Press, 2006. 470 p.

Источники

- Крайтерман В.С.* Политология: учебное пособие для высших учебных заведений. 2007. URL:<http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebnoe-posobie-dlya-vuzov-krajterman/cennosti-v-sisteme-politicheskij-kulturi>
- Krajterman, V.S.* Politologija [Politics]: учебное пособие для высших учебных заведений. 2007, available at: <http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebnoe-posobie-dlya-vuzov-krajterman/cennosti-v-sisteme-politicheskij-kulturi>
- <http://corpus.byu.edu/bnc/>
- <http://enc-dic.com/rusphrase/Svoboda-slova-1386.html>
- <http://www.ids-mannheim.de/kl/.../korpora/>
- <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/open-door-policy>
- <http://www.ruscorpora.ru/>

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Я. Вавжинчик, доктор филологических наук, заслуженный профессор факультета нефилологии кафедры прикладной лингвистики Варшавского университета, Польша; e-mail: j.wawrzynczyk@uw.edu.pl

Петр Вежхонь, доктор филологических наук, профессор, директор Института лингвистики Университета имени Адама Мицкевича в г. Познани, Польша; e-mail: wierzch@amu.edu.pl

КАК РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАТЬ ТЕХНОЛОГИЮ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ¹

В статье описываются методы создания одноязычных словарей на примере формирования Национального фотокорпуса польского языка.

Ключевые слова: лексикография, одноязычный словарь, корпусная лингвистика, польский язык.

Jan Wawrzynczyk, Dr. Sc. (Philology), Professor Emeritus, Faculty of Modern Languages, Department of Formal Linguistics, Warsaw University, Poland; e-mail: j.wawrzynczyk@uw.edu.pl

Piotr Wierzchoń, Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Institute of Linguistics (IJ), Adam Mickiewicz University in Poznań (UAM), Poland; e-mail: wierzch@amu.edu.pl

HOW TO REVOLUTIONIZE THE TECHNOLOGY OF DICTIONARY-MAKING¹

The article describes various methods of making monolingual dictionaries and is a case study of the National Photocorpus of the Polish Language.

Key words: lexicography, monolingual dictionary, corpus linguistics, Polish language.

1. Introduction

Modern dictionaries tend to increasingly include information about the time of coinage of entries. In the present article we would like to describe one effective procedure leading to the creation of a monolingual documentary dictionary that presents the dates of occurrence of its entries. As an example, the procedure of creating the *National Photocorpus of the Polish Language* (www.nfjp.pl) will be presented.

¹ Grant nr 0014/NPRH3/H11/82/2014: National Photocorpus of the Polish Language.

The aim of the project was to create the world's largest lexical collection of words and word combinations for the Polish language of the 20th century, with attestation by citations.

1) The key distinguishing principle will be that every excerpt is documented photographically, that is, in the same form in which it appeared in print.

2) Lexical observation will cover the period 1901–2000, that is, it will include texts published during that time.

3) Every excerpt will be precisely localized, that is, a record will be given of the title of the document from which it is taken.

4) Every excerpt will be given a precise chronological characterization, that is, a record will be given of the date on which it appeared in the text.

5) A new feature of the project compared with previous observations of 20th-century vocabulary will be that the work will result in the world's largest collection of units whose existence was not previously known, that is, units which have not previously been searched for and recorded.

This paper aims to show how important it is for chronologization, particularly when concerned with the vocabulary of the twentieth century, to obtain a broad degree of contact with collected materials, and how important it is to catalogue textual attestations for as many words as possible.

In this article we shall consider the isolation of linguistic units for the purpose of linguochronologization, and the performance of their chronologization based on a mass of texts actually produced and recorded in the twentieth century.

This is a short presentation of methods of searching for language units and determining their chronologization. It is also a presentation about the need to produce documentation, particularly photodocumentation – that is, to present specimens of language units in the form of photographic documentation on a large scale. The presentation also covers excerptology carried out for the purposes of linguochronologization in the 21st century, and also specifically excerptology carried out using photodocumentation.

2. Chronologization

Linguistic chronologization, also known as **linguochronologization**, involves assigning chronological information to linguistic objects (words, syntagms, etc.). The information assigned is simply a value of the parameter TIME, such as a year, a month, or even a specific minute. The level of chronological precision of the information results from the time parameter presented in a given description, that is, in a given theory. In

the literature on the subject, the parameter usually takes yearly values (1901, 1939, 1953, etc.).

The result of work on linguochronologization is called linguochronography. In order to have something to chronologize, that something must first be found and isolated. The isolation of units from texts is the task of excerptology. Hence linguochronologization lays down the theoretical framework for an undertaking oriented towards excerption and chronologizing, that is, it establishes the linguistic object being subject to chronologization, the localization parameters by which it is characterized, the excerption directives used to isolate that derive from actually available texts, and so on. Linguochronography involves the creation of dictionaries serving to record dating pairs, that is, units of lexicographical description consisting of a head object, such as a word, together with its assigned date.

A particular role in these investigations is played by the procedure for determining the boundary dates for particular linguistic units, understood as the chronological moment at which a unit of the language appeared in the system, initially as what is known as a neologism, or sometimes *neonym*. These two terms have the same meaning, but *neonym* forms a series with such terms as *antonym*, *synonym*, *hyponym* and so on. The basis for work on linguochronologization and linguochronography is real, existing texts.

Why chronologization? Because by assigning years to linguistic objects, we are able to state which linguistic objects do not occur before a boundary date assumed in a given description or model. This in turn helps us to describe the development of the systems of a language, particularly the lexical and morphological systems. What we mean here is a description of the dynamics of changes and so on. We may be interested, for example, in Greek and Latin morphemes like *super-*, *hyper-*, *anti-*, *bio-*, *geo-*, and how productive each of them was in particular periods. On the other hand, chronologization of linguistic objects also lets us identify phenomena that cease to appear after a given time. For example, one may ask when such units of language as *Rain Napper*, *Belly Timber*, etc. went out of use. Then another question is why it was that those units stopped being used.

A particularly important problem in chronologization is the correct dating of vocabulary from the 20th century. It is particularly significant to find out which words date from before the war, and which appeared only after it ended. In Russia a similar boundary is marked by the October Revolution of 1917, while in Korea it is the end of the Korean War in 1953, and in Vietnam the year 1975. As we can observe, political watersheds, wars and revolutions, including technical revolutions, very often have a huge impact on a language's vocabulary.

The **linguistic basis** for identifying a new unit of language is **textual attestation**, and not the absence of lexicographic attestation in a general

dictionary of the language. Dictionaries are simply not able to record the day-to-day development of vocabulary, and indeed they generally feature huge gaps and omissions. Lexicographers fail to record a larger number of words than they record. For this reason, in work on chronologization, it is texts, not dictionaries, that are most important. The fact that a word does not appear in a dictionary does not mean that the word did not occur earlier than that date.

For example, the need to take account of texts is acknowledged by the authors of the *Historical Thesaurus of the Oxford English Dictionary* [Kay et al., 2009]. The dates given in that work are based on source materials (i.e. natural texts), because only chronological information obtained from original texts is relevant to the dating of particular words. As examples, we have the dating of the word *crankery* to 1884, *crankiness* to 1870, *crankism* and *crankness* to 1890, *eccentricity* to 1657, *faddishness* to 1884, *faddism* to 1885, and so on. This work, which took a British team of lexicographers almost **40 years** to compile, makes a powerful impression. Here is an extract from one review:

How does one review a reference work which may well be the most important English dictionary compiled in the second half of the twentieth century (and a bit of the twenty-first)? The best strategy is probably to try to forget about this intimidating fact and treat the book as one would any other [Adamska-Sałaciak, 2010: 227].

We have already said that, according to our concept, the material or empirical basis for the chronologization of linguistic objects is **printed material**. This is not an absolutely necessary condition, since textual attestations may also appear in spoken form: in conversations, speeches, film dialogues, song lyrics and so on. Nonetheless, the most satisfactory results of chronologization, in terms of producing the most numerous and most certain dates, are given by analysis of graphical, that is printed, source materials.

3. Case study: work on the *National Polish Photocorpus* as an example of how to revolutionise dictionary creation

In order to create a database of two to three hundred thousand dictionary entries relatively quickly (in two to three years of work by a team of three to five persons) it will be necessary to undertake the actions described below.

3.1. Library queries. Building of a resource collection. The foundation of any extensive excerption effort is the identification of sources – determination of which textual resources will be subjected to mining. There are two routes that may be taken, depending on whether manual or elec-

tronic excerption is being considered. For both types of excerption, the sources analysed will date from the period 1901–2000.

3.1.1. Range of genres. To ensure coverage of as wide as possible a range of styles in twentieth-century vocabulary, excerption will be carried out from documents representing all possible genres (fiction, non-fiction, reportage, textbooks, etc.).

3.1.2. Range of authors. In selecting textual sources one must balance two opposing criteria, namely: a) as great as possible a choice of authors (to obtain adequate diversity of subjects and styles in the vocabulary used); and b) maximum focus on texts by authors whose idiolects are identified in preliminary analyses as being particularly rich in various lexical (derivational) forms – excerption will therefore be concentrated on authors such as Brandys, Dobraczyński, Dobrzyńska, Feldman, Głowiński, Gombrowicz, Irzykowski, Iwaszkiewicz, Kisielewski, Klemensiewicz, Konwicki, Kowalski, Kupiszewski, Michalkiewicz, Nowaczyński, Nowak, Nowakowski, Orzeszkowa, Pankowski, Parandowski, Pelc, Porębski, Słonimski, Srokowski, Szczepański, Wasilewski, Wiechecki, Zdziechowski, Żeromski, etc.

3.1.3. Number of sources. For manual excerption, it is assumed that approximately 4000–5000 books will be used as sources. With the project expected to last a total of around 36 months, manual excerption is planned to last for a period of 24 months (from the 7th to the 30th month of the project). It is expected that on average, approximately 20–40 multiword units (phrasemes) can be obtained from each book. The result of this reading will be units that are to be excerpted and presented according to the project principles; that is, primarily those which are absent from the first extensive twentieth-century orthographic dictionary, W. Kokowski's *Słownik ortograficzny języka polskiego*. In the case of electronic excerption, the set of sources will be the library objects contained in the *dLibra* system.

3.2. Physical acquisition of sources. Printed sources will be acquired in cooperation with the collections departments of large libraries (the National Library, Warsaw University Library, Warsaw Provincial Public Library, etc.), which have significant quantities of duplicate items for disposal. These libraries will, by oral request, supply these duplicates free of charge to outside parties. A project representative or employee selects the relevant titles and collects them from the library storeroom. In the selection of books that are not required by the library, there are no limitations in terms of quantity or weight. The person making the choice decides whether or not a particular book is useful. This solution eliminates the need to obtain specific approvals, shipping lists, etc.

3.3. Preselection of sources in *dLibra* for electronic excerption. Electronic sources will be taken from the database of the *dLibra* system. Be-

cause *dLibra* contains more than 3 million sources, some preselection of documents must take place. The first step is to identify texts published in the twentieth century. Although the date is explicitly given in the *dLibra* metadata, many individual records (in certain libraries) fail to conform to the expected pattern. The following date formats have been identified in *dLibra* metadata:

1884	20 January 2010	[post 1741]	22 II 1763
1920.03.27	1936.11.18	[ok. 1930]	[ante 1945]
1785–1819	1983–	1852 November	19 th
[ca 1914]	no date	1940	12 III 1763
[1836]	27.08. February	1944 (Ausgabe Nr 1)	1850 ?
[ok. 1850]	[ante 1945]	2011 (digital edition)	7 IX 1762
datowanie 1613 r.	2–8 February	30.06.2008	2010
[XVIII/XIX w.]	09 March	2009 (orig. edition)	[192?]
1877_1877	1800/1900	no date	[post 1658]
1935–11–12	16 May 2008	1919–1939	1954–1964

This makes it necessary to apply standardisation, that is, to convert the dates to a uniform format, so as to enable as many documents as possible to be obtained with dates in the range 1901–2000. Next, a selection of appropriate sources must be made from the scanned documents. The *dLibra* system records document types such as *poster*, *legal document*, *album*, *article*, *magazine article*, *atlas*, *newsletter*, *brochure*, *magazine*, *magazine supplement*, *audio document*, *electronic document*, *manuscript*, *official document*, *document of community life*, *personnel document*, *musical work*, *leaflet*, *biweekly*, *dissertation*, *official journal*, *bookplate*, *photograph*, *graphical work*, *calendar*, etc. For example, it should be decided, based on this list, to include objects with the label *book*, and to exclude those with the label *photograph*. A similar issue arises in relation to the definition of the language of a document. The resources in *dLibra* may be labelled as representing a particular language, or with the label *multiple languages*, *undefined*, *no language context*, etc. Only documents labelled as *Polish* will be included in the analysis.

In the next step – following determination of which documents are to be subject to electronic excerption – it is necessary to assess which of the sources are suitable for further processing, and which are to be rejected due to their insufficient technical quality. For example, documents

scanned from microfilm are not suited for further processing. These include, among others, annual volumes of *Dziennik Poznański* (with a few exceptions) and *Kurier Poznański* (again with a few exceptions, such as the volume labelled 1936.01.01 R.31 no. 1, which is binarised – that is, presented in black-and-white form).

Next it must be verified whether the documents that have been scanned can be used for electronic excerption. Inadequate quality is found, for example, in issues of *Dziennik Białostocki* (e.g. 1928.03.28 R.6 no. 88), which, though binarised, is unsuitable for the process of electronic excerption. Generally speaking, the best OCR results are obtained from books rather than magazines.

3.4. Development of excerption algorithms. In all excerption projects it is of fundamental importance to define what action can be performed, within what scope and using what resources. In the case of the excerption of twentieth-century vocabulary, as has already been described, it is first necessary to form a collection of texts. In this project the texts will come from:

- (i) the *dLibra* system; and
- (ii) printed books and magazines.

What can be done to excerpt the words contained in the newspapers mentioned above? They may be read manually, but this is not feasible for a total number of several hundred thousand newspapers. Methods of automation must be sought. Five possible methods, labelled M1, M2, M3, M4 and M5, are described below.

In method M1, on a list of words obtained from digitised texts, we seek known words (for example, from a lexicographic source such as an orthographic dictionary). By this method we will not find any new words other than those that were previously known. We may, however, find real confirmation in the form of a quotation together with its location and chronologisation.

In method M2 we create an environment of artificial potentialisms by concatenating known elements (such as a list of prefixes and a list of words, taken for example from any Polish dictionary). In this method, again, we will not find units other than those whose elements (prefixes and root form) were known previously. It is therefore necessary to apply a different method.

In method M3, we seek words containing a particular consonant cluster. For example, knowing that in the Polish language, for instance in the source from method M1, the cluster *wst* occurs, we seek all other words with that cluster.

In method M4 we create possible artificial words (known as logatomes).

In method M5 we search a list of all words created from electronic documents in the list from methods M1 and M2, but with a wildcard character in place of one of the characters in the known word. This is based on the assumption of the existence of minimal pairs. This method will make it possible, to a certain extent, to find words from before the spelling reform of 1936, such as *Anglja* (from *Angl*a*).

3.5. Creation of a word list from electronic documents. All of the developed methods are applied to a word list created on the basis of the collection of electronic documents. This list is obtained from the textual layer produced by the OCR procedure.

3.6. Electronic excerption. In electronic excerption, the context surrounding the unit being searched for is cut out. The following criteria are used for selecting between quotations:

a) the graphical form of the text (a section is chosen with better scan quality, better resolution, better legibility, without physical defects such as folds or tears);

b) closeness to the start of each decade (from two alternative contexts for a given headword, a section from the older text is chosen; for example, for the headword *anyhitlerowski*, a quotation is taken from *Gazeta Bydgoska* dated 13 December 1931 rather than from *Oređownik Wrzesiński* of 3 August 1939);

c) the information content of the text fragment (quotations are preferred if they are easily assimilated, written in less complex language, taken from popular science works or teaching examples);

d) non-specialised nature of the text (there is a preference for texts addressed to a wide readership, such as daily newspapers);

e) spontaneous use, that is, instances that appear in lower case and without quotation marks.

3.7. Completion of database construction and online services. The quotations acquired in the manner described above will be made available to the general public via the website www.nfjp.pl. It will be possible to search the database both *a fronte* and *a tergo*. Searching will be possible based on the categories of (i) chronologisation and (ii) location.

4. Results

The parameters for the presentation of an excerption result are:

a) lemmatised dictionary entry;

b) documentary attestation (quotation);

c) attestation of location (title of publication);

3) chronological attestation (date of publication).

The headword is written in bold type, using the original spelling. The quotation must be presented in a freely readable form, using the original print size if possible.

An example of an excerption result appears below.

polihipowitaminoza

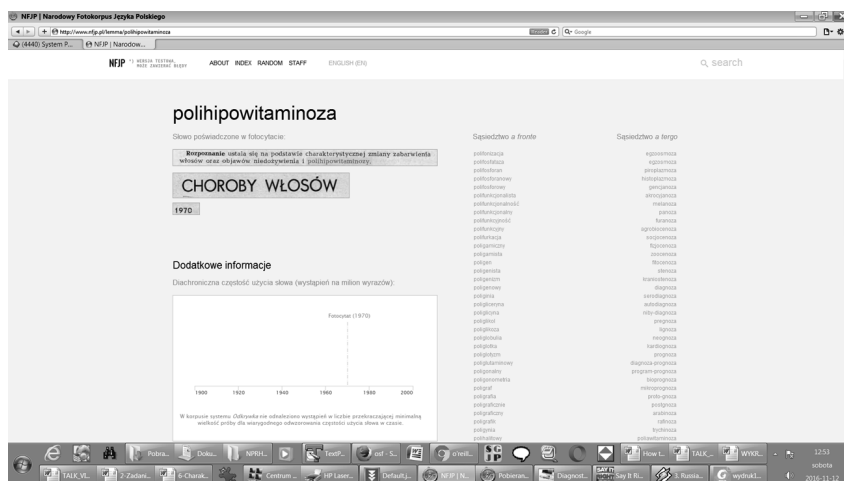
Rozpoznanie ustala się na podstawie charakterystycznej zmiany zabarwienia włosów oraz objawów niedożywienia i polihipowitaminozy.

‘Diagnosis is determined by the typical changes of hair’colour and symptoms of malnutrition’

Bibliographic address:

Kostanecki, Wojciech 1970. Choroby włosów ‘Illness of Hair’, Warszawa : PZWL

The following image shows how this will be displayed on the www.nfjp.pl website:

5. Conclusions

The procedure described here will lead to the construction of a database that documents the use of lexical units. It will provide an important supplement to existing knowledge concerning the lexical resources of the Polish language. It is significant that for the first half of the twentieth century, particularly the two interwar decades, such records are extremely sparse, being limited to the systematic excerption efforts of two researchers, J. Wawrzyńczyk and P. Wierzchoń. The preliminary functionality of the

database can be tested at the website www.nfjp.pl. Under the present project it is planned to carry out excerption for approximately 250,000 to 300,000 units, more than the number of entries contained in any twentieth-century dictionary of Polish. The creation of such a database will also lead to progress in perfecting methods of electronic excerption, through the development and application of various excerption methods, such as the five described above.

The resulting lexical database will, firstly, be relatively large (the largest database of its type anywhere in the world); secondly, it will be suited to a variety of applications (morphological research, studies of borrowings, phraseological research, stylometric analyses, etc.); thirdly, it will enable viewing of the original context in photodocumentary form; and fourthly, it will contain tools to allow searching according to desired criteria.

Bibliography

- Adamska-Salaciak, A.* rev.: *Kay, C., Roberts, J., Samuels, M., Wotherspoon, I.* (eds). *Historical Thesaurus of English*. Oxford: Oxford University Press, 2009. *International Journal of Lexicography*, 2010. Issue 23/2. Pp. 227–233.
- Bartmiński, J.* (ed.) *Współczesny język polski*. Lublin, 2001.
- Górny, M., Wierchoń, P.* Polish digital libraries as a philologist's tool. Based on 666 adjectives from the Digital Library of Wielkopolska. Poznań: IJ UAM, 2010.
- Jadacka, H.* *System słowotwórczy polszczyzny (1945–2000)*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001.
- Kay, C., Roberts, J., Samuels, M., Wotherspoon, I.* (eds). *Historical Thesaurus of English*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Koerner, E.F.K., Szwedek, A.* (eds.). *Towards a History of Linguistics in Poland. From the Early Beginning to the End of the Twentieth Century*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001.
- Matelski, D.* *Polityka Niemiec wobec polskich dóbr kultury w XX wieku*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2009.
- Mazurek, C., Stroiński, M., Werla, M., Węglarz, J.* (eds.) *Polskie biblioteki cyfrowe 2008*. Poznań: Ośrodek Wydawnictw Naukowych PAN, 2009.
- Mazurek, C., Stroiński, M., Werla, M., Węglarz, J.* *Infrastruktura bibliotek cyfrowych w sieci PIONIER*. Mazurek, C., Stroiński, M., Węglarz J. *Polskie biblioteki cyfrowe 2008. 2009* (eds.). Pp. 9–13.
- Piotrowski, T.* *Słowniki języka polskiego*. Bartmiński J. (ed.) *Współczesny język polski*. Lublin, 2001. Pp. 601–618.
- Piotrowski, T.* *Lexicography in Poland: From Early Beginnings – 1997*. Koerner, E.F.K., Szwedek, A. (eds.). *Towards a History of Linguistics in Poland. From the Early Beginning to the End of the Twentieth Century*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Pp. 101–122.
- Waszakowa, K.* *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005.
- Wawrzyńczyk, J.* (ed.) *Czterdzieści lat minęło... nad „Słownikiem Doroszewskiego”*. Warszawa: TAKT, 2009.

- Wawrzyńczyk, J.* Nowe słownictwo polskie. Fikcje i fakty. Warszawa: Instytut Informacji Naukowej i Studiów Bibliologicznych, 1999.
- Wawrzyńczyk, J.* Słownik bibliograficzny języka polskiego. Wersja przedelektroniczna. Tom 1. Warszawa: Instytut Informacji Naukowej i Studiów Bibliologicznych, 2000.
- Wawrzyńczyk, J.* Autosuplement do Słownika warszawskiego. Poznań: Sorus, 2009.
- Wawrzyńczyk, J.* Słownictwo nowopolskie. Redatacje. Warszawa: Bel Studio, 2011.
- Węglarz, J.* Sterowanie w systemach typu kompleks operacji. Warszawa: PWN, 1981.
- Wierchoń, P.* W poszukiwaniu czasowników nieznanych lingwist(k)om. Język. Komunikacja. Informacja2, 2007. Pp. 149–197.
- Wierchoń, P.* Fotodokumentacja. Chronologizacja. Emendacja. Teoria i praktyka weryfikacji materiału leksykalnego w badaniach lingwistycznych. Poznań: IJ UAM, 2008a.
- Wierchoń, P.* Jaskółki przejawów internacjonalizacji w słotwórstwie współczesnej polszczyzny w materiałach z lat 1894–1984. Tylko sto przykładów. Łask: LEKSEM. 2008b.
- Wierchoń, P.* ANTI. Poznań: IJ UAM, 2008c.
- Wierchoń, P.* Kotuś. «Verba polona abscondita...» (w fotodokumentacji). Szkic lingwochronologizacyjny. Centuria pierwsza. Poznań: IJ UAM, 2008d.
- Wierchoń, P.* Dlaczego fotodokumentacja? Dlaczego chronologizacja? Dlaczego emendacja? Instalacja gazowa, parking podziemny i „odległość niezerowa”. Poznań: IJ UAM, 2009a.
- Wierchoń, P.* Fotodokumentacja 3.0. Język. Komunikacja. Informacja 4, 2009b. Pp. 63–80.
- Wierchoń, P.* Torując drogę teorii lingwochronologizacji. *Investigationes Linguisticae* XX. Pp. 105–186, 2010a.
- Wierchoń, P.* Lingwochronografia na usługach słotwórstwa gniazdowego. *Kwartalnik Językoznawczy* 1(2). Pp. 50–64, 2010b.
- Wierchoń, P.* Depozytorium leksykalne języka polskiego. Nowe fotomateriały z lat 1901–2010. Vol. I. Warszawa: Bel Studio, 2010c.
- Wierchoń, P.* Depozytorium leksykalne języka polskiego. Nowe fotomateriały z lat 1901–2010. Vol. II. Warszawa: Bel Studio, 2011a.
- Wierchoń, P.* Depozytorium leksykalne języka polskiego. Nowe fotomateriały z lat 1901–2010. Vol. III. Warszawa: Bel Studio, 2011b.
- Wierchoń, P.* Depozytorium leksykalne języka polskiego. Fotosuplement do Słownika warszawskiego. Vols. XI–XL. Warszawa: Bel Studio, 2014.

В.Г. Кульпина, доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

В.А. Татарinov, доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм); e-mail: rossterm@mail.ru

О КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИХ И ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ ОТБОРА ТЕРМИНОВ В СЛОВНИКИ БОГОСЛОВСКИХ СЛОВАРЕЙ

Вырабатываются особые критерии отбора терминов для включения в словники богословских словарей. В качестве важных в концептуально-теологическом и терминографическом отношении называются следующие критерии: критерий моноконфессионального словаря, критерий конфессиональной толерантности, критерий сообразности и вариативности богословского толкования, критерий чёткого разграничений лексики Священного Писания, лексики богословских текстов и общеупотребительной лексики, критерий богословской коллокации лексики. Отмечаются тенденции в формулировании дефиниций к терминам, включаемым в богословские словари.

Ключевые слова: терминология, терминография, богословские словари, составление словника, славянские языки, немецкий язык, английский язык.

Valentina G. Kulpina, Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Viktor A. Tatarinov, Dr. Sc. (Philology), President of Russian Terminology Society, Russia; e-mail: rossterm@mail.ru

CONCEPTUAL, THEOLOGICAL AND TERMINOGRAPHICAL CRITERIA FOR THE SELECTION OF TERMS FOR THEOLOGICAL DICTIONARIES

The authors analyze specific criteria for the selection of terms to be included in theological dictionaries. The following criteria are of special importance from the conceptual, theological and terminographical points of view: monoconfessional dictionary; confessional tolerance; conformity and variability of theological interpretation; differentiation of the Holy Scripture's vocabulary, theological texts' vocabulary, and general vocabulary; theological collocation of vocabulary. The authors also analyze tendencies in formulating definitions for terms to be included in theological dictionaries.

Key words: terminology, terminography, theological dictionaries, word-list composing, Slavic languages, German, English.

Проблема принципов отбора лексики в словари является классической и, похоже, трудно разрешимой лексикографической проблемой. Но сама эта проблема не оставляет в покое лексикографов ни

на минуту, о чём свидетельствуют материалы недавно состоявшейся международной лексикографической конференции в Институте русского языка Российской академии наук «Русская лексикография XXI века» [см.: Русская лексикография, 2016].

Когда мы говорим о классическом характере технологии формирования словника **терминологического** словаря, мы имеем в виду, что формирование словника словаря терминов всегда начинается с установления границ описываемой отрасли и вычленения терминологических единиц для терминографирования соответствующего профессионального языка, т.е. языка для специальных целей. Эти два этапа технологического процесса эксцерпции слов чаще всего авторами словарей не прописываются, а принимаются по умолчанию. Границы любой и каждой отрасли составителю словаря представляются обычно достаточно однозначно очерченными. Более того, по отраслевому словарю судят о границах какой-либо отрасли, что является элементарным заблуждением, т.е. логически путаются причина и следствие. Довольно многочисленные попытки составления в последние годы разного типа богословских словарей, на наш взгляд, могут привнести дополнительные нюансы в разрешение данного вопроса, хотя надо сказать, что вопрос в сути своей остаётся неразрешённым.

Может, это прозвучит тривиально, но всё-таки скажем, что богословские словари любого типа чрезвычайно актуальны с точки зрения понимания и интерпретации очень многих текстов, причём совсем необязательно религиозного содержания (т.е. и за пределами какой-либо религиозной терминологической системы). Ограничение сведений из сферы религиозной лексики, уже многие тысячелетия пребывающей в языке, ведут к ограничению ментальной лабильности человека, снижают градус толерантности в межконфессиональном общении, приводя к ложным дискуссиям о значении терминов.

Даже учёные порой настолько пропитываются религиозно-культурным фоном *своего* образования, что забывают о существовании разных религий и атеистического воспитания, переставая различать лингвотеологическую реальность и реальность физическую и социальную. Так, польская исследовательница Д. Пазё-Влязловска в статье «Оценка в лексикографических дефинициях и реконструкция европейской языковой картины мира» (Pazio-Wlazłowska, 2014: 267–278) практически целиком посвятила свою статью критике дефиниций религиозных понятий в очередных изданиях «Словаря русского языка» С.И. Ожегова [Ожегов, 1987]. Отметим, что мало какой россиянин в этих дефинициях усмотрел бы какую-то идеологизированность и крамольность. Для автора же статьи Д. Пазё-Влязловской эта идеологизированность и крамольность в словаре

Ожегова зияет в дефинициях конфессиональной лексики. Досталось и словам *якобы* и *будто* как выражающим сомнение в реальности дефинируемых понятий. Автор приводит, например, следующие определения из словаря Ожегова: *«рай: в религиозно-мистических представлениях место, где якобы души умерших “праведников” ведут блаженное существование (1952); причащение: христианский обряд принятия просвиры и вина – таинство, во время которого на верующих якобы нисходит божественная благодать (1972, 1981, 1984, 1987); ангел: (в редакции 1961 г.) в религиозной мифологии сверхъестественное существо, посланец бога, якобы покровительствующий человеку (изображается крылатым мальчиком); потоп: по библейской легенде: наводнение, затопившее будто бы всю землю в наказание за грехи людей (1952, 1961, 1972, 1981, 1984, 1987)»* [ibid.: 272]. Мы вернёмся к этим примерам ниже, а пока ограничимся этими вводными замечаниями, чтобы читателю был понятен дальнейший терминографический пафос характеристики «идеологизированного» состава богословских словарей.

В статье речь пойдёт о неразделимом и взаимодополняющем единстве концептуально-теологических и терминографических принципов формирования словника богословских словарей. Активизация исследовательской и конструирующей деятельности в сфере богословских словарей вызвана в первую очередь свершившимся осознанием языкотворной, лингвотворящей сущности богословской лексики в составе национального языка и её непреходящей значимости в формировании гуманитарного дискурса и менталитета. Однако длительный лексикографический перерыв в изучении религиозно ориентированной лексики требует конкретизации некоторых принципов терминографической работы для целей адекватной стратификации вербального состава религиозного дискурса и его последующей адекватной фиксации в богословских словарях.

В каком направлении предпринимаются попытки когнитивного определения терминологической системы языка религии и установления пределов богословского словаря, видно из названий обсуждаемых словарей: англо-русский ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ словарь, немецко-русский НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ словарь, болгарско-английский словарь ЦЕРКОВНЫХ терминов, словарь ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ лексики, словарь русской ХРИСТИАНСКОЙ лексики, немецко-русский словарь ХРИСТИАНСКОЙ лексики, русско-польский словарь ХРИСТИАНСТВА, русско-польский словарь ПРАВОСЛАВНОЙ терминологии, терминология русского ПРАВОСЛАВИЯ, русско-ПРАВОСЛАВНЫЙ/римско-КАТОЛИЧЕСКИЙ словарь, словарь РЕЛИГИОЗНОЙ лексики, БИБЛЕЙСКОЕ слово в нашей речи и т.д.

Таким образом, объём понятия «богословие» не установлен, что очевидно для современной общественно-языковой практики. Не разрешили вопроса и опубликованные образовательные программы по теологии и религиоведению. Просматриваются только тенденции осознания границ богословия: от полного охвата любой лексики, связанной с религиями (теологические словари) через восприятие богословия как научной дисциплины (научно-богословские словари) к конфессиональному ограничению словарной лексики (христианские, католические, православные) и к словарям общелитературного языка (религиозная и библейская лексика). Надо иметь в виду, что со становлением богословия как научной дисциплины к лексике научного богословия стала относиться и общенаучная лексика. Поэтому началом демаркации границ лексики богословского словаря является определение дискурсивного пространства богословия, что находится исключительно в ведении специалистов-богословов.

На данный момент наиболее продуктивной работой над богословским словарём является учёт следующих критериев отбора лексики в богословские словари.

Моноконфессиональная технология лексикографирования богословской лексики, что ведёт к созданию идеального *моноконфессионального словаря* [см.: Добрушина, 2012; Добрушина и др., 2011; 2012а; 2012б; Колотовкин, 2013; Fediukina, 2014] (будь то толковый или переводной словарь). По мнению Е.В. Федюкиной, такой словарь вносит новизну в стилистическую стратификацию национального языка, так как фиксирует конфессиональный вариант языка, а не его стилистическую разновидность [см.: Федюкина, 2009: 18].

Подчеркнём важность принципа моноконфессиональности при создании словаря. Если мы возьмём в руки такой словарь, к примеру, как «Богословская антропология. Русско-православный — римско-католический словарь», мы найдём здесь среди словарных статей такие, как *человек, личность, радость, удовольствие, чувство, болезнь, семья, брак, совесть, воля, сознание, общество, образование, этика, власть, память, познание, ценность* (Богословская антропология, 2013: 5–6) и ряд других понятий, которые, на первый взгляд, нельзя квалифицировать как термины богословской антропологии, причём эти термины настолько отличаются в православной и католической религиях, что именно этим различиям посвящён словарь, в котором на каждое из приведённых понятий имеется по две словарные статьи: одна с пометой *православ.*, другая с пометой *католич.* Более того, чтобы представить различия в понимании православных и католических понятий, описание этих понятий дано в отдельном томе на немецком языке в православной и католической трактовках.

Поэтому и возникает естественный вопрос, насколько возможны поликонфессиональные словари и насколько адекватны интерпретации теологических терминов в таких словарях. Обратимся к ареалам извне европейской цивилизации, например, к Китаю и другим синоцентричным странам. Вот пример китайской интерпретации Неба и Божественного из труда польского учёного-синолога: «В китайских верованиях не было соответствия личностного Бога как судьи человеческих дел... Субституту личностного Бога в китайской системе верований является Небо (Тиен) как отражение существующей в мире (естественном и общественном одновременно) гармонии. Однако Небо не применяло запретов» [Siewierski, 2015: 165–202] (см. подробнее в: [Кульпина, Татаринов, 2015]).

При конструировании поликонфессионального словаря трудно соблюдать критерий **конфессиональной толерантности** словаря. Но при этом большинство словарей (особенно многоязычных) являются поликонфессиональными [см., напр.: Богословская антропология, 2013; Handwörterbuch, 2013; Матвеев, 2006; Плисов, 2006; 2009; Татаринов и др., 2012]. Это обусловливается, в частности, тем, что принципиальное совмещение христоцентризма и конфессиональной толерантности в словаре является производной составляющей светской богословской лингводидактики. Профиль подготовки «Христианская теология, межконфессиональный диалог и межкультурная коммуникация» предусматривает изучение текстов на иностранных языках **разных** конфессий.

Из важных терминографических критериев отбора лексики в состав богословского словаря остановимся на критерии **дифференциации лексики Священного писания** (ставшей в большинстве своём общеупотребительной) [см.: Николаюк, 1998], **лексики текстов-интерпретантов**, т.е. собственно богословских текстов (начиная с трудов Отцов Церкви и заканчивая текстами современного научного богословия [см.: Иларион, 2008]) и **лексики общеупотребительной**.

По-прежнему многие богословские словари являются простым собранием или переводом слов, содержащихся в Библии. Функции и предназначение таких словарей определить сложно, поэтому оставляем это в виде вопроса. Библейские вкрапления типичны для разных типов богословских словарей. Особенно «везёт» фразеологическим выражениям из Библии, стоящим в словаре рядом с терминологией — *по плодам их узнаете их, посыпать пеплом голову, прах ты, и в прах возвратишься* и подобные выражения (во многих словарях), которые к терминологии, очевидно, не относятся.

Весьма неопределённым остаётся статус в религиозной лексике лексических классов религиозной тематики, количество которых довольно многочисленно (от названий церковной утвари [ср.: Пор-

тянников, 2001] и выражений типа «Бог в помощь» [см.: Александра, 1996] до названий религиозных сект [см.: Алексева, 2011]).

Иногда богословские словари заполняются обычными повседневными словами без претензии на их богословский смысл (напр.: Eltern ‘родители’, employe ‘служащий’, employeur ‘работодатель’, everybody ‘каждый, всякий, всяк’, everyone ‘каждый’), что также трудно объяснить с точки зрения современной теории терминографии.

Отграничению богословской лексики от общеупотребительной помогает критерий **богословской коллокации** религиозной лексики. Словосочетания в богословском тексте дифференцируют богословское миропонимание. Так, например, для слова *Жизнь* (в переводе с немецкого *Leben*) в «Немецко-русском научно-богословском словаре» приводятся следующие определительные словосочетания: *слепая, скоротечная, троичное бытие Бога, извечная жизнь, конечная жизнь, вечная, прошлая, удачная, общественная, богоугодная, небесная, земная, загробная, католический образ жизни, церковная, человеческая, мультикультурная, следующая, деятельный образ жизни, религиозная, автономное бытие, прошлая, предыдущая, невидимая, единая, неудавшаяся, совершенная, истинная, мирская, светская, жизнь Иисуса* [Татаринов, 2012: 97–98]. В известном «Учебном словаре сочетаемости слов русского языка» из этого списка словосочетаний наличествует только одно – *общественная жизнь* (!) [Учебный словарь, 1978: 160]. Более того, смеем утверждать, что коллокационные пределы лексики богословия имеют большую протяжённость, в том числе и конфессионализованные слова, например: *ein von der Sünde befreites erlöstes Leben* ‘свободная от греха спасённая жизнь’, *das unvergängliches Leben Gottes* ‘непреходящее бытие Бога’ и т.д. [Татаринов, 2012: 98]. Казалось бы, слово *жизнь* – какое отношение она имеет к богословской терминологии, да и вообще к терминологии. А между тем слово *жизнь* является частью словника и формирует словарную статью в очень многих теологических словарях, представляя тем самым богословское понимание, концепт, жизни. Пример из «Русско-польского лексикона православной терминологии»: «**жизнь**: «Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» {Втор 30, 19}; «В нем была жизнь и жизнь была свет человека» {Ин 1, 4}; «...что такое жизнь ваша? Пар, являющийсяна малое время, а потом исчезающий» {Иак 4, 14}; *«~ **вечная, наследовать ~ вечную**» (Fediukina, 2012: 102).

В словаре Романа Левицкого «Христианство: русско-польский словарь» имеется словарная статья «**жизнь во Христе** жизнь праведная, согласная с учением Христа ■ *życie chrześcijańskie*» (Lewicki, 2002: 115).

Обратившись к «Болгарско-английскому словарю церковных терминов», мы видим весьма разветвлённую словарную статью на слово **живот**, что по-болгарски значит ‘жизнь’. Здесь приводятся следующие словосочетания:

благодатният живот (*Библ.*) thegraceoflife

божествен живот divinelifе

участвам в божествения живот participate in the divine life

живот вечен eternal life, life eternal, everlasting life, life everlasting

земен живот earthly life, present life

дарът на живота gift of life,

Хлябът на живота the Bread of Life,

вода свят живот live the life of a saint

връщам към живот restore to life

ходя в обновен живот (Рим. 6:4) walk in newness of life» [Питев, Питева, 2012: 68].

Именно благодаря вскрытой сочетаемости устанавливается разграничительная линия между общеупотребительной (возможно, библейской) лексикой и научно-богословской терминологией.

По каким бы критериям ни отбиралась лексика в богословский словарь, насущной остаётся проблема **сообразности и вариативности богословского толкования**. Однозначного решения проблемы пока не существует – тип толкования и его объем устанавливаются авторами словаря (как в переводных, так и в толковых словарях или их комбинациях [см.: Кульпина, Татаринов, 2013]).

Существует два полюса объёма толкования в словаре. В словаре «Богословская антропология» толкования входных единиц достигают десятков страниц. Такое представление понятий – принципиальная задача словаря. Все описания терминов направлены на то, чтобы показать *differetia specifica* как православных, так и католических терминов. Авторы словаря наглядно демонстрируют, что облачение в языковые формы религиозного понятия не может быть в стиле модного сейчас духовного направления «унисекс». Вернёмся в связи с этим к критике словаря С.И. Ожегова польской исследовательницей Д. Пазё-Влязловской. Суть её критики заключалась в том, что словарь С.И. Ожегова подвергает сомнению существование общеизвестных религиозных понятий с помощью вкрапления в дефиниции слов *якобы*, *будто бы*. Но если исходить из понятия религиозной толерантности, критика повисает в воздухе. Ведь словарь С.И. Ожегова – явление атеистического воспитания человека, а значит, он имеет право на существование как классический вариант проявления свободы совести. Но что произошло с этими толкованиями в обновлённом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой? Приведём примеры: «**РАЙ**... В религиозных представлениях: место, где души умерших праведников пребывают в веч-

ном блаженстве»; «**Причащение...** Христианское таинство принятия причастия»; «**АНГЕЛ...** В религии: служитель Бога, исполнитель его воли и его посланец к людям (изображаемый крылатым отроком, юношей)»; «**ПОТОП...** По библейской легенде: наводнение, затопившее всю землю в наказание за грехи людей» [Ожегов, Шведова, 1997]. В таком виде определения потеряли основной смысл религиозных понятий (или их интерпретации в атеистической парадигме), произошло логическое и семантическое выхолащивание понятий — они не приобрели конфессиональной коннотации, но утратили атеистическую коннотацию. В этом отношении упоминавшийся словарь «Богословская антропология» может считаться образцом религиозной терпимости. Любая дифференциация понятий сопровождается соответствующими языковыми вкраплениями: *в православном богословии, в христианской традиции, согласно библейско-христианскому представлению, с точки зрения православного богословия* и т.д. Отсюда так называемая идеологизация лексикографирования богословского термина становится исключительно элементом просвещения и воспитания в человеке религиозной терпимости и межконфессионального взаимопонимания. Весьма показательным в этом просветительском направлении является словарь [Мак-Ким, 2004].

Различия в семантике могут иметь и термины разных религиозных традиций. Дифференциация таких терминов произведена, например в «Греческо-русском словаре христианской церковной лексики с толковыми статьями». Пример из словаря: «**σκουφος (ο)** *церк. облач.* скуфья (*повседневный головной убор лиц духовного звания*). В *рус. церк. trad.* представляет собой небольшую круглую шапочку, складки которой при надевании на голову образуют собой знамение креста. В *греч. trad.* невысокий цилиндрический монашеский головной убор из шерсти, который носят монахи и священнослужители, пребывающие в монастыре, включая игумена монастыря» [Назаренко, 2015: 9].

Многие же словари (особенно предназначенные для учебных целей) используют в качестве определений элементарные родовидовые отсылки: *Konstitution* конституция (*тип документа, принимаемого соборами Католической церкви*), *Herrgott* распятие (*изображение — (т.е. имеется в виду) изображение Господа Бога*), *Младенец Христос* (*тип иконографического изображения Иисуса Христа как младенца на иконах Богоматери*). В некоторых переводных словарях толкования даются на двух языках. Пример из «Русско-польского словаря православной терминологии»: «**домостроительство (↑↓ Божие)** — извечный Божий план о судьбах мира и о спасении человека; ответственность, данная человеку при распоряжении земными благами... **plan Bożej mądrości, ekonomia zbawienia** — *odwieczny tajemniczy*

plan Boży w dziele kierowania światem i zbawienia człowieka; odpowiedzialność dana człowiekowi przy porządkaniu dobrami doczesnymi» (Fediukina, 2014: 88).

Поскольку к настоящему времени не сложилось единого мнения об объёмах и уместности толкований в богословских словарях, сделаем лишь одно замечание об обязательности толкования у определённого типа терминов, а именно у так называемых консубстанциальных терминов, то есть таких, которые имеют и общелитературное значение, и терминологическое (см. выше). Всегда возникает вопрос, а нужно ли консубстанциальные термины включать в специальные словари. Если при таких терминах будет адекватное толкование, вопрос включения отпадает сам собой. Показательным в этом отношении является «Богословская антропология», в которой большинство терминов являются консубстанциальными, но благодаря пространным толкованиям вводятся в категориальный аппарат богословия. Это такие термины, как *болезнь, власть, инвалидность, мудрость, образование* и т.п. Другое дело, когда в специальном словаре консубстанциональный термин приводится и в общеупотребительном значении, то уже возникает вопрос о квалификации составителя словаря.

Конечно, существует значительный состав и других принципов формирования словника богословского словаря. Но уже на приведённых примерах видно, что богословская лексикография, следуя общим принципам терминографической работы, нарабатывает и свои отраслевые принципы, внося тем самым вклад в развитие общей теории терминографии.

Список литературы

- Александрова Т.С.* В помощь читающему христианскую литературу. Опыт краткого немецко-русского и русско-немецкого словаря. М.: Русские словари, 1996. 352 с.
- Aleksandrova, T.S.* V pomoshh' chitajushhemu hristianskiju literaturu. Opyt kratkogo nemecko-russkogo i russko-nemeckogo slovarja [As a Help for Reading Christian Literature. German-Russian Dictionary]. Moscow: Russkie slovari, 1996. 352 p. (in Russian).
- Алексеева М.О.* Терминология русского православия. М.: МБА, 2011. 304 с.
- Alekseeva, M.O.* Terminologija russkogo pravoslavija [Terminology of Russian Orthodoxy]. Moscow: MBA, 2011. 304 p. (in Russian).
- Богословская антропология: Русско-православный / римско-католический словарь / Под ред. А. Лоргуса, Б. Штебенрауха. М.: Паломник; Никея, 2013. 736 с.
- Bogoslovskaja antropologija: Russko-pravoslavnyj / rimsko-katolicheskijslovar' [Theological Anthropology: Russian Orthodoxy Church – Roman Catholic Church Dictionary]. Podred. A. Lorgusa, B. Shtebenrauha. Moscow: Palomnik; Nikeja, 2013. 736 p. (in Russian).

- Добрушина Е.Р.* Словарь христианской лексики: Состав словника // Вестник ПСТГУ. Сер. III, Филология. 2012. Вып. 3 (29). С. 105–113.
- Dobrushina, E.R.* Slovar' hristianskoj leksiki: Sostav slovnik [The Dictionary of Christian Vocabulary: the Composition of the Word-list]. *Vestnik PSTGU. Ser. III, Filologija*. 2012. Ussue 3 (29). Pp. 105–113 (in Russian).
- Добрушина Е.Р., Польсков К., Литвинцева К.М., Хангиреев И.А.* От «аббата» до «аналоя»: Фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III, Филология. 2011. Вып. 3 (25). С. 119–146.
- Dobrushina, E.R., Pol'skov, K., Litvinceva, K.M., Hangireev, I.A.* Ot “abbata” do “analaja”: Fragment “Lingvo-jenciklopedicheskogo slovarja russkoj hristianskoj leksiki” [From “abbat’ to “analoj”: The Fragment of “Linguistic-Encyclopaedic Dictionary of Russian Christian Vocabulary”], *Vestnik PSTGU. Ser. III, Filologija*. 2011. Ussue 3 (25). Pp. 119–146 (in Russian).
- Добрушина Е.Р., Польсков К., Литвинцева К.М., Хангиреев И.А.* От «анамнесиса» до «апокрифа»: Фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III, Филология. 2012. Вып. 2 (28). С. 103–118.
- Dobrushina, E.R., Pol'skov, K., Litvinceva, K.M., Hangireev, I.A.* Ot “anamnesisa” do “apokrifa”: Fragment “Lingvo-jenciklopedicheskogo slovarja russkoj hristianskoj leksiki” [From “anamnesis” to “apokrif”: The Fragment of “Linguistic-Encyclopaedic Dictionary of Russian Christian Vocabulary”], *Vestnik PSTGU. Ser. III, Filologija*. 2012. Ussue 2 (28). Pp. 103–118 (in Russian).
- Добрушина Е.Р., Польсков К., Литвинцева К.М., Хангиреев И.А.* От «апостола» до «аутодафе»: Фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III, Филология. 2012. Вып. 3 (29). С. 114–133.
- Dobrushina, E.R., Pol'skov, K., Litvinceva, K.M., Hangireev, I.A.* Ot “apostola” do “autodafe”: Fragment “Lingvo-jenciklopedicheskogo slovarja russkoj hristianskoj leksiki” [From “apostol” to “autodafe”: The Fragment of “Linguistic-Encyclopaedic Dictionary of Russian Christian Vocabulary”], *Vestnik PSTGU. Ser. III, Filologija*. 2012. Ussue 3 (29), pp. 114–133 (in Russian).
- Иларион (Алфеев).* Православие. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. Т. 1. 864 с.
- Parion (Alfeev).* Pravoslavie [Orthodoxy]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2008. T. 1. 864 p. (in Russian).
- Колотовкин Н.И.* Презентация православной лексики в общих и специальных словарях: на материале английского и русского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 27 с.
- Kolotovkin, N.I.* Prezentacija pravoslavnoj leksiki v obshhij i special'nyh slovarjah: na materiale anglijskogo i russkogo jazykov [The Presentation of Orthodoxy Vocabulary in General and Special Dictionaries: on the Material of English and Russian]. Extended abstract of candidate's filol. Moscow, 2013. 27 p. (in Russian).
- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Двужычные словари богословской лексики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6, Языкознание. 2013. № 2. С. 159–164.
- Kul'pina, V.G., Tatarinov, V.A.* Dvujazychnye slovary bogoslovskoj leksiki [Bilingual Dictionaries of Orthodoxy Vocabulary], *Social'nye i gumanitarnye*

- nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura*. Ser. 6, Jazykoznanie. 2013. No 2, pp. 159–164 (in Russian).
- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* О полиаспектной интерпретации японского языка и японистики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2015. Вып. 52. С. 4–25.
- Kul'pina, V.G., Tatarinov, V.A.* O poliaspektnoj interpretacii japonskogo jazyka i japonistiki [The Polyaspectual Interpretation of Japanese and Japanistics], Jazyk, soznanie, komunikacija: Sb. Statej. Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. Moscow: MAKS Press, 2015. Ussue 52, pp. 4–25 (in Russian).
- Мак-Ким Д.К.* Вестминстерский словарь теологических терминов. М.: Республика, 2004. 503 с.
- Mc Kim, D.K.* Vestminsterskij slovar' teologicheskikh terminov [Westminster Dictionary of Theological Terms]. Moscow: Respublika, 2004. 503 p. (in Russian).
- Матвеев С.А.* Англо-русский теологический словарь. Иудаизм – Христианство – Ислам. М.: АСТ; Восток – Запад, 2006. 758 с.
- Matveev S.A.* Anglo-russkij teologicheskij slovar'. Iudaizm – Hristianstvo – Islam [English-Russian Theological Dictionary: Judaism – Christianity – Islam]. Moscow: AST; Vostok – Zapad, 2006. 758 p. (in Russian).
- Назаренко А.* Греческо-русский словарь христианской церковной лексики с толковыми статьями. М.: Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 2015. 192 с.
- Nazarenko, A.* Grechesko-russkij slovar' hristianskoj cerkovnoj leksiki s tolkovymi stat'jami [Greek-Russian Dictionary of Christian Church vocabulary with Definitions]. Moscow: Izd-vo Moskovskoj Patriarii RPC, 2015. 192 p. (in Russian).
- Николаюк Н.Г.* Библейское слово в нашей речи. СПб.: Светлячок, 1998. 448 с.
- Nikolajuk, N.G.* Biblejskoe slovo v nashej rechi [The Scriptural Word in Our Speech]. Saint-Petersburg: Svetljachok, 1998. 448 p. (in Russian).
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 18 изд. М.: Русский язык, 1987. 797 с.
- Ozhegov, S.I.* Slovar' russkogo jazyka [The Dictionary of Russian Language]. 18 izd. Moscow: Russkij jazyk, 1987. 797 p. (in Russian).
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Ju.* Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Explanatory Dictionary of Russian Language]. 4-e izd. Moscow: Azbukovnik, 1997. 944 p. (in Russian).
- Питев Б., Питева Д.* Българско-английски речник на църковните термини. София: Покров Богородичен, 2012. 222 с.
- Pitev, B., Piteva, D.* Bolgarsko-anglijski rechnik na cerkovnite termini [The Bulgarian-English Dictionary of the Church Terms]. Sofija: Pokrov Bogorodichen, 2012. 222 p. (in Russian).
- Плисов Е.В.* Конфессиональная дифференциация христианской лексики в толковом словаре // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. № 1. С. 43–54.
- Plisov, E.V.* Konfessional'naja differenciacija hristianskoj leksiki v tolkovom slovare [The Confessional Differentiation of Christian Vocabulary in the Explanatory Dictionary], *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki*. 2006. No 1, pp. 43–54 (in Russian).

- Плисов Е.В.* Словарь религиозной лексики современного немецкого языка. Нижний Новгород: НГЛУ, 2009. 147 с.
- Plisov, E.V.* Slovar' religioznoj leksiki sovremennoho nemeckogo jazyka [The Dictionary of Religious Vocabulary of Contemporary German]. Nizhnij Novgorod: NGLU, 2009. 147 p. (in Russian).
- Портянников В.А.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь христианской лексики. Нижний Новгород: Изд-во Братства св. Александра Невского, 2001. 150 с.
- Portjannikov, V.A.* Nemecko-russkij i russko-nemeckij slovar' hristianskoj leksiki [German-Russian and Russian German Dictionary of Christian Vocabulary]. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Bratstva sv. Aleksandra Nevskogo, 2001. 150 p. (in Russian).
- Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения: Материалы докладов и сообщений международной научной конференции 12–14 декабря 2016 года. М.: Нестор-История, 2016. 156 с.
- Russkaja leksikografija XXI veka: problemy i sposoby ih reshenija: Materialy dokladov i soobshhenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 12–14 dekabrja 2016 goda [The Russian Lexicography of XXI century: the Problems and the Methods of their Working out]. Moscow: Nestor-Istorija, 2016. 156 p. (in Russian).
- Татаринов В.А., Лаврентьев А.В., Мраморнов А.И.* Немецко-русский научно-богословский словарь. СПб.: Алетейя, 2012. 192 с.
- Tatarinov, V.A., Lavrent'ev, A.V., Mramornov, A.I.* Nemecko-russkij nauchno-bogoslovskij slovar' [The German-Russian Scientific Orthodox Dictionary]. Saint-Petersburg: Aletejja, 2012. 192 p. (in Russian).
- Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1978. 688 с.
- Uchebnij slovar' sochetaemosti slov russkogo jazyka, pod red. P.N. Denisova, V.V. Morkovkina [The Didactic Dictionary of Word Combinations of Russian Language]. Moscow: Russkij jazyk, 1978. 688 p. (in Russian).
- Федюкина Е.В.* Православная культура современной Польши: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 2009. 26 с.
- Fedjukina, E.V.* Pravoslavnaja kul'tura sovremennoj Pol'shi [The Orthodox Culture of Modern Poland]: Extended abstract of candidate's kul'turologii. Moscow, 2009. 26 p. (in Russian).
- Fediukina, H.* Leksykon terminologii prawosławnej rosyjsko-polski. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2014. 271 s.
- Handwörterbuch Theologische Anthropologie. Römisch-katholisch/Russisch-orthodox. Hrsg. von B. Stubenrauch, A. Lorgus. Freiburg etc.: Herder, 2013. 669 p.
- Lewicki, R.* Chrześcijaństwo: Słownik rosyjsko-polski. Warszawa: Pax, 2002. 367 p.
- Pazio-Wlazłowska, D.* Wartościowanie w definicjach leksykograficznych a rekonstrukcja JOS. Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów 3. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2014, pp. 267–278.
- Siewierski, J.* Wspólnota w japońskim systemie przemysłowym // Japonica et Slavica / Ed. Jan Wawrzyczek. Warszawa, 2015. Vol. II, pp. 165–202.

А.П. Миньяр-Белоручева, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ostvera@mail.ru

М.Е. Покровская, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: astraM1@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ АНТРОПОЛОГИИ

В данной статье основное внимание уделяется переводу терминов антропологии, значения которых не совпадают в русском и английском языках, несмотря на их сходную звукографическую форму. Это касается таких терминов как *ethnology*, *ethnography*, *anthropology* и их русских аналогов: *антропология*, *этнология*, *этнография*. Для исследования терминов антропологии авторами использовался прагматический подход, согласно которому терминология рассматривается как система, организующая текст, которая играет важнейшую роль в научной коммуникации. Проблема перевода термина связана с его спецификой. В настоящее время основным научно-исследовательским центром отечественной этнологии является Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, его название сохраняет отечественный подход к толкованию терминов науки о человеке, где этнология охватывает социокультурный аспект изучения человека, а антропология занимается биологической стороной, то, что называется физической антропологией в США. Антропология неразрывно связана с другими биологическими науками и вместе с тем самым тесным образом соприкасается с науками общественными. Антропология в этом смысле как бы увенчивает собой естествознание. В результате проведенного исследования было выявлено, что при установлении расхождений в системе понятий, выраженных терминами ИЯ и ПЯ, межъязыковая гармонизация терминосистем в рамках сопоставительного терминоведения возможна.

Ключевые слова: терминология, сопоставительное терминоведение, перевод, межъязыковая гармонизация терминосистем.

Alla P. Minyar-Belouchcheva, Ph.D. (Philology), Dr. Habil., Professor at Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: ostvera@mail.ru

Marina Ye. Pokrovskaya, Ph.D. (Philology), Associate Professor at Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: astraM1@yandex.ru

FEATURES OF ANTHROPOLOGY TERMS TRANSLATION

This article focuses on the translation of anthropology terms, the meanings of which do not coincide in the Russian and English languages despite their sound-graphic similarity. It is applied to such terms as *ethnology*, *ethnography*, *anthropology* and their Russian analogies: *антропология*, *этнология*, *этнография*.

To study the anthropology terms, the authors used a pragmatic approach, according to which terminology is viewed as a system that shapes an academic text. The translation of these terms is determined by their specificity.

Currently, the main research center of Russian ethnology is the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; its name reflects the traditional approach to the interpretation of the terms of this academic discipline, where ethnology embraces a socio-cultural aspect of the study of man, whereas anthropology (a.k.a. physical anthropology in the United States) deals with the biological issues.

Although anthropology is inseparably linked with biology, at the same time, it is closely connected with social sciences as well. From this point of view, anthropology crowns natural sciences.

The result of the research has shown that after establishing discrepancies in the system of concepts expressed in terms of native and foreign languages, the inter-language harmonization of terminology within the framework of comparative terminology is possible.

Key words: terminology, comparative terminology, translation, interlingual harmonization of terminology.

Необходимость изучения особенностей перевода терминов антропологии, как любых других терминов, обусловлена тем, что процессы интеграции, расширение международного сотрудничества, делают термины антропологии объектом пристального внимания исследователей. Непременным условием успешной межъязыковой научной коммуникации является эквивалентность терминов, констатирующих научную информацию в специальном тексте ИЯ и ПЯ. Установление системы структурных и понятийных соответствий между английской и русской терминосистемами антропологии является первым шагом к осуществлению профессионально-ориентированного перевода. Проблемы, связанные с переводом терминов антропологии не одно десятилетие вызывают интерес со стороны переводоведов, переводчиков и лингвистов.

Несмотря на существование большого количества определений термина, единой дефиниции до сих пор не имеется. Большинство исследователей склоняются к тому, что определение термину, данное О.С. Ахмановой, как слову (словосочетанию), означающему понятие специальной области знания или деятельности, является классическим [Ахманова, 1966: 474]. В качестве терминов предлагается рассматривать субстантивные единицы языка, поскольку только «имя существительное отвечает максимально полно тем требованиям, которые позволяют терминам выполнять свою основную номинативно-дефинитивную функцию» [Даниленко, 1993: 47].

Термины могут подразделяться по числу компонентов на моноксемные [Лазарева, 2000: 15] и многокомпонентные, составные. Согласно Л.В. Щербе, к составным терминам относились сочетания слов, обладающие структурным и семантическим единством и представляющие собой расчленённую терминированную номинацию [Щерба, 1974].

Следует отметить, что проблемы перевода терминов всегда занимали особое место в работах по теории перевода [Федоров, 1968: 159] и продолжают привлекать пристальное внимание современных переводоведов и переводчиков. Это объясняется тем, что термины определяют информационное содержание специального текста, являясь своеобразными ключами, организующими, структурирующими и кодирующими специальную информацию [Володина, 1998].

Вопрос о достижении эквивалентности при существовании различия кодовых единиц, представляющий, по мнению Романа Якобсона, «кардинальную проблему языка и центральную проблему лингвистики» [Якобсон, 1978: 18], встаёт особенно остро, когда это касается терминов.

Различия в системах ИЯ и ПЯ не позволяют достичь абсолютно полной и точной передачи содержания оригинала при переводе, этому препятствуют традиции номинации понятий, сложившиеся в каждом из языков, а также различия явлений самой действительности [Комиссаров, 1990: 39]. Следует отметить, что специфика термина заключается прежде всего в его особой функции номинации понятия в системе понятий: «языковая единица получает признаки термина постольку, поскольку она выступает в терминологической функции, и теряет их в том случае, когда данная единица перестаёт быть термином» [Лейчик, 1976: 10]. Таким образом, «граница между терминологической и общеупотребительной лексикой... имеет не исторический, а функциональный характер» [Гринев, 1993: 29], что даёт возможность подойти к терминам как к лексическим единицам, свободно функционирующим в языке подобно другим словам, но имеющим специальную функцию называния специального понятия в рамках отдельной терминосистемы.

Анализу основных свойств и характеристик термина всегда уделялось особо пристальное внимание. Основные свойства термина были выявлены С.В. Гриневым. К ним относятся: «специфичность употребления» (специальная область употребления), под которой понимается использование термина для называния понятий и «содержательная точность», а именно «чёткость, ограниченность значения терминов», устанавливаемая дефиницией [там же: 29]. Знание основных свойств и функций терминов необходимы для установления требований, необходимых для их перевода. Особенность перевода терминов заключается в том, что для достижения их эквивалентности необходимо сохранить содержательную точность единиц ИЯ, обеспечить максимальную идентичность понятий, выражаемых терминами ИЯ и ПЯ.

При подборе термина ПЯ, эквивалентного терминологической единице ИЯ, проблемы возникают вследствие отсутствия в ПЯ устойчивых терминологических единиц, обладающих тем же «кодом», когда термины ИЯ не имеют эквивалентных единиц ПЯ, зафиксированных в словарях и когда отсутствует соответствие между значениями единиц ИЯ и ПЯ. Эту проблему терминоведы, переводчики и лексикографы стремятся решить не одно десятилетие.

Долгое время терминологические системы изучались в отрыве от контекста, соотносясь только с «терминологическим полем, которое и заменяет собой контекст», поскольку считалось, что если

известен «терминологический ключ», то контекст уже не важен. Термины могут жить вне контекста, если известно, членами какой терминологии они являются» [Реформатский, 1961: 46].

Определение границ терминологического поля осложняется многозначностью терминов, которые в разных значениях функционируют в различных научных областях. В современном терминоведении первичность сферы функционирования терминов признана определяющей [Гринев, 1993; Лейчик, 1989].

При подходе к терминам как к наименованиям элементов системы понятий, передающих информацию, содержащуюся в специальном тексте, и определяющих содержание коммуникативного акта, имеется возможность установить системные отношения между терминами, функционирующими в специальном тексте и характеристиками языковых единиц на парадигматическом и синтагматическом уровне. Это позволяет определить значения языковых единиц, которые актуализируются в пределах данной системы и действительно связаны системными отношениями.

Исходя из изложенного, следует, что проблема перевода терминов профессионально-ориентированных текстов остаётся одной из актуальных проблем современного переводоведения. Это связано с процессом формирования и развития терминосистем конкретных подъязыков, анализ которых необходим для осуществления их качественного перевода. Расхождение в системе понятий, выражаемых терминами ИЯ и ПЯ, применительно к терминосистеме антропологии ранее уже было установлено.

Представляется целесообразным проанализировать данную терминосистему в синхроническом аспекте, начав с рассмотрения современного состояния антропологии как науки.

В мире существует большое количество антропологических направлений, изучающих культуры разных народов, каждая из которых выработала свой терминологический аппарат. По мере развития науки данный аппарат постоянно увеличивался, что привело к необходимости его анализа и классификации. Поскольку каждая школа придерживается собственного взгляда на изучаемый ею предмет и создаёт соответствующий терминологический аппарат, то это вызывает определённые сложности при чтении и переводе источников на другой язык, так как знакомые звукографические формы расходятся по значению в разных языках.

Из-за разницы в подходах первая трудность перевода с русского на английский языки встречается уже в названии дисциплины, поскольку оно не однозначно, его наполнение в разных национальных научных школах не совпадает, что вызывает вопросы, как у переводчиков, так и у специалистов. Проблема настолько актуальна для самой антропологии, что для уточнения терминов нацио-

нальных школ создан *Конгресс антропологических и этнологических наук (the International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences)*, поскольку современная западная и отечественная научная литература часто отождествляет этнографию, этнологию, культурную, социальную и социокультурную антропологию, что весьма условно и не всегда правомерно, по мнению некоторых специалистов.

Насколько взаимозаменяемы термины, можно понять, если сравнить предметы и объекты их исследования. В результате мы получим следующую таблицу (рис. 1).

В результате анализа переводов текстов по антропологии с русского на английский были сделаны выводы о том, что на терминологические нюансы, существующие в понятиях науки разных культур особого внимания не обращают.

Так, в результате перевода, сделанного *Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, который с 2000 года выпускает международный рецензируемый журнал «Археология, этнография и антропология Евразии»*, официальное название журнала на английском языке выглядит следующим образом: *The international peer-reviewed journal Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*.

В связи с этим возникает ряд вопросов:

1. Почему русский термин *Этнография* передаётся английским *Ethnology*?

2. На каком основании *антропология Евразии*, под которой понимаются физические особенности евразийских народов, переводится *Anthropology of Eurasia*, а не конкретизируется как *Physical Anthropology of Eurasia*.

Возвращаясь к первому вопросу, следует отметить, что термины *Этнография* и *Ethnology* являются эквивалентными и, следовательно, взаимозаменяемыми, поскольку в российской науке *Этнография* подразумевает сбор и описание социо-культурных материалов о разных народах. Под *Ethnology* понимается “science of the characteristics, history, and customs of the races of mankind,” 1832, from ethnology, perhaps modeled on French or German [EOD], то есть *Этнология* рассматривается в качестве теоретической, обобщающей науки об этносах. Следовательно, более корректным является перевод *Этнографии* как *Ethnography*, означающей “science of the description and classification of the races of mankind” [EOD]:

Термин	Перевод
<i>этнография</i>	<i>ethnology</i>
<i>этнограф</i>	<i>ethnologist</i>

Страна	Термин	Значение
Франция	<i>этнология</i> <i>этнография</i>	наука о народах и культурах; возникла с целью сбора и систематизации социокультурных материалов о разных народах; описательный уровень исследований
Германия	<i>Volkskunst</i> <i>этнология</i>	этнология как наука о собственном этносе; предполагает этнографическое описание и изучение немецкоязычных народов (немцев, австрийцев, швейцарцев),
	<i>Volkskunde</i>	этнографическое направление в этнологии, как наука о других этносах.
Россия	<i>этнология</i>	теоретическая, обобщающая наука об этносах; использует данные культурной антропологии для своих теоретических обобщений
	<i>этнография</i>	возникла с целью сбора и систематизации социокультурных материалов о разных народах; описательный уровень исследований
	<i>антропология</i>	естественная наука, которая изучает телесные параметры человека (соматологию, антропометрию, расовую антропологию и т.д.), включая эволюцию человека
Великобритания	<i>социальная антропология</i>	ближе к социологии, а не этнологии, так как не подразумевает исследований этнических общностей; направлена на изучение особенностей социальной организации народов мира.
США	<i>антропология</i>	наука о человеке, включает четыре основные составляющие: <i>физическая антропология (Physical anthropology)</i> , <i>культурная антропология (Cultural anthropology)</i> , <i>археология (Archaeology)</i> и <i>лингвистика (Linguistics)</i> .
	<i>культурная антропология</i>	изучает процессы формирования человеческой культуры; она использует описательные «полевые» материалы этнологии для доказательства и проверки своих концепций.

Рис. 1. Таблица специфики номенклатуры по странам в рамках дисциплин о человеке

Данный пример отражает сложный путь становления наук о человеке в России, которая следовала параллельно европейскому. Как и в Германии, и во Франции, в России появление этнографических описаний связано с периодом колонизации.

Эти противоречия видны до сих пор. В статье по истории дисциплины в английском варианте читаем:

Пример 1.

As stated in the introduction, the point of the book is not to provide a history of *Russian anthropology* per se, but rather an image of the discursive patterns that developed during the Imperial and Soviet period within the discipline (though some essays, such as the ones by Marina Mogilner and Roland Cvetkovski are far more historical in character and require from the reader a certain familiarity with *Russian ethnography, ethnology and anthropology* in order to fully appreciate them) [An empire of others].

В одном предложении мы встречаем *Russian anthropology*, а в другом – *Russian ethnography, ethnology and anthropology*, при этом в первой фразе существительное *Anthropology* используется в качестве гиперонима (*антропология* в американской интерпретации), а во втором употребляется как один из гипонимов (*антропология* = физическая антропология).

Пример 2.

For one thing, **Russian anthropology and ethnography** received relatively low attention during the epoch, despite the fact that scholarly exchanges between researchers from the West and those from the USSR proved fruitful for both sides [An empire of others].

В данном случае мы видим описания российской *Этнологии* и *Антропологии* на английском языке, которые в русском языке воспринимаются как гипоним при отсутствии гиперонима, поскольку *Этнология* воспринимается как гуманитарная наука, а *Антропология* как естественнонаучная дисциплина. Причём автор подразумеваемую им *Этнологию* переводит как *Ethnography*. А подразумевая под *Антропологией* *Физическую антропологию*, он переводит её как просто *Anthropology*, хотя уместнее было бы перевести как *Physical Anthropology*.

Пример 3.

A strong evolutionist school emerged in the 1880s, introducing methods of historical reconstruction on **archaeological, physical anthropological and ethnographic materials** (M. Kovalevski, D. Anuchin, L. Sternberg). V. Bogoraz and V. Iochelson were organizers of the Jessup Expedition to Chukotka and Kamchatka (1901–1902). Around this time the first **ethnographic journals** appeared as well as many popular works on the cultures of the world.

Анализ перевода показывает, что выделенные фрагменты можно передать по-разному в зависимости от целевой аудитории, включая авторский вариант:

Русский язык	Английский язык	Целевая аудитория
на археологическом, антропологическом и этнографическом материале	archaeological, physical anthropological and ethnographic materials	Для европейской аудитории
	anthropological materials	Для американской аудитории
	archaeological, anthropological and ethnographic materials	Буквальный перевод

В результате проведённого анализа различий содержания терминов антропологии следует, что они продолжают привлекать пристальное внимание переводоведов и переводчиков, предопределяя информационное содержание разноязычных специальных текстов по данной дисциплине. Достижение эквивалентности при переводе в отсутствие абсолютной тождественности кодов языков представляет трудности, которые можно и необходимо преодолеть. Установив расхождения в системе понятий, выраженных терминами ИЯ и ПЯ, переводчики и переводоведы двигаются по пути межъязыковой гармонизации терминосистем в рамках сопоставительного терминоведения, сближая понятийную системность и системность лингвистическую. Понимание и перевод вербализованных понятий антропологии вне контекста, вне сферы их функционирования и без фиксации системных отношений в терминосистеме не может быть эквивалентным и адекватным.

Список литературы

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М: Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
- Ahmanova, O.S.* Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaja Jenciklopedija, 1969. 608 p. (in Russian).
- Археология, этнография и антропология Евразии. Available at: http://www.archaeology.nsc.ru/en/publish/journal/jrAEAE_en.aspx (дата обращения: 12.04.2017).
- Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia.], available at: http://www.archaeology.nsc.ru/en/publish/journal/jrAEAE_en.aspx (December 04.2017). (in Russian).
- Володина М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: Дисс. ... докт. филол. наук. Moscow, 1998.
- Volodina, M.N.* Kognitivno-informacionnaja priroda termina i terminologicheskaja nominacija [Cognitive-informational nature of the term and terminological nomination]: doktor's thesis filol. nauk. Moscow, 1998 (in Russian).
- Гринев С.В.* Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
- Grinev, C.V.* Vvedenie v terminovedenie [Introduction to Terminology]. Moscow: Moskovskij licej, 1993. 309 p. (in Russian).

- Даниленко В.П.* Лингвистический аспект стандартизации терминологии. М.: Наука, 1993. 126 с.
- Danilenko, V.P.* Lingvisticheskiy aspekt standartizacii terminologii [The linguistic aspect of the standardization of terminology]. Moscow: Nauka, 1993. 126 p. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 251 с.
- Komissarov, V.N.* Teorija perevoda [Translation theory]. Moscow: Vysshaja shkola, 1990. 251 p. (in Russian).
- Лазарева М.А.* Сопоставительный анализ метеорологической лексики английского и русского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2000. 19 с.
- Lazareva, M.A.* Sopostavitel'nyj analiz meteorologicheskoy leksiki anglijskogo i russkogo jazykov [Comparative analysis of meteorological vocabulary of English and Russian languages]. Extended abstract of candidat's thesis filol. nauk. Moscow: MGU, 2000. 19 p. (in Russian).
- Лейчик В.М.* Термины и терминосистемы пограничная область между естественным и искусственным в языке // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1976. С. 3–11.
- Lejchik, V.M.* Terminy i terminosistemy pogranichnaja oblast' mezhdru estestvennym i iskusstvennym v jazyke [Terms and terminosystems border area between natural and artificial in language]. Voprosy terminologii i lingvisticheskoj statistiki. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1976. Pp. 3–11. (in Russian).
- Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 46–54.
- Reformatskiy, A.A.* Chto takoe termin i terminologija [What is the term and terminology?]. Voprosy terminologii (Materialy Vsesojuznogo terminologicheskogo soveshhanija). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. Pp. 46–54. (in Russian).
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968. 398 с.
- Fedorov, A.V.* Osnovy obshhej teorii perevoda [Fundamentals of General Theory of Translation]. Moscow: Vysshaja shkola, 1968. 398 p. (in Russian).
- Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.
- Shherba, L.V.* Opyt obshhej teorii leksikografii [The general theory of lexicography]. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. Leningrad, 1974. Pp. 265–304. (in Russian).
- Якобсон Р.О.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сборник статей. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–25.
- Jakobson, R.O.* O lingvisticheskikh aspektah perevoda [On linguistic aspects of translation]. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike: Sbornik statej. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1978. Pp. 16–25. (in Russian).
- An Empire of others. Creating ethnographic knowledge. Available at: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-3809309381/an-empire-of-others-creating-ethnographic-knowledge> (дата обращения: 12.04.2017)
- Etymological Online Dictionary. Available at: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=ethnology (Desember 04, 2017)

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде постраничных сносок. *Библиографические ссылки*: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [там же: 128] для русскоязычных источников или [ibid.: 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (in Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты:
vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, член-корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия);

Балью Кристиан, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия);

Бельский Евгений Викторович, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьещи Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия);

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Эрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания);

Кольцова Юлия Николаевна, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария);

Манерко Лариса Александровна, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия);

Мишиуров Эдуард Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкиров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Матасов Роман Александрович, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан Кё Ён**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея);

Торсуков Евгений Георгиевич, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия);

Харацидис Элефтериос Константинович, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия);

Хухуни Георгий Теймуразович, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Чайковский Роман Романович**, доктор филологических наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет (Россия);

Шмитт Питер Аксель, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovsky, Nikolai K., Editor-in-Chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awaiss, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Alexeeva Irina S.**, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Belsky, Yevgeniy V.**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Iso-lahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Koltsova, Yulia N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan, Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Elefterios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Tchaikovskiy, Roman R.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), North-Eastern State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Корректор *А.В. Игумнов*

Компьютерная верстка *Ю.В. Одинцовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.

Тел. 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 27.10.2017. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офс. № 1.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 00,0.

Тираж экз. Изд. № 10385. Заказ № .

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru

Отдел реализации.

Тел.: (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupublishing.ru

Сайт Издательства МГУ: <http://msupublishing.ru>

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074—6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2017. № 2. С. 1—128.